

84(3)
Б81

КРУГ ЧТЕНИЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПАДДИНГТОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

МАЙКЛ БОНД

АЗБУКА

А
З
Б
У
К
А
★
К
Л
А
С
С
И
К

**ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

МАЙКЛ БОНД

ПАДДИНГТОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

Санкт-Петербург
Издательский Дом
«Азбука-классика»

2007

УДК 82-93

ББК 84(4 В. 81)

Б 81

Michael Bond

Paddington Abroad © Michael Bond, 1961

Paddington Marches on © Michael Bond, 1964

Paddington at Work © Michael Bond, 1966

Cover illustration © R. W. Alley 2003

Перевод с английского А. Глебовской

Иллюстрации П. Фортнум

Иллюстрация на обложке Р. В. Элли

Оформление серии В. Пожидаева

Бонд М.

Б 81 Паддингтон путешествует: Рассказы / Пер. с англ. А. Глебовской. — СПб: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. — 288 с.: ил.

ISBN 5-91181-186-3

Истории английского писателя Майкла Бонда о медвежоке по имени Паддингтон давно уже стали классикой детской литературы. Если речь заходит о самых знаменитых литературных медведях, англичане обязательно называют Винни Пуха и Паддингтона.

Эта история началась в Лондоне, на Паддингтонской вокзале. Маленький медвежонок, приехавший из Дремучего Перу, никак не во ждал, пока кто-нибудь обратит на него внимание. К счастью, мистер и миссис Браун решили позаботиться об отважном путешественнике, и скоро Паддингтон стал полноправным членом их семьи.

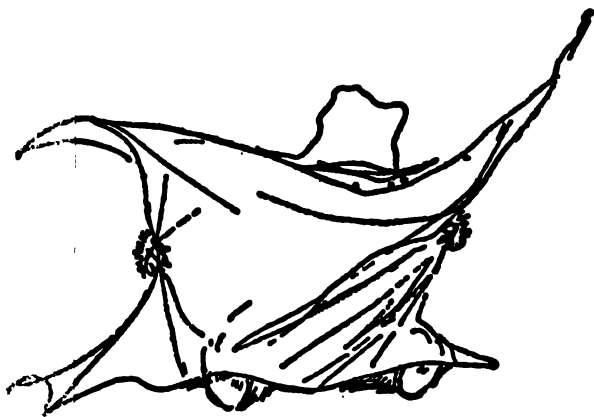
В этой книге Паддингтон отправляется путешествовать. Сначала — во Францию, где Брауны решили провести летний отпуск. Потом — в Дремучес Перу, на юбилей своей тёти Люси, которая живёт в Доме для престарелых медведей. А путешествия — это всегда приключения и неожиданности: можно, например, стать победителем в этапе велогонки «Тур де Франс», можно остановить огромный океанский лайнер, а можно просто выйти на улицу, погреться на солнышке и вдруг увидеть привидение... Чем дальше, тем бы Паддингтон ни оказался, всюду начинают происходить невероятные события. Такой уж это медведь — где он, там никогда не бывает скучно.

© А. Глебовская, перевод, 2007

© Издательский Дом

«Азбука-классика», 2007

ISBN 5-91181-186-3

Разгром в комнате был ужасный. Паддингтон, впрочем, особо не удивился, потому что давно привык, что с ним вечно что-нибудь случается, — однако, встав с пола и окинув комнату взглядом, он вынужден был признать, что *такого* разгрома ему ещё не доводилось видеть.

Пол был усеян картами и клочками бумаги, не говоря уж о безобразных пятнах мармелада и длинной цепочке отпечатков грязных медвежьих лап. Цепочка начиналась с большой карты, которая была разложена на кровати поверх одеяла. Это был подробный план Лондона. В самой его середине, рядом с первым отпечатком, находился дом номер тридцать два по улице Индзорский Сад, который был помечен кружочком.

От дома Браунов следы вели на юг, по всей кровати, и дальше на пол. На полу лежала ещё одна карта. Но следы не обрывались и здесь, они шли дальше к югу, до самого пролива Ла-Манш, а потом к подоконнику, где лежала третья карта, изображающая северный берег Франции*. Там след заканчивался неопрятной кляксой, состоявшей из раскрошенного печенья, лужицы мармелада и чернильного пятна.

Глубоко вздохнув, Паддингтон рассеянно окунул лапу в эту смесь. Потом встал на четвереньки, сощурился и попробовал посмотреть на комнату от самого пола, но от этого разгром показался только хуже, потому что снизу стали видны все бугры и вмятины на ковре.

Только медвежонок собрался снова лечь на пол и поразмыслить, что же теперь делать, как вдруг позвякивание тарелок и шаги на лестнице мигом вернули его к действительности.

Паддингтон вскочил и с виноватым видом принялся без разбора запихивать все бумажки и карты под кровать. Хотя он и успел заготовить очень обстоятельное объяснение устроенному разгрому, у него не было ни малейшей уверенно-

* Великобритания хотя и остров, однако до ближайшего европейского берега, северного побережья Франции, от неё рукой подать. В самом узком месте, между английским Дувром и французским Кале, ширина пролива Ла-Манш немногим больше тридцати километров. Иногда англичане ездят во Францию просто «на выходные», а иногда, как наши друзья, и на долгий летний отдых — во Франции и пляжи получше, и климат поприятнее, да и вообще, всё-таки «заграница»!

сти в том, что миссис Браун и миссис Бёрд станут это объяснение слушать — тем более во время завтрака, когда всем всегда некогда.

— Ты проснулся, Паддингтон? — окликнула его миссис Браун, постучав в дверь.

— Нет ещё, миссис Браун! — отозвался медвежонок глухим голосом, пытаясь затолкать банку с мармеладом под шкаф. — У меня, кажется, глаза слиплись!

Для пущей правдоподобности Паддингтон зажмурился и несколько раз всхрапнул, не переставая сгребать в кучу свои вещички. Отыскав на ощупь перо и чернильницу, он, недолго думая, засунул их в шляпу, шляпу нахлобучил на голову, а потом, подобрав оставшиеся карты, вслепую заковылял к шкафу.

— Да что тут такое происходит, Паддингтон? — воскликнула миссис Браун, когда дверь перед ней внезапно распахнулась и на пороге появился медвежонок.

Увидев миссис Браун с завтраком на подносе, Паддингтон едва не сел на пол от удивления.

— Я подумал, что вы — шкаф, — пояснил он, поспешно спрятав лапу с картами за спину и отступая к кровати. — Я, наверное, пошёл не в ту сторону.

— Оно и видно, — кивнула миссис Браун, входя в комнату. — В жизни не слышала такого грохота и скрежета!

Миссис Браун обвела комнату подозрительным взглядом, но всё вроде бы стояло на своих

местах. Тогда она снова посмотрела на медвежонка, который уже забрался обратно в кроватку и сидел там с очень странным выражением на мордочке.

— У тебя всё в порядке? — на всякий случай уточнила миссис Браун, ставя перед Паддингтоном поднос.

На одну ужасную секунду ей показалось, что по левому уху медвежонка стекает красная струйка, но он тут же нахлобучил шляпу до самого носа, так что как следует приглядеться миссис Браун не успела. Тем не менее вид их любимца миссис Браун совсем не понравился, и она помедлила у двери, пытаясь догадаться, что же всё-таки стряслось.

Паддингтон же, со своей стороны, только и ждал, чтобы миссис Браун поскорее ушла. Впопыхах он забыл завинтить колпачок чернильницы, и под шляпой уже стало довольно сыро.

Миссис Браун со вздохом закрыла дверь. Она прекрасно знала из прошлого опыта, что когда на Паддингтона «находит», вытянуть из него хоть что-либо совершенно не возможно.

— Если хотите знать моё мнение, — прокомментировала миссис Бёрд, когда миссис Браун пришла к ней на кухню и рассказала о подозрительном поведении медвежонка, — так должна заметить, что не он один ведёт себя странно. В этом доме все точно с ума посходили. И вы не хуже моего знаете почему!

На это миссис Браун нечего было возразить. Накануне вечером всё в их доме действительно перевернулось с ног на голову.

А началось с того, что мистер Браун вернулся с работы с целым ворохом карт и ярких брошюрок и громким голосом оповестил, что этим летом они едут отдыхать во Францию!

И с той самой секунды привычные мир и покой дома номер тридцать два по улице Виндзорский Сад были утрачены безвозвратно.

До самой поздней ночи в семье только и разговоров было что о поездке. Из ящиков со всяким хламом извлекли старые надувные мячи и купальные костюмы; миссис Бёрд принялась стирать и гладить целый ворох одежды, необходимой в дальней дороге, а все остальные горячо обсуждали планы предстоящего путешествия.

Больше всех неожиданная новость взволновала медвежонка. С тех пор как он поселился у Браунов, его не раз брали в однодневные поездки, и это ему очень нравилось, но в настоящее, длинное путешествие он ещё никогда не ездил, и ему не терпелось попробовать. А в довершение всего мистер Браун в порыве великодушия назначил его ответственным за все карты и ещё за какую-то штуку, называемую «маршрут»!

Поначалу Паддингтон засомневался, справится ли он — очень уж значительно звучало слово «маршрут», но когда Джуди объяснила, что он просто должен будет написать, какие места они

хотят посетить и что там посмотреть, он успокоился. Паддингтон очень любил составлять списки, а «маршрутный» список обещал быть особенно интересным.

— Да уж, — хмуро проговорила миссис Бёрд, когда за мытьём посуды они вернулись к разговору о предстоящей поездке, — если за карты будет отвечать медведь, меньше чем в две недели мы никак не уложимся. Это называется будить лихо, пока оно тихо. Вот увидите, добром эта затея не кончится.

Миссис Браун тоже вздохнула.

— Ладно, ничего не поделаешь, — сказала она с нарочитой беспечностью. — По крайней мере, Паддингтону это доставит кучу удовольствия. Он так любит разные списки!

— Гм... — хмыкнула миссис Бёрд. — Опять все простыни перемажет, уж я-то знаю. Кому маршрут, а кому стирка.

Она пробурчала ещё что-то и бросила сумрачный взгляд на потолок, туда, где на втором этаже находилась комната медвежонка. Богатый опыт отстирывания простыней и наволочек говорил миссис Бёрд, что Паддингтона и чернильницу лучше держать подальше друг от друга. Однако на сей раз беспокоилась она зря, потому что Паддингтон уже покончил с писанием. Он сидел в своей кроватке, держа в лапах большущий лист бумаги, и внимательно его рассматривал.

В верхней части листа крупными красными буквами был написан заголовок:

МОРЖРУД ПАДИНКТУНА

а рядом стоял отпечаток лапы, чтобы сразу было видно, что маршрут не поддельный.

Паддингтон был не вполне уверен, что правильно написал слово «маршрут», но хотя накануне он просмотрел в словаре мистера Брауна все слова на «мо», «маршрута» там не оказалось. Надо сказать, Паддингтон не удивился. Он уже давно перестал полагаться на словари, потому что всякий раз, как ему случалось встретить особенно заковыристое слово, в словаре такого не оказывалось.

Под номером один в списке значилось:

7ем часов утра — Завтрак (пабольше)

Затем:

8ем часов — уезд из дома (Винзорский Сад 32)

9ять часов — Перекус

11ать часов — Послизавтрак

Паддингтон ещё разок перечитал список, дописал:

12ать часов — Обет на барту самалёта

сложил бумагу и спрятал в потайной кармашек своего чемодана. Составлять план поездки, тем более за границу, оказалось куда сложнее, чем он думал, и Паддингтон понял, что ему остаётся только одно: пойти посоветоваться со своим другом мистером Крубером.

Через несколько минут, наскоро умывшись, он спустился вниз, записал под диктовку миссис

Бёрд, что надо купить из продуктов, подхватил свою хозяйственную сумку на колёсиках и с решительным блеском в глазах выскочил из дому.

Забрав из булочной обычную утреннюю порцию горячих булочек, Паддингтон свернул на улицу Портобелло и отправился знакомой дорогой к антикварной лавке мистера Крубера, которая, как всегда, была так забита всякими древностями и диковинками, что они едва не вываливались из витрин.

Узнав о предстоящей поездке Браунов за границу, мистер Крубер взволновался не меньше медвежонка и поспешно отвёл его в заднюю комнату, где на диванчике из конского волоса они обычно обсуждали самые серьёзные проблемы.

— Какая приятная новость, мистер Браун! — начал мистер Крубер, ставя на плитку ковшик с молоком. — Подумайте сами, много ли на свете медведей, которым выпадает счастье провести лето за границей! Так что вам надо, как говорится, брать быка за рога. И если я могу вам чем-нибудь помочь, спрашивайте, не стесняйтесь.

Помешивая какао, мистер Крубер внимательно слушал Паддингтоновы объяснения, а выражение его лица становилось всё серьёзнее и серьёзнее.

— Да, нелёгкая это задача для медведя ваших лет быть ответственным за маршрут, — признал он, передавая Паддингтону чашку какао в обмен на булочку. — Давайте-ка посмотрим, чем я могу вам пособить.

И, не откладывая дела в долгий ящик, мистер Крубер встал на четвереньки и начал перебирать старые книги, лежавшие в коробке за диваном.

— Этим летом, похоже, все решили отдыхать за границей, — заметил он, по одной передавая Паддингтону нужные книжки. — У меня расхватали почти всё, что было про Францию, но, думаю, вот это вам вполне подойдёт.

Стопка всё росла, Паддингтоновы глаза всё округлялись, а под конец, когда мистер Крубер внезапно извлёк из-под книжек поношенный чёрный берет, медвежонок чуть не свалился с дивана от удивления.

— Боюсь, он будет вам великоват, — извиняющимся тоном проговорил мистер Крубер, поднимая берет к свету. — Да местами его моль проела.

Зато это настоящий французский головной убор, и он в полном вашем распоряжении.

— Спасибо большое, мистер Крубер, — поблагодарил Паддингтон. — А дырки, они очень даже кстати — я в них уши просуну. Медвежьи уши в шляпы плохо влезают.

— Надеюсь, всё остальное вам тоже придётся кстати, — продолжал мистер Крубер, явно польщённый довольным выражением на мордочке медвежонка. — Чтобы составить маршрут, требуется не одна книга, и вообще, лучше всё предусмотреть заранее. За границей, мистер Браун, чего только не бывает!

Мистер Крубер принялся рассказывать про Францию, и прошло немало времени, прежде чем Паддингтон смахнул с мордочки последние капли какао и поднялся, чтобы идти домой. В гостях у мистера Крубера время всегда летело очень быстро, потому что он умел рассказывать куда интереснее, чем все остальные.

— А в вашем дневнике, мистер Браун, наверняка появится немало интересных записей, — добавил мистер Крубер на прощание, помогая Паддингтону погрузить книги в сумку. — Я потом с удовольствием почитаю.

Паддингтон, которому не терпелось полистать новые книжки, попрощался и зашагал по улице Портобелло, с усилием толкая перед собой сумку на колёсиках. Со всеми книжками и покупками она сделалась такой увесистой и неповоротливой, что медвежонок несколько раз едва не

врезался в тележки торговцев, стоявшие вдоль улицы.

А кроме того, в голову ему набилось столько мыслей, что он даже не знал, какую думать первую. Больше всего ему хотелось примерить берет, да и книги мистера Крубера выглядели очень заманчиво. В конце концов Паддингтон решил, что стоит присесть, передохнуть и получше рассмотреть и то и другое.

Он положил свою старую шляпу на землю, нацепил берет и начал по одной вытаскивать книжки из сумки.

На самом верху лежал словарь. Потом — французская поваренная книга со множеством рецептов и ярких фотографий, от которых у Паддингтона даже слюнки потекли. Дальше ему попался путеводитель, в котором были карты и указания, куда надо обязательно съездить и что посмотреть, а потом ещё несколько книжек с картинками.

На самом же дне лежал очень солидного вида том в кожаном переплёте, на котором было вытиснено золотыми буквами: **РАЗГОВОРНИК ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.**

Прежде чем вытащить из сумки эту книгу, Паддингтон перебежал через улицу и обмакнул лапы в ближайшую водосточную канаву. Мистер Крубер предупредил, что разговорник очень старинный, и просил обращаться с ним особенно аккуратно.

Усевшись на прежнее место, Паддингтон принялся листать разговорник. Такой книги ему ещё

никогда не попадалось. На обратной стороне обложки оказалась картинка, на которой четыре белые лошади тащили какую-то штуковину вроде очень старомодного автомобиля, а дальше шли разные французские фразы с английским переводом, да ещё и рисунки для пущей понятности.

Вскоре Паддингтон так увлёкся, что совсем позабыл, где он и куда идёт. В разделе, который назывался «Путешествия», ему попала одна в особенности любопытная фраза, от которой он долго не мог оторваться. Звучала она так: «Моя бабушка упала из дилижанса, вызовите карету милосердия».

Паддингтон сразу понял, что эта фраза может очень пригодиться, если миссис Бёрд вдруг случайно упадёт из машины, и он повторил её несколько раз, изо всех сил жестикулируя, как и дяденьки на картинке.

К его вящему удивлению, когда он поднял глаза, выяснилось, что вокруг собралась небольшая кучка прохожих, которые глазели на него с нескрываемым любопытством.

— Знаете чего? — сказал дяденька с велосипедом, окинув медвежонка проницательным взглядом. — Это небось луковичный медведь*. — Тут

* Лук во Франции любят и используют при приготовлении почти всех блюд (за исключением, разумеется, сладких), поэтому торговцы луком со связками своего товара на шее там обычное зрелище. Судя по всему, забредают они и на английский берег. Ну а вот чтобы луком торговали медведи — об этом пока ещё никто не слышал.

он повернулся к слушателям и авторитетно добавил: — Они каждый год из Бретани* приплывают. У них луковицы на шее висят на верёвочке, на манер ожерельев. Ну, видели небось. Ишь как лопочет по-французски.

* Бретань, французскую провинцию на полуострове Бретань, ни в коем случае не следует путать с Британией, или Великобританией. Однако названия свои они получили от одного и того же племени бриттов, которые обосновались в Бретани в V—VI веках, бежав с острова Британия от завоевавших его англосаксов; ну а англосаксы в свою очередь дали название одной из частей этого острова, Англии. Другие части называются Шотландия, Ирландия и Уэльс.

— Чепуха, — оборвал его другой дяденька. — Вовсе не по-французски. С ним, по-моему, просто припадок какой-то приключился. Махал лапами, как оглашенный. И потом, — добавил он торжествующе, — если это луковичный медведь, где же, скажите на милость, его луковицы?

— Потерял, надо думать, — предположил кто-то ещё. — Поэтому и вид у него такой разнесчастный. Я так думаю, у него, горемыки, верёвочка порвалась.

— Тут любого припадок хватит, — посочувствовала какая-то тётенька. — Подумать только, приехать в такую даль и растерять все свои луковицы!

— Так ведь я что и говорю, — снова встрял дяденька с велосипедом. — У него был французский припадок. А уж это хуже некуда. Они вообще все того, эти иностранцы.

— Не вздумай трогать его, сынок, — вставила ещё одна тётенька, поворачиваясь к своему малышу, которому явно очень понравился Паддингтонов берет. — Мало ли где он валялся!

Пока зрители переговаривались, глаза у медвежонка становились всё больше и больше, а последнее замечание окончательно вывело его из себя.

— Луковичный медведь?! — не выдержал он. — Вовсе я не луковичный медведь! Я медведь, который собрался за границу, и я нигде не валялся, а просто иду домой от мистера Крубера!

С этими словами он сгрёб свои книжки и зашагал дальше, оставив зевак в полном недоумении.

Сворачивая на свою улицу, Паддингтон бросил через плечо несколько очень суровых взглядов, но вот он оказался у знакомой зелёной двери дома номер тридцать два и рассудил, что на самом-то деле всё не так уж и плохо.

Он стоял на пороге, прислушиваясь к шагам миссис Бёрд в прихожей, и думал о том, что этим утром он славно потрудился.

Это, пожалуй, очень даже и здорово, когда тебя принимают за французского медведя, пусть даже и луковичного! Чем больше Паддингтон об этом размышлял, тем выше он задирал нос, и под конец у него не осталось никаких сомнений, что уж теперь-то, с помощью карт, путеводителей и книг мистера Крубера, он сумеет составить для Браунов самый что ни на есть замечательный «моржруд».

ДЕНЬГИ В БАНКЕ

— Что-то наш мишутка сегодня при полном параде, — заметила миссис Бёрд.

— Правда? — сразу же встревожилась миссис Браун. — О господи! Надеюсь, ничего страшного не случится.

Она встала рядом с миссис Бёрд у окна, и они проводили глазами фигурку в синем пальтишке, которая деловито вышагивала по тротуару.

Да, миссис Бёрд не ошиблась, Паддингтон действительно принарядился. Даже на расстоянии было заметно, что мех его тщательно расчёсан, а ветхая шляпа не надвинута, как обычно, до самого носа, а лихо заломлена назад и один край молодцевато загнут кверху. Старый чемодан и тот имел такой вид, будто накануне его пытались почистить.

— Кроме всего прочего, он пошёл не в ту сторону, — добавила миссис Браун, когда Паддингтон, дойдя до угла, украдкой оглянулся через плечо, а потом свернул направо и вскоре скрылся из виду. — Обычно он поворачивает налево.

— Если вам угодно знать моё мнение, наш медведь опять что-то удумал, — мрачно предредила миссис Бёрд. — Он и за завтраком вёл себя очень подозрительно. Отказался от добавки, всё время тарасился мистеру Брауну через плечо, пока тот читал газету, и вид у него при этом был какой-то озадаченный.

— Ну, это-то как раз неудивительно, если Генри читал свою всегдашнюю газету, — заметила миссис Браун. — Я в ней и сама отродясь ничего понять не могла.

Мистер Браун работал в лондонском Сити* и каждое утро за завтраком просматривал очень серьёзную газету, в которой писалось про акции, ценные бумаги и другие денежные дела; остальные Брауны считали её ужасно скучной.

— И всё равно, — продолжала миссис Браун, возвращаясь на кухню, — мне это совсем не нравится. Боюсь, у него появилась очередная Идея. Вчера он весь вечер подсчитывал свои доходы и расходы, а это дурной знак.

Из-за предстоящего путешествия у миссис Браун и миссис Бёрд и так был хлопот полон

* На случай, если вы подзабыли, Сити — это деловой центр Лондона. Там находятся банки и вообще всякие заведения, связанные с деньгами и ценными бумагами.

рот. До отъезда оставалось всего несколько дней, а ещё надо было успеть переделать тысячу дел. Не будь они так заняты, наверняка сопоставили бы вчерашние и сегодняшние события и поняли бы, что к чему, но скоро хозяйственные заботы поглотили их с головой, и они напрочь позабыли о странном поведении медвежонка.

А Паддингтон, который и не подозревал, какую загадку загадал своим домашним, шагал по улице, проходившей неподалёку от рынка Портобелло, в сторону громадного здания — оно стояло чуть поодаль от всех остальных. Высокая, окованная бронзой дверь была наглухо закрыта, а над нею красовались крупные золотые буквы:

БАНК ФЛОЙДА

Убедившись, что никто за ним не подглядывает, Паддингтон вытащил из шляпы маленькую книжечку в твёрдой картонной корочке и уселся на чемодан — дожидаться, когда же в банке начнётся рабочий день. На книжечке, как и на дверях, стояли слова «Банк Флойда», а на первой странице было вписано чернилами: «П. Браун, эск.»*.

Кроме Браунов и мистера Крубера, почти никто не знал, что у медвежонка есть свой банковский счёт, потому что это держалось в строжайшем секрете. А началось всё несколько месяцев

* «Эск.» — это сокращённое «эсквайр», то есть владелец сельского поместья. В современной Англии это просто форма почтительного обращения к мужчине и, судя по всему, к медведю тоже.

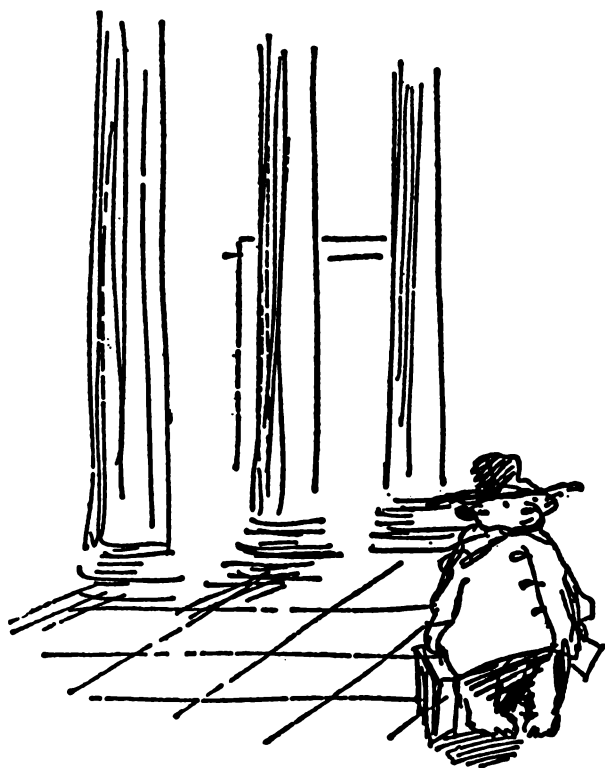
тому назад, когда Паддингтон, листая газеты мистера Брауна, наткнулся на рекламную картинку, которая так его заинтересовала, что он вырезал её и сохранил. На картинке благодушного вида дяденька по имени мистер Флloyd, попыхивая трубкой, объяснял, что если отдать деньги на хранение в его банк, к ним потом прибавится какая-то штука, называемая «процент», и чем дольше будут деньги у него лежать, тем больше можно будет получить прибыли.

Паддингтон не привык упускать собственную выгоду, а уж что может быть выгоднее, чем увеличить свои сбережения, просто отдав их кому-то на некоторое время.

Брауны очень одобрительно отнеслись к его затее, и мистер Браун даже добавил три шиллинга к деньгам, которые Паддингтон получил в подарок на Рождество и на день рождения, а сам Паддингтон, крепко поразмыслив, выделил ещё шесть пенсов, которые сэконоимил из еженедельных «булочных» денег. Когда всё сложили вместе, сумма получилась внушительная — один фунт, три шиллинга, шесть пенсов, и вот настал день, когда миссис Бёрд повела медвежонка в банк открывать счёт.

После этого Паддингтон почти целую неделю торчал в дверях магазина напротив, бросая подозрительные взгляды на всех входящих и выходящих. И только когда дежурный полицейский, проходя мимо, отогнал его прочь, медвежонку пришлось оставить банк в покое.

С тех пор Паддингтон ещё ни разу не входил в здание банка, хотя несколько раз проверял для пущей надёжности запись в своей сберегательной книжке. Честно признаться, среди всех этих мраморных плит и полированных панелей он чувствовал себя не очень уверенно и поэтому страшно обрадовался, когда часы на ближайшей церкви наконец-то начали отбивать десять, а он всё ещё был единственным, кто дожидался открытия.

Едва стих последний удар, изнутри донёсся скрежет отодвигаемых засовов, и Паддингтон тут же подбежал поближе и прижался носом к щёлке для писем.

— Эй ты, там, — буркнул швейцар, разглядев сквозь щёлку Паддингтонову шляпу; — а ну проваливай. Это тебе не работный дом, а солидный банк. Всяким проходимцам тут делать нечего.

— Проходимцам? — переспросил медвежонок, отпустив от изумления планку, которая прикрывала щель.

— Во-во, — ворчливо подтвердил швейцар, распахивая створки. — Смотри-ка, ещё и на ручку мне надышал. Ходят тут всякие, а я потом драй эту распроклятую медяшку!

— Я никакой не проходимец, а приходимец. Я пришёл узнать у мистера Флойда, как поживают мои деньги, — с достоинством отвечивал Паддингтон, помахивая своей сберегательной книжкой. — И вообще, я медведь.

— Ах ты, господи! — смутился швейцар, разглядев Паддингтона поближе. — Извините, сэр, обознался. Я как увидел ваш мохнатый нос в щёлке, так подумал, что вы из тех бородатых джентльменов, что шляются по дорогам.

— Ничего страшного, — грустно отозвался медвежонок. — Меня часто принимают за кого-то не того.

Швейцар почтительно распахнул двери, и Паддингтон, вежливо приподняв шляпу, вошёл внутрь.

Миссис Бёрд уже несколько раз растолковывала ему, что предусмотрительные медведи всегда откладывают деньги на чёрный день и что деньги эти всегда могут понадобиться для какого-нибудь важного и неотложного дела. Вчера вечером, лёжа в кровати, Паддингтон твёрдо решил для себя, что поездка за границу — очень даже важное дело и, ещё раз внимательно перечитав рекламное объявление, придумал, как сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Ночью идея показалась ему просто замечательной, но, как и все «пододеяльные» идеи, в ярком свете дня как-то полиняла и выцвела.

Теперь, когда отступать было уже поздно, Паддингтону вдруг стало очень неловко, и он пожалел, что не посоветовался сначала с мистером Крубером: миссис Бёрд ведь наверняка будет недовольна, что он снял деньги со счёта, не спросив её разрешения.

Паддингтон подошёл к одному из окошечек, взобрался на чемодан и заглянул. Дяденька, сидевший по ту сторону за стеклом, похоже, не на шутку перепугался, когда в окошечке внезапно появилась Паддингтонова шляпа, и судорожно потянулся к чернильнице.

— Я бы хотел забрать все свои деньги для важного дела, — объявил Паддингтон, изо всех сил стараясь выглядеть солидно, и подал дяденьке свою сберегательную книжку.

Дяденька, оправившись от испуга, взял книжечку, поднял её к свету и неодобрительно вздёр-

нул бровь. Вся обложка была испещрена красными чернильными вычислениями, неопрятными кляксами и липкими пятнами мармелада.

— У меня просто банка вчера случайно перевернулась под одеялом, — поспешил объяснить Паддингтон, поймав недоумевающий дяденькин взгляд.

— Банка перевернулась? — повторил дяденька. — Под одеялом?

— Ну да, — кивнул Паддингтон. — Я высчитывал свои проценты и случайно попал в неё лапой. Понимаете, просто под одеялом темно и места мало.

— Оно и видно, — проговорил дяденька брезгливо. — Мармеладные пятна! На сберегательной книжке Флойда! Фу, гадость какая!

Он не так давно поступил в этот банк на работу, и хотя управляющий предупреждал его, что иногда приходится иметь дело с довольно странными клиентами, о вкладчиках-медведях не было сказано ни слова.

— И как же вы желаете распорядиться своими сбережениями? — осведомился он не очень уверенным голосом.

— Я хотел бы, если можно, оставить на счету проценты, — объяснил Паддингтон. — На чёрный день.

— Боюсь, — довольно надменно сказал дяденька, подсчитав что-то на листочке бумаги, — что много светлее он от этого не станет. Ваши проценты составляют всего три пенса.

— Что?! — возмущённо воскликнул Паддингтон. — Три пенса?! Знал бы я, как оно у вас тут в банке, держал бы деньги в своей собственной банке. Из-под мармелада...

— Банк и банка — совсем разные вещи, — строго возразил дяденька. — Совершенно разные вещи.

Он попытался придумать, как бы получше объяснить, что такое проценты, но он никогда раньше не имел дела с медведями и сильно опасался, что Паддингтон окажется очень несговорчивым клиентом.

— Процент — это... это такая штука, которую мы вам даём за то, что вы разрешаете нам пользоваться своими деньгами, — нашёлся он наконец. — Чем дольше мы ими пользуемся, тем больше вы получаете.

— Моими деньгами вы пользуетесь уже почти полгода! — запальчиво отозвался медвежонок. — С самого Рождества!

— Три пенса, — непререкаемо повторил дяденька.

Не обращая внимания на смятенный вид медвежонка, он сделал какую-то пометку в его книжке, а потом выложил на прилавок фунтовую банкноту и несколько серебряных монеток.

— Прошу вас, — проговорил он отрывисто. — Один фунт, три шиллинга, шесть пенсов.

Паддингтон недоверчиво покосился на банкноту, а потом сверился с бумажкой, которую держал в лапе. После этого глаза у него стали совсем круглыми.

— Боюсь, вы ошиблись, — заявил он твёрдо. — Это не мой фунт.

— Ошибся? — недовольным голосом переспросил дяденька. — В банке Флойда не ошибаются.

— Но тут не тот номер! — стоял на своем Паддингтон.

— Не тот номер? — повторил дяденька.

— Совсем не тот, — подтвердил медвежонок. — А у меня в сберегательной книжке написано, что вы обязуетесь вернуть каждому в лапочку его деньги по первому требованию.

— Не «в лапочку», а «вкладчику», — поправил дяденька. — Так вот я и возвращаю ваши деньги. Совершенно необязательно, что вам выдадут ту же самую банкноту, которую вы в банк вложили. Ваш фунт за это время мог попасть куда угодно. Если он был старый, может быть, его даже сожгли. Истрепавшиеся банкноты часто сжигают.

— Сожгли? — вконец опешил медвежонок. — Вы сожгли мой фунт?

— Я не сказал — сожгли, — поправил дяденька. — Я сказал: может быть, сожгли.

Паддингтон засопел и устремил на дяденьку суровый взгляд — один из тех, которые он перенял от тёти Люси и приберегал для самых тяжёлых ситуаций.

— Я хотел бы поговорить с мистером Флордом, — заявил он решительно.

— С мистером Флордом? — повторил дяденька.

Он судорожно провёл платком по мокрому лбу и встревоженно покосился через Паддингтоново

плечо на успевшую скопиться очередь. Заждавшиеся клиенты тихонько бурчали, и ему это вообще не понравилось.

— Беда в том, что никакого мистера Флойда на самом деле не существует*, — сознался он наконец. — Зато у нас есть мистер Тримбл, — поспешил он добавить, когда Паддингтон пронзил его ещё более суровым взглядом. — Это наш заведующий. Пожалуй, лучше действительно его позвать — уж он разберётся, что к чему.

И дяденька чуть ли не бегом кинулся к двери с надписью «Заведующий». Паддингтон проводил его негодующим взглядом. Мало того что ему пытались всучить какой-то чужой фунт, но и монетки, как он только что заметил, были не те — совсем другого года выпуска! К тому же его монетки были новенькие и начищенные до блеска, а возвращали ему какие-то старые и тусклые.

Паддингтон слез с чемодана и начал решительно проталкиваться к выходу. Хотя он и был всего лишь маленьким медвежонком, он прекрасно разбирался, что справедливо, а что нет, особенно если речь шла о деньгах, и ему было ясно как день, что пора брать дело в собственные лапы.

* Мифический «мистер Флойд» — это только вымышленный владелец банка, так сказать, его «лицо на публику» — благодушному пожилому джентльмену клиенты легче доверят свои деньги. На самом же деле банк, скорее всего, принадлежит целой группе совладельцев, и далеко не все они милые и благодушные.

Выбравшись из банка, медвежонок торопливо зашагал по улице к маячившей неподалёку красной будке. В потайном кармашке его чемодана всегда лежала специальная бумажка, на которой миссис Бёрд написала инструкции на случай, если он попадёт в серьёзную переделку; в тот же кармашек она положила четыре монетки по одному пенсу. По дороге Паддингтон ещё раз обдумал ситуацию и окончательно уверился, что иначе как серьёзной переделкой её не назовёшь. Строго говоря, переделки серьёзнее с ним ещё не случалось, поэтому он страшно обрадовался, когда наконец дотопал до телефонной будки и убедился, что та свободна.*

— Не могу понять, что происходит в нашем банке, — сказала миссис Браун, затворяя входную дверь. — Когда я проходила мимо, у входа стояла огромная толпа.

— Ограбление, наверное, — предположила миссис Бёрд. — Сейчас вокруг такое творится, хоть газеты не читай.

— На ограбление не похоже, — покачала головой миссис Браун. — Скорее, какой-то несчастный случай. Там были и полиция, и «скорая помощь», и пожарная машина!

— Гм... — призадумалась миссис Бёрд. — Надеюсь, ничего серьёзного. Я, между прочим, не столько за банк беспокоюсь, сколько за нас самих. В этом банке лежат все Паддингтоновы сбережения, и если его ограбят, переживаниям конца-краю не будет.

Тут миссис Бёрд прервала свою горячую речь, и на лице её появилось задумчивое выражение.

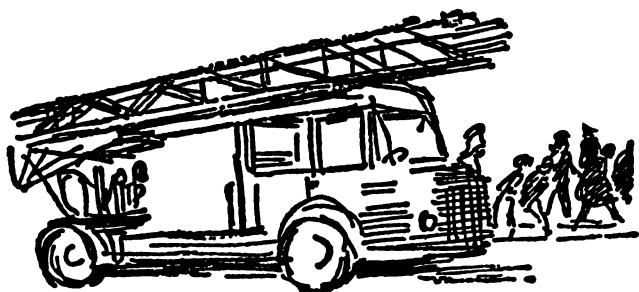
— Кстати, о Паддингтоне, — добавила она. — Вы давно его не видели?

— С тех пор как он ушёл утром... — Тут миссис Браун в свою очередь встревожилась. — Господи! Уж не думаете ли вы...

— Пойду-ка я надену шляпу, — ответствовала миссис Бёрд. — И если окажется, что виновник этой заварухи не наш медведь, обещаю съесть её по дороге домой.

Миссис Браун и миссис Бёрд не сразу удалось протолкаться сквозь толпу у входа, а когда они наконец пробились внутрь, оправдались самые худшие их опасения: посреди вестибюля, окружённый целой толпой банковских служащих и полицейских, потерянно сидел на чемодане их мишутка.

— Господи, что тут происходит? — ахнула миссис Браун, протиснувшись наконец в первый ряд.

Увидев её, Паддингтон несколько воспрял духом. Вообще же, с тех пор как он вернулся из телефонной будки, дела шли хуже некуда.

— Я, кажется, случайно перепутал цифры, миссис Браун, — не очень понятно объяснил он.

— Отнимают у бедного медведя его кровные денежки, заработанные честным трудом, вот что здесь происходит, — высказался какой-то сердобольный зритель из заднего ряда.

— Подожгли его банкноты, негодники, — посетовал кто-то ещё.

— Говорят, сотни фунтов сгорели дотла, — доложил один из торговцев с рынка, который знал Паддингтона в лицо и зашёл разобраться, что стряслось.

— О господи! — вконец растерявшись, повторила миссис Браун. — Мне кажется, здесь какая-то ошибка. В банке Флойда не могли ничего такого сделать.

— Никогда в жизни, мадам! — подтвердил, выступая вперёд, заведующий. — Меня зовут Тримбл, — представился он. — Вы можете поручиться за этого юного медведя?

— Поручиться? — отозвалась миссис Бёрд. — Ну ещё бы, ведь это я его к вам и привела. И прошу вас принять к сведению, что он достойный член почтенного семейства и всегда соблюдает законы.

— Почтенный-то почтенный, — вмешался дородный полицейский, который стоял рядом, покусывая карандаш, — но вот насчёт соблюдения законов — я бы не торопился это утверждать. Набрал три девятки, поднял всех по тревоге — и полицию, и пожарных, и «скорую помощь»*. Придётся во всём этом хорошенько разобраться.

Все замолчали и уставились на медвежонка.

— Я просто пытался позвонить миссис Бёрд, — пояснил Паддингтон.

— Позвонить миссис Бёрд? — с расстановкой повторил полицейский, записывая эти слова в блокнот.

* Почти во всех странах существует телефон, по которому можно позвонить в экстренной ситуации и вызвать все службы спасения сразу — у нас он тоже теперь есть. В США это 911, в Англии — 999, в России — 01.

— Ну да, — кивнул медвежонок. — И так получилось, что у меня лапа застряла в девятке, я пытался её вытащить, а кто-то всё время спрашивал, что у меня случилось. Ну, я и стал кричать: «Помогите!»

Мистер Тримбл прочистил горло.

— Думаю, нам лучше пройти в мой кабинет, — предложил он. — Дело, похоже, мудрёное, а там всё же поспокойнее.

С этим все тут же согласились. А охотнее всех Паддингтон. Он тут же вскочил с чемодана и зассменил вслед за мистером Тримблом. Держать деньги в банке и правда оказалось мудрёным занятием, мудрёнее некуда.

Прошло немало времени, прежде чем Паддингтон сумел растолковать, что и как, но, когда наконец ситуация прояснилась, все вздохнули с облегчением — всё-таки ничего страшного не произошло! Даже полицейский перестал хмуриться.

— Побольше бы таких медведей, и порядку было бы больше, — заявил он, пожимая Паддингтонову лапу. — Если бы каждый, заведя что-нибудь подозрительное, устраивал такой тарарам, у нас, в конечном итоге, было бы куда меньше работы.

Когда все разошлись, мистер Тримбл отвёл Паддингтона, миссис Браун и миссис Бёрд в хранилище и показал, в каком надёжном месте они держат деньги, а напоследок подарил Паддингтонову книжку с инструкциями, чтобы тот знал, что делать, когда придёт в банк в следующий раз.

— Я надеюсь, мистер Браун, вы не станете закрывать счёт, — добавил он. — Банк Флойда не хотел бы потерять такого ценного клиента. Если вы согласитесь оставить у нас свои три с половиной шиллинга, я обещаю выдать вам совершенно новенький фунт для расходов за границей.

Паддингтон поблагодарил мистера Тримбла за любезность, но принимать его предложение не спешил.

— Если можно, — сказал он наконец, — дайте мне лучше какой-нибудь старенький фунтик, которым уже пользовались.

Паддингтон был из тех медведей, которые любят всё делать наверняка, и, хотя новенькая хрустящая бумажка на столе заведующего выглядела очень соблазнительно, он решил, что всё-таки будет куда надёжнее взять старенькую и проверенную, ту, которая уже походила по рукам.

ПЕРЕПОЛОХ В АЭРОПОРТУ

До отъезда оставалось всего несколько дней, и волнение в доме Браунов росло с каждым часом. Больше всего хлопот было у Паддингтона, и он то и дело бегал на улицу Портобелло, чтобы обсудить с мистером Крубером очередную неотложную проблему.

Всякий раз они подолгу беседовали, сидя в шезлонгах у входа в антикварную лавку; в результате у них даже кончилось какао, и мистеру Круберу пришлось купить лишнюю банку.

Теперь, если надо было извиниться, Брауны вместо «простите меня» говорили друг другу «пардон»^{*}; миссис Бёрд, потратив несколько вечеров, смастерила специальную бирку, которую

^{*} У нас тоже иногда вместо «извините» говорят «пардон», и почти все знают, что «пардон» — это «извините» по-французски.

решено было повесить Паддингтону на шею. Бирка была большая, в чехле из самой лучшей кожи, и на ней крупными печатными буквами написали адрес Браунов, а также слова

«ПРОСЬБА ВЕРНУТЬ ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ»

на нескольких языках. Миссис Бёрд довольно насторожённо относилась к заграничным путешествиям и старалась всё предусмотреть заранее.

И вот наконец настал долгожданный день, и с самого раннего утра все окна дома номер тридцать два по улице Виндзорский Сад засветились ярким светом.

Паддингтон встал раньше всех, чтобы уложить вещи, до которых лапы не дошли накануне. Вещей у него за предыдущие поездки накопилось немало, и он намеревался забрать их с собой все до единой — на случай, если в дом залезут воры.

Кроме неизменной шляпы, которую он надел на голову, и старого чемодана, который он держал в лапе, надо было захватить: синее пальтишко, ведёрко и лопатку — чисто вымытые и до блеска начищенные после последней поездки к морю, — набор «Знаменитый сыщик», волшебную палочку для проделывания фокусов, большую банку мармелада на всякий пожарный случай — мистер Круббер предупредил, что, возможно, во Франции трудно будет достать его любимый мармелад, — «моржруд» и другие важные бумаги, а также дневник, клей, чернила, все до

единой французские книжки мистера Крубера, английский флаг на палочке и старенькое кухонное полотенце с картой Франции, которое он несколько дней тому назад спас из мусорного ведра.

Вскоре Паддингтонова возня, топот и шуршание обёрточной бумаги разбудили всё остальное семейство, и вот уже из кухни потянуло запахом жареной ветчины, а к общему шуму добавилось позвякивание тарелок и чашек.

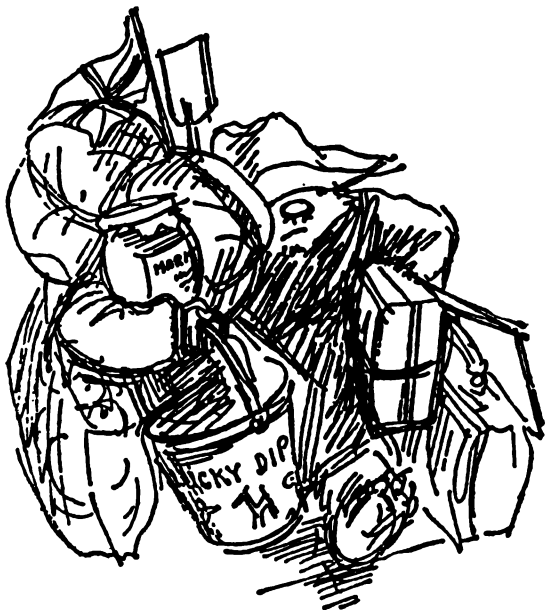
— Ох, батюшки! — не удержавшись, ахнула миссис Бёрд. Она пошла кликнуть остальных к завтраку и натолкнулась на огромную грудку свёртков, спускавшуюся по лестнице. — Это ещё что за безобразие?

— Это не безобразие, — пропыхтел Паддингтон из-под огромной дорожной сумки. — Это я. Просто у меня, кажется, волшебная палочка в перилах застряла.

— Волшебная палочка? — переспросил мистер Браун, появляясь на верху лестницы. — Она-то тебе зачем? Мы же не собираемся переселяться во Францию!

Паддингтон с убитым видом уставился на свои пожитки, а остальные тем временем высвободили из перил его волшебную палочку и помогли ему спуститься вниз. Да, наверное, мистер Браун прав — вещей действительно набралось многовато.

— Пожалуй, кое-что можно запереть в шкафу под лестницей, — решил Паддингтон наконец, и все дружно с ним согласились.

Но даже несмотря на это разумное решение, когда мистер Браун погрузил в машину все чемоданы, надувные мячи, удочки, палатку и ещё тысячу всяких мелочей, машина так осела, что казалось, не доедет даже до конца улицы, не говоря уж ни о какой Франции.

— Я почему-то всегда считала, что люди ездят за границу отдыхать, — вздохнула миссис Бёрд, втискиваясь на заднее сиденье между Джонатаном и Джуди. — Пока же я только устала до полу-смерти.

— Ничего страшного, — солидно объявил с переднего сиденья Паддингтон, сверившись со своим «моржрудом». — Мы скоро остановимся и перекусим.

— Остановимся и перекусим? — удивился мистер Браун. — Помилуй, да мы ещё даже никуда не уехали!

Миссис Браун вздохнула и вытащила Паддингтонов флажок из своего левого уха. Она была твёрдо убеждена, что только в их семье с отъездом за границу связано столько мороки.

Но несмотря на эти мелкие неурядицы, настроение у всех было приподнятое, и в машине, катившей по Лондону в сторону побережья, всю дорогу царило буйное веселье.

Вскоре за окнами поплыли засаженные хмелем поля и фруктовые плантации Кента*, и не успели они оглянуться, как мистер Браун уже свернул с шоссе и машина вкатилась в ворота аэропорта.

Паддингтон впервые в жизни попал в аэропорт; правда, ему и раньше случалось видеть и слышать самолёты, пролетавшие над их домом, но он не обращал на них особого внимания. Поэтому, едва мистер Браун остановил машину и все вылезли, медвежонок с любопытством уставился на металлических птиц, которые выстроились шеренгой вдоль взлётной полосы, готовые подняться в воздух.

На вид они оказались куда меньше, чем Паддингтон предполагал. Он попробовал посмотреть в бинокль, но много больше они от этого не

* Кент — графство, расположенное на крайнем юго-востоке острова Великобритания. Отсюда до Европы ближе всего!

стали. Поэтому, когда мистер Браун сказал, что не только они все полетят в одном самолёте, но с ними ещё и их автомобиль, Паддингтон не на шутку встревожился.

— Давайте-давайте, некогда зевать, — торопил мистер Браун, направляясь к зданию аэровокзала. — Времени у нас в обрез.

Брауны гуськом вошли внутрь и зашагали в дальний конец зала, к стойке с надписью «Регистрация».

— Наша фамилия Браун, мы летим на Континент, — сказал мистер Браун, подавая барышне за стойкой сложенные в стопочку билеты.

— Сюда, пожалуйста, — пригласила барышня и повела их по коридору к двери с надписью «Паспортный контроль». За дверью маячил дяденька в тёмно-синей форме.

— Приготовьте, пожалуйста, паспорта.

При этих словах миссис Бёрд вдруг остановилась как вкопанная и судорожно схватила миссис Браун за руку.

— Господи, ну мы и недотёпы! — вскричала она.

— Что случилось, миссис Бёрд? — всполошилась миссис Браун. — Почему вы так побледнели?

— Паспорта! — воскликнула миссис Бёрд. — А ведь у Паддингтона нет паспорта!*

* В Англии, как и во многих других государствах, внутри страны паспортов просто не существует — за ненадобностью. Паспорт, удостоверяющий, что ты — гражданин Великобритании, тебе выписывают, только если ты отправляешься за границу.

— У Паддингтона? — эхом отозвалась миссис Браун, в свою очередь бледнея.

Брауны в отчаянии поглядели друг на друга. Они так захлопотались, строя планы поездки и заполняя всякие бланки, что напрочь позабыли о том, что медвежонку может понадобиться паспорт.

— А медведям полагаются паспорта? — растерянно спросил мистер Браун. — Может, и бирка сойдёт?

— Насчёт «полагаются», я ничего не могу сказать, — отозвалась миссис Бёрд, — а вот в том, что никакого паспорта ему не дадут, даже если попросить, я совершенно уверена. Вы ведь знаете Паддингтона! И потом, если вспомнить, как он к нам попал...

Когда до остальных дошёл смысл этих слов, они растерянно примолкли. Ведь Паддингтон действительно попал к ним, мягко говоря, не совсем обычным образом. Он, как вы помните, припутешествовал в Англию в спасательной шлюпке, и, хотя места он занимал совсем немного и ел по дороге свой собственный мармелад, да и было это давно, Брауны не сомневались, что если владельцы того самого судна, не говоря уже о таможенниках и всяких прочих чиновниках, проведают об этом, они будут очень недовольны.

Словно угадав эти мысли, чиновник в синей форме прислушался к их разговору, и лицо его сразу стало очень суровым.

— Эт-то ещё что такое? — начал он. — Я не ослышался? Тут кто-то без паспорта? Боюсь, мы не сможем допустить его в самолёт. Ехать за границу без паспорта — это противозаконно. Попросите его подойти сюда.

— Ну конечно!.. — простонала Джуди, когда Брауны заозирались и обнаружили, что Паддингтона и след простыл. — Куда он на этот раз запропастился?

— Полундра! — подхватил Джонатан. — С этим медведем всегда так: пропадает в самую ответственную минуту.

— Как его имя? — осведомился чиновник, беря ручку и листок бумаги.

— Гм... — замялся мистер Браун. — Ну, вообще-то — Браун. Паддингтон Браун, в определённом смысле...

— Что значит «в определённом смысле»? — недовольно перебил чиновник. — В каком это «определённом»?

— Мы его так называли, потому что нашли на Паддингтонском вокзале, — пустилась в объяснения миссис Браун. — Видите ли, он медведь, приехал из Дремучего Перу, и он...

Тут она заметила, какое суровое у чиновника лицо, и мигом смолкла.

— Медведь без паспорта, — отрубил чиновник. — Да ещё и путешествует под чужим именем. Дело серьёзное.

Но не успел он объяснить Браунам, почему это такое уж серьёзное дело, как дверь в дальнем

конце комнаты распахнулась и на пороге появился Паддингтон с очень встревоженным выражением на мордочке; следом, чуть не наступая ему на пятки, вошёл багровый, как свёкла, носильщик.

— Поймал этого вон, — проговорил носильщик, отдуваясь, — глазел на самолёты в этот вон бинокль. А ещё, — тут он совсем насупился и подал чиновнику Паддингтонов дневник, — писал чего-то в этой вон книжке.

— Это мой дневник, — удручённо пояснил медвежонок.

— Гм... — буркнул носильщик. — Другим рассказывай. Видели мы такие дневники: что ни день, то какая-нибудь каверза. А в придачу он ещё этот вон маскарад тащил под мышкой! — добавил носильщик, кладя на стол набор «Знаменитый сыщик», завернутый в коричневую бумагу.

— Я так и знала, что добром это не кончится! — вздохнула миссис Браун. — Говорила я тебе — оставь его дома!

— Какую-то он пакость затеял, вот что я вам скажу, — не унимался носильщик. — Очень уж у него вид подозрительный.

— Ну, медведь, — обратился к Паддингтону чиновник, — что скажешь?

Паддингтон глубоко вздохнул и приподнял шляпу.

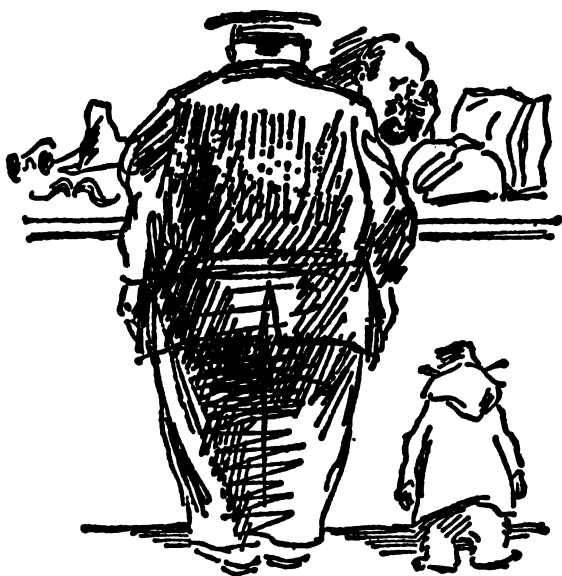
— Я просто записывал свои впечатления, для мистера Крубера, — пояснил он.

Повисла напряжённая пауза, во время которой что-то белое и липкое мягко шмякнулось на пол. Носильщик поднял непонятный предмет двумя пальцами и уставился на него в недоумении.

— Похоже на булку с мармеладом, — не очень уверенно определил чиновник, почему-то поглядев на потолок.

— Это и есть булка с мармеладом, — подтвердил Паддингтон. — Она, наверное, из моей шляпы выпала. Я там всегда держу кусок на всякий пожарный случай.

— Что-то я не слышал, чтобы кто-нибудь пытался провезти контрабандой булку с мармеладом, — покачал головой чиновник. — Пусть этим займётся таможня.

— Это ещё не всё, — снова вклинился носильщик, водрузив Паддингтонов чемодан на стойку и охлопав его опытной рукой. — Глядите-ка, он внутри почти пустой, а снаружи вон какой пухлый, — понимаете, о чём я?

— Наблюдение за самолётами в бинокль, — начал перечислять чиновник, берясь за телефон. — Непонятные записи в тетради. Попытка провезти контрабандой булку с мармеладом... Да, придётся с этим как следует разобраться.

— Он небось медведь-контрабандист, — радостно подхватил носильщик. — А контрабанда вся у него в мех запрятана. И вообще, хотите знать правду, так это наверняка никакой не мармелад.

— Придётся отдать эту гадость на экспертизу, — заключил чиновник, вешая трубку.

Паддингтон подумал, что ослышался.

— Какая же это гадость! — воскликнул он возмущённо. — Это мой самый любимый мармелад из «Уценённых товаров»!

И Паддингтон бросил на чиновника несколько очень суровых взглядов. Тот принялся судорожно поправлять воротник и успокоился, только когда дверь за его спиной распахнулась и вошёл другой чиновник, ещё более суровый и важный.

— Вот этот, — сказал первый чиновник, указывая на Паддингтона. — Этот, маленький, мохнатый, в шляпе.

— Бумажки у него не в порядке, — тут же влез носильщик.

— Бумажки? — ошарашенно переспросил Паддингтон. — Нет, бумажки у меня все на месте. Вот карта, вот маршрут...

— Он имеет в виду твои документы, мишка-медведь, — пояснила миссис Браун, бросив на носильщика сердитый взгляд.

— Послушайте, ведь... — начал было мистер Браун.

— Прошу прощения, сэр, — осадил его важный чиновник, — к сожалению, я вынужден попросить вас не вмешиваться, пока мы не закончим допрашивать этого... кхм... джентльмена.

Он решительно оттеснил Браунов в сторону, поднял перегородку в стойке, чтобы медвежонок мог пройти, и направился к дверям своего кабинета.

Паддингтон подхватил бумажный сверток и чемодан и с понурым видом побрёл вслед за чиновником.

— Ой-ой, — сказал он напоследок, горестно оглянувшись через плечо. — И что же это с моими бумажками?

— Бедняга Паддингтон, — посочувствовал Джонатан, когда за медвежонком закрылась дверь.

— Он иногда и правда выглядит немного подозрительно, — вздохнула Джуди. — Особенно если видишь его в первый раз...

Миссис Бёрд воинственно взмахнула зонтиком.

— Если они обидят нашего мишку, им придётся иметь дело со мной, — посулила она. — И вот увидите, я тут всё переверну вверх дном!

— Только бы они не нашли этот его потайной кармашек в чемодане, — заметила Джуди. — Вот уж что, должно быть, выглядит подозрительно!

— Не найдут, — успокоил её Джонатан. — Туда ещё ни один человек никогда не заглядывал. Хороший кармашек, что и говорить.

— Это ты во всём виноват, Генри, — напустилась миссис Браун на мужа. — Это ты придумал поехать за границу.

— Ничего себе! — возмутился мистер Браун. — Что-то вы до сих пор не очень возражали!

Но минуты шли, а Паддингтон всё не появлялся, и даже мистер Браун постепенно начал терять присутствие духа.

— Вы ведь не думаете... — Миссис Браун решилась высказать вслух то, что было у всех на уме. — Вы ведь не думаете, что они отправят его обратно в Перу?

— Пусть только попробуют! — сквозь зубы проговорила миссис Бёрд, пронзая взглядом закрытую дверь. — Пусть только попробуют!

Однако, когда дверь наконец-то отворилась и старший чиновник пригласил их войти, Брауны, откровенно говоря, были готовы к самому худшему.

— Ну вот, — проговорил мистер Браун, устравившись поудобней и защёлкивая пряжку привязного ремня, — всё хорошо, что хорошо кончается. Но честно говоря, полчаса назад я был

почти уверен, что мы так никуда и не улетим. Кто бы мог подумать, что у Паддингтона окажется паспорт!

— Он лежал у меня в чемодане, в потайном кармашке, мистер Браун, — пояснил медвежонок. — Как и все другие важные документы.

— Ну, — заметила миссис Бёрд, — я, честно говоря, и не думала, что тётя Люси отпустит Паддингтона в такую дальнюю дорогу без паспорта. Судя по тому, что я о ней знаю, она очень мудрая и предусмотрительная медведица и никак не могла упустить из виду такой важной вещи.

— Да и в любом случае, — добавила она, — как приятно слышать, что бумажки у нашего медведя всё-таки в порядке.

— Одного я не могу понять, Паддингтон, — вмешался мистер Браун, — почему ты сразу не сказал, что у тебя есть паспорт? И не было бы всего этого переполоха.

Паддингтон кинул на него обиженный взгляд.

— Так меня никто не спрашивал, мистер Браун, — пояснил он. — Все говорили о каких-то бумажках, а паспорт разве бумажка?

Мистер Браун кашлянул, а все остальные переглянулись. Но тут, по счастью, громко взревели двигатели и самолёт побежал по взлётной полосе, так что неприятный разговор оборвался сам собой.

— Ну вот, все приключения позади, и теперь нас ждёт приятный отдых, — сказала миссис Бёрд через несколько минут, когда самолёт на-

брал высоту и пассажиры начали отстёгивать ремни.

И на это Брауны, глядя в иллюминаторы на сверкающее далеко внизу синее море, дружно отозвались:

— Верно! Верно!

Промолчал один только Паддингтон, который с головой ушёл в свой «моржруд». Он как раз обнаружил, что из-за неразберихи в аэропорту они забыли пообедать. Утешало лишь то, что следующим пунктом в его плане значилось:

ПРЕБЫТЕЕ ВО ФРАНЦИЮ — ПИРЕКУС

— Вот и замечательно, — одобрил мистер Браун, когда Паддингтон показал ему тетрадку. — Ничто так не возбуждает аппетит, как переполох с медвежьими бумажками!

ПАДДИНГТОН СПАСАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

— Кто бы мог подумать, — проговорила миссис Браун, бросив на мужа недовольный взгляд, — что мы так быстро сумеем заблудиться? Всего-то и пробыли во Франции несколько часов!

— А ты уверен, что не знаешь, где мы, Паддингтон? — в сотый раз спросил мистер Браун.

Медвежонок грустно покачал головой.

— Мы, наверное, случайно не туда свернули, — предположил он.

Брауны уныло переглянулись. Начался их первый день во Франции очень весело и приятно. Вокруг было столько всего нового и интересного, что время летело, как на крыльях, особенно для Паддингтона: ему ведь надо было успевать следить за маршрутом — а для этого приходилось водить лапой по карте — и записывать все впечатления в дневник.

Пока дорога шла по побережью, им то и дело попадались маленькие городки, и Паддингтон во все глаза смотрел на машины, непрерывным потоком мчавшиеся по неправильной стороне улицы*, и на людей, сидевших за столиками, которые стояли прямо на тротуаре перед входом в каждое кафе.

А между городами на долгие мили тянулись поля и перелески, и дорога, прямая как стрела, была обсажена тополями**. Время от времени на пути попадались крошечные деревушки, где по улицам деловито шагали мужчины в синих комбинезонах и сновали женщины с длинными батоны в руках***.

А самое замечательное, что время от времени, когда машина огибала поворот, вдалеке вдруг вспыхивала на миг голубая гладь моря и

* Насчёт неправильной стороны улицы не прав как раз Паддингтон: во Франции ездят «как положено», по правой стороне улицы. Это в Англии движение левостороннее, и даже машины для англичан делают специальные — с правым рулем. Ничего не попишешь — традиция!

** В Англии прямых сельских дорог практически не бывает, они петляют и извиваются, точно норовят схватить самих себя за хвост. Англичане объясняют это так: появились дороги в давние времена, когда Англия ещё находилась под властью Рима, и все прямые дороги проложили римляне (надо думать, те самые дороги, про которые и у нас говорят «все дороги ведут в Рим»), а все кривые — коровы, а коров было куда больше, чем римлян. На самом же деле дороги просто проходили по границам земельных владений: границы успели много раз поменяться, а дороги остались!

*** Такие батоны теперь и у нас продают, называются они «французскими». Потому и называются, что придумали их не где-нибудь, а во Франции.

слышался приглушённый шорох волн, разбивающихся о берег.

Но вот они въехали в Бретань: местность стала куда более дикой, а главное, дела сразу же пошли куда менее гладко.

Началось всё с того, что широкая асфальтированная дорога вдруг превратилась в узенький просёлок, усыпанный битым камнем. Потом от просёлка остались лишь две неприметные колеи. Наконец, посреди какого-то пустыря, исчезли и они, а в довершение всего у автомобиля лопнуло заднее колесо.

Паддингтон, как ответственный за маршрут, расстроился сильнее других и озадаченно уткнулся носом в карту. Остальные уныло сгруппировались вокруг.

— Как называлась последняя деревня, через которую мы проезжали, Паддингтон? — допытывался мистер Браун. — Там мы, наверное, и сбились с дороги.

— Кажется, Гравильон, — припомнил медвежонок. — Только её почему-то нет ни на одной карте.

— Гравильон... — повторил мистер Браун. — Занятно... Кажется, я тоже видел такую надпись. Так на карте её точно нет?

Он наклонился и уставился в карту, а Паддингтон, в последней надежде, принялся рассматривать кухонное полотенце.

— Вот это да! — вдруг воскликнул Джонатан, захлопывая словарь. — Теперь понятно, почему

этого Гравильона нет на карте. Это никакая не деревня, а дорожный знак, означает «Осторожно, щебёнка!».

— Что?! — негодуяще воскликнул Паддингтон. — Осторожно, щебёнка?

— Вот почему там повсюду камни валялись! — догадалась Джуди. — Они, наверное, просто ремонтируют дорогу!

Миссис Бёрд возмущённо фыркнула.

— Гравильон! Напишут тоже! — пробурчала она. — И как тут бедному медведю не запутаться! Мы ещё легко отделались, могли и вовсе в море свалиться!

Миссис Бёрд никак не могла понять, почему эти непутёвые иностранцы не говорят и не пишут на простом и понятном английском языке.

— Ну что ж, — подвёл итог мистер Браун, — куда мы попали, мы так и не выяснили, зато выяснили, куда мы НЕ попали.

Он поглядел на грудку вещей в багажнике, под которыми лежало запасное колесо.

— Машину всё равно придётся разгружать, — заключил он, — так что я предлагаю использовать время с толком и, пока я вожусь с починкой, устроить пикник!

Миссис Браун и миссис Бёрд, которые уже предвкушали долгожданный отдых и чинный обед в уютной гостинице, явно не слишком обрадовались этому предложению, зато Джонатан, Джуди и Паддингтон дружно захлопали в ладоши, причем Паддингтон — громче всех.

Он любил пикники, но в последнее время их почему-то устраивали очень редко.

— Хорошо, что я догадалась захватить еды, — сказала миссис Бёрд, открывая свой саквояж и принимаясь вытаскивать из него банки и кульки, за которыми последовали буханка хлеба, ножи и вилки. — Я как чувствовала, что всё это может нам понадобиться.

— Вот что, — сказал мистер Браун, — давайте-ка устроим конкурс: тот, кто приготовит самое вкусное блюдо, получит приз.

Мистер Браун очень любил устраивать всякие конкурсы и состязания: они, по его представлениям, были занятием безобидным и успешно отвлекали от чего похуже.

— Ура! — тут же поддержал его Джонатан. — Тогда давайте разведём костёр!

— Я могу пойти набрать хвороста, — вызвался Паддингтон, махнув лапой в сторону лесочка на вершине ближайшего холма. — Медведи хорошо умеют собирать хворост.

И, подхватив свой чемодан, он деловито зашагал прочь.

— Только не уходи далеко! — крикнула ему вдогонку миссис Браун. — Не хватало, чтобы ещё и ты потерялся!

Но Паддингтон этого уже не расслышал. Он искренне считал себя виноватым в том, что они заблудились, и хотел хоть отчасти загладить вину, набрав побольше хвороста; не теряя времени даром, он начал взбираться на холм.

Впрочем, оглядевшись, приняхавшись и почувствовав под ногами упругий зелёный дёрн, Паддингтон подумал, что пусть они и заблудились, однако заблудились на редкость удачно.

Взять хотя бы то, что в воздухе витал какой-то очень вкусный и уютный запах, который Паддингтону ужасно понравился. Занятный запах — ни в Англии, ни уж тем более в Перу никогда так не пахло. Запах состоял из аромата кофе, свежего хлеба и ещё чего-то такого, что медвежонок так и не смог определить, а загадочнее всего было то, что с каждой минутой запах делался всё сильнее и сильнее.

Но откуда и почему он доносится, Паддингтон понял, только когда добрался до вершины холма и сумел как следует осмотреться. Глазам его предстало такое удивительное зрелище, что пришлось несколько раз их протереть, чтобы убедиться, что это не сон.

По другую сторону холма, почти у самого его подножия, тесной кучкой сгруппировались крошечные домики, совсем такие, как в рекламных брошюрах мистера Брауна, а за домиками виднелся пляж и бухточка со множеством лодок у причала.

От бухточки вверх по берегу бежала узенькая улица; она вела к площади, на которой тут и там виднелись пёстрые лотки с фруктами и овощами.

Паддингтон изо всех сил замахал лапами и несколько раз громко позвал Брауноз, но они были слишком далеко и ничего не слышали; тогда

Паддингтон вытащил свой бинокль и присел, чтобы как следует обдумать положение.

Когда он приставил бинокль к глазам, на мордочке его появилось очень задумчивое выражение, а через несколько минут, когда он встал, чтобы идти дальше, к задумчивости добавился ещё и яркий блеск в глазах. Во-первых, история вообще получалась довольно странная и в ней надо было срочно разобраться, а во-вторых, у медвежонка родилась новая идея, и чем дальше, тем сильнее ему хотелось проверить, что же из неё получится.

И вот Паддингтон спустился с холма и зашагал к площади, с интересом озираясь по сторонам. Он вообще любил новые места, а это место выглядело на редкость привлекательным.

Справа от него стояла уютная на вид гостиница с террасой и надписью «Отель дю Сантр»*; по другую сторону площади находились почта, мясная лавка, несколько маленьких кафе и продуктовый магазин.

А главное, возле самой гостиницы Паддингтон обнаружил булочную! К булочным он питал особую любовь, а эта вдобавок оказалась ещё и совершенно необычной булочной — каких только хлебцев, буханок, булочек, рогаликов и батончиков там не было: длинные, короткие, пухлые, плоские — у Паддингтона даже голова закружилась, когда он попытался их пересчитать.

* «Отель дю Сантр» (Hotel du Centre) по-французски значит «центральная гостиница».

Заглянув на всякий случай в свой разговорник, медвежонок зашагал через площадь к заманчивой витрине. Он уже не раз замечал, что булочники с большим пониманием относятся к медвежьим проблемам — мистер Крубер утверждал, что это из-за общего пристрастия к булкам и плюшкам, — но как бы там ни было, Паддингтон решил, что только булочник, и никто другой, сможет дать ему подходящий совет насчёт сюрприза, который он собирался преподнести Браунам.

— Что-то наш мишутка ни с того ни с сего напустил на себя загадочность, — заметил мистер Браун некоторое время спустя.

— Если хотите знать моё мнение, опять этот медведь нечист на лапу, — хмуро отозвалась миссис Бёрд. — Очень уж он долго ходил за хвостом, а вернулся с каким-то проказливым выражением.

Обед на свежем воздухе был в самом разгаре, но тут приключилась лёгкая заминка — Паддингтон взялся готовить свое конкурсное блюдо. Джонатан и Джуди уже сварили в походном котелке суп, а миссис Бёрд угостила всю компанию отменным салатом, приготовленным по её собственному рецепту. Настала очередь медвежонка подавать свое угощение, но он что-то слишком уж долго возился, и Брауны понемногу начинали терять терпение. Паддингтон заранее предупредил, что это очень секретное блюдо, поэтому им придётся повернуться спиной к костру и дать честное слово не подглядывать.

За спинами у них слышалось какое-то бряканье, возня, а также довольно громкое пыхтение, но, надо сказать, пахло от костра очень даже заманчиво, так что у всех потекли слюнки, а любопытство разыгралось пуще прежнего.

Миссис Браун не выдержала и подглядела-таки уголком глаза. Паддингтон стоял, согнувшись над котелком. В одной лапе у него была поваренная книга, а в другой — палочка, которой он ос-

торожно помещивал свою стряпню, то и дело опуская в котелок нос и принюхиваясь.

— Только бы он себе шерсть не подпалил, — заволновалась миссис Браун. — Он так и тычет-ся мордочкой в костёр.

— Палёной шерстью пока не пахнет, — успокоил её мистер Браун. — Напротив, я бы сказал, пахнет довольно аппетитно. Что бы это могло быть?

— Наверное, в чемодане у себя что-нибудь нашёл, — предположила миссис Бёрд.

Мистер Браун заметно приуныл.

— У себя в чемодане? — повторил он тоскливо.

— Больше-то вроде негде, — отозвалась миссис Бёрд. — Я ему никаких продуктов не давала, да и у магазинов мы, кажется, не останавливались.

— Наверное, какой-нибудь деликатес с мармеладом, — высказал предположение Джонатан. — Паддингтон во всё кладёт мармелад.

Впрочем, больше никаких догадок они построить не успели, потому что тут Паддингтон разогнулся и возвестил, что всё готово и можно поворачиваться.

Все окружили загадочный котелок, а миссис Браун окинула медвежонка придирчивым взглядом. Мордочка его была забрызгана жиром и перемазана чем-то белым, очень похожим на муку, но в остальном всё вроде бы было в порядке.

Брауны выстроились в очередь — каждый со своей тарелкой, а Паддингтон напустил на себя ужасно важный вид и принялся накладывать всем огромные порции.

— Это настоящее французское блюдо, — пояснил он. — Я нашёл рецепт в книге мистера Крубера.

Когда Брауны проглотили по первой ложке и одобритительно замычали, медвежонок так и засиял от удовольствия. Правда, ему доводилось время от времени иметь дело с кухонной плитой, но на костре он готовил впервые — да ещё такую сложную штуку, как настоящее французское блюдо, — и хотя он в точности следовал рецепту из книжки, всё-таки было страшновато, вдруг что

выйдет не так. Распробовав, Брауны один за другим принялись поздравлять его с успехом, и даже сама миссис Бёрд не поскупилась на похвалы.

— Я, правда, так и не поняла, что это такое, — призналась она, — но даже мне лучше не готовить!

В устах миссис Бёрд это была поистине высокая похвала.

— Объедение! — подхватил мистер Браун. — Экое мясо наваристое, да и приготовлено как следует. Должен признаться, — добавил он, протягивая тарелку за второй порцией, — я, пожалуй, никогда ещё не пробовал ничего вкуснее. Просто пальчики оближешь! — добавил он, вытирая тарелку хлебным мякишем и не без надежды поглядывая на котелок. — А как эта штука называется, Паддингтон?

— Кажется, эска... эска... что-то такое, мистер Браун, — ответил медвежонок, листая свою поваренную книгу. — Вот — эскарготы!

— Эскарготы? — задумчиво повторил мистер Браун, разглаживая пальцем усы, — гм-гм... прекрасно. Когда вернемся домой, Мэри, надо будет обязательно купить этих...

Тут он глянул на жену и мигом осёкся. Лицо у миссис Браун стало какого-то странного зеленоватого цвета.

— Что с тобой? — встревоженно спросил мистер Браун. — Тебе нехорошо?

— Генри! — простонала миссис Браун. — Ты что, не знаешь, что такое эскарготы?

— Э-э... вообще-то нет, — признался мистер Браун. — Я что-то такое слышал, но точно не помню. А что?

— Это значит — улитки, — ответила миссис Браун*.

— ЧТО? — так и подскочил мистер Браун. — Улитки? Как ты сказала — улитки?

— Фу, гадость! — скривился Джонатан. — Улитки!

— Господи, да откуда ты их взял, Паддингтон?

Задал вопрос мистер Браун, но он вертелся на языке и у остальных.

— Ничего, они не очень дорого стоили, — поспешил успокоить его медвежонок, не совсем правильно поняв, почему все так разволновались. — Дяденька в магазине продал мне их очень дёшево, потому что раковины были треснутые. Так что получилось почти задаром.

К величайшему изумлению Паддингтона, после этих слов стоны только усилились, и Брауны, окончательно испортив ему настроение, принялись кататься по траве, хватаясь за животы.

— А я ещё съел две тарелки! — причитал мистер Браун. — Я наверняка отравился! У меня уже в голове что-то стучит!

* Французы в еде вообще большие оригиналы — лягушек вон тоже едят. А надо сказать, если подойти к делу непредвзято и не переводить красивое слово «эскаргот» (escargot) на родной язык, кто угодно пальчики оближет — мясо у крупных съедобных улиток нежное, как у устриц, которых едят все!

— Как ты сказал: дяденька в магазине? — вдруг осведомилась миссис Бёрд.

— То-то и оно, — восторженно воскликнул мистер Браун, садясь. — В каком таком магазине?

Паддингтон ответил не сразу. Он рассчитывал прибереечь рассказ про деревню на закуску, чтобы удивить Браунов ещё сильнее, и ему вовсе не хотелось прямо сейчас выкладывать всё подчистую. Впрочем, не успел он открыть рот, как миссис Бёрд вдруг отчаянно замахала зонтиком в сторону холма.

— Боже правый! — воскликнула она. — А там-то ещё что происходит?

— Ого! Теперь понятно, почему у меня стучало в голове, — подхватил мистер Браун, в свою очередь устремив взгляд на вершину холма: там появился огромный трактор, за которым вереницей шли люди. — Похоже, какая-то процессия...

Брауны как зачарованные смотрели на необычайное шествие, которое всё приближалось и приближалось и наконец приблизилось вплотную. Предводитель шествия, добродушный круглолицый толстяк в белом переднике и высоком поварском колпаке, отвесил Паддингтону церемонный поклон.

— А, месье лё Медведь!* — воскликнул он, расплываясь в широкой улыбке и протягивая руку. — Вот мы и встретились снова!

* «Месье» — само по себе вежливое обращение, но если после него стоит ещё и «лё» — признак принадлежности к благородной фамилии, — это уж и вовсе небывалая честь!

— Здравствуйте, мистер Дюпон, — отозвался Паддингтон, торопливо вытирая измазанную соусом лапу, прежде чем протянуть её толстяку.

— Не мог бы кто-нибудь меня ущипнуть? — попросил мистер Браун, обращаясь к своему семейству. — Я, кажется, сплю...

— Добро пожаловать в Сан-Кастиль! — продолжал месье Дюпон, подходя ближе. — Пожалуйста, покажите нам ваш дилижанс, у которого отвалилось колесо. Месье лё Медведь подробно рассказал нам про ваше несчастье, и мы всей душой хотим вам помочь.

— Дилижанс? — озадаченно повторил мистер Браун. — Какой дилижанс?

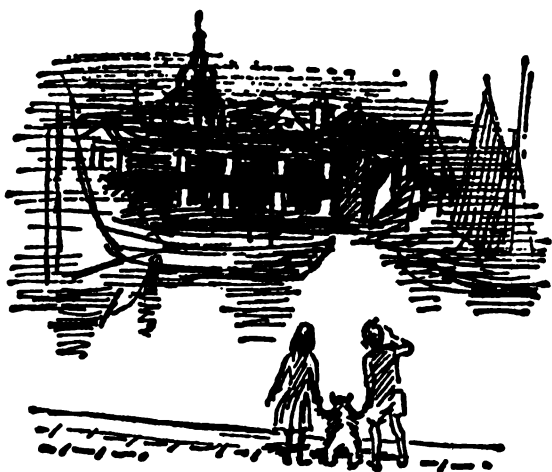
Паддингтон шумно вздохнул.

— Наверное, у меня просто фразы случайно перепутались, мистер Браун, — объяснил он. — Там ничего не было про автомобили с лопнувшими шинами, вот я и решил попробовать фразу из главы про кареты...

Да, что и говорить, объяснить, что и как, было довольно трудно, а главное, Паддингтон даже не знал, с чего начать.

— Я вот что думаю, — сказал мистер Браун, обращаясь к месье Дюпону, деревенскому булочнику, — лучше нам всем присесть. Что-то мне кажется, что быстро мы с этим делом не управимся.

— Вы знаете, — сказал мистер Браун гораздо позже, когда перед сном они пили чай, сидя

у дверей гостиницы в «Паддингтоновой деревне», — одно я про Паддингтона могу сказать совершенно точно: хоть он и умудряется иногда влипнуть в историю, конец у этих историй почему-то всегда счастливый.

— Медведи всегда падают на все четыре лапы, — сумрачно изрекла миссис Бёрд. — Я уже не раз это говорила и готова повторить снова.

— А я предлагаю здесь и остаться! — возгласил мистер Браун. — Правда, в нашем маршруте этой деревни не было, но вряд ли мы найдём другое такое же славное место.

— Я — за! — откликнулась миссис Браун.

После суматошного дня вечер казался особенно тихим и спокойным. В чистом небе ярко сияли звезды, из соседнего кафе доносилась весёлая музыка, а в конце улицы, ведущей к пристани, мерцали огоньки рыбацких судёнышек, бороздивших бухту.

Ничто, кроме музыки, не нарушало вечернюю тишину, разве что поскрипывание затупившегося пера да изредка — задумчивые вздохи, когда Паддингтон окунал лапу в банку с мармеладом.

Когда Брауны выяснили, где Паддингтон купил своих улиток, животы у них сразу же перестали болеть. По заверениям месье Дюпона, это чрезвычайно почтенный магазин, да ещё и знаменитый именно своими улитками; так что после всеобщего голосования медвежонку был единодушно присуждён приз за самое вкусное блюдо.

Как следует поразмыслив и довольно долго прослонявшись у витрины, Паддингтон решил на выигранные деньги купить почтовые марки и две открытки с видами — одну для тёти Люси, одну для мистера Крубера.

Он присмотрел две здоровенные открытки — таких больших он ещё никогда не видел. На каждой было по одиннадцать маленьких фотографий с видами деревни и её окрестностей и куча свободного места, чтобы писать. Была тут и фотография булочной месье Дюпона, и, взглядев-шись попристальней, Паддингтон даже сумел различить булочки в витрине; он не сомневался, что мистера Крубера это очень заинтересует.

Была там даже фотография гостиницы, на которой он аккуратно пометил крестиком одно из окошек и приписал сбоку: МАЯ КОМНАТА.

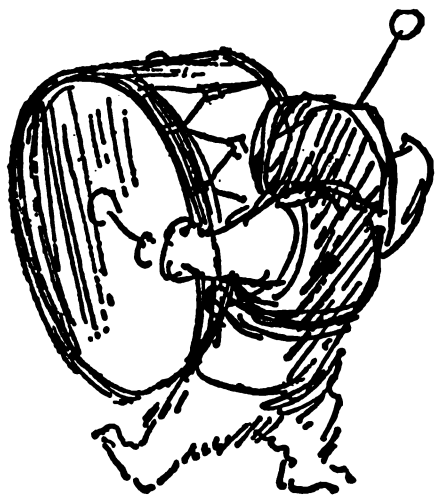
Рассмотрев открытки во всех подробностях, Паддингтон решил, что не зря потратил столько

денег. То-то удивится тётя Люси, когда получит открытку — подумать только! — из самой Франции!

Да и вообще, в этот один-единственный день успело набиться столько приключений, что Паддингтон не мог даже толком в них разобраться — не говоря уже о том, чтобы описать их словами, пусть даже и на очень-очень большой открытке.

ПАДДИНГТОН И «ПАРДОН»

Так и вышло, что Брауны остались в «Паддингтоновой деревне», и через несколько дней им уже казалось, что они прожили в ней всю свою жизнь. Новость о том, что в гостинице остановился юный джентльмен-медведь из Англии, быстро облетела округу, и вскоре все прохожие уже приветливо кивали ему на улице, особенно по утрам, когда он обегал магазины, перед тем как отправиться на пляж.

Почти каждое утро Паддингтон навещал своего нового друга месье Дюпону. Тот очень хорошо говорил по-английски, и они часто и обстоятельно толковали о булочках и плюшках. Месье Дюпон не только показал медвежонку все свои противни и духовки, но и пообещал каждое утро печь специальные английские булочки для «послезавтрака».

— В конце концов, — заметил он, — далеко не каждый день в Сан-Кастили гостят медведи!

И вот в витрине появилось большое объявление, что отныне в продаже всегда будут особые булочки, испечённые по рецепту медведя-англичанина, признанного специалиста в булочном деле.

Столько вокруг было нового и интересного, что Паддингтону несколько вечеров подряд пришлось допоздна сидеть в кровати и делать длинные записи в дневнике, пока ничего не забылось.

Однажды утром он проснулся раньше обычного: разбудил его шум и стук под окнами гостиницы. Паддингтон выглянул наружу и ужасно удивился, потому что за ночь деревня переменилась до неузнаваемости.

На улицах и в обычные-то дни было довольнолюдно — все спешили по своим делам, — но сегодня прохожих оказалось даже больше, чем всегда. Да и одеты они были как-то по-особенному: вместо привычных синих комбинезонов и красных свитеров рыбаки нарядились в парадные костюмы, а их жены и дочери щеголяли в платьях, расшитых туго накрахмаленным белым кружевом, и в высоких кружевных наголовниках*.

*Во Франции почти в каждой провинции есть свой национальный костюм, которым жители очень гордятся. Женщины-бретонки и по сей день надевают в праздники изящные кружева, которые сплели ещё их прапрабабки.

Почти все лотки с фруктами и овощами куда-то исчезли, и на их месте появились полосатые навесы, а под ними — разукрашенные цветными флажками тележки, на которых выстроились шеренги коробок со сладостями и батареи восковых свеч.

Паддингтон сразу понял, что происходит что-то необычное, и, наскоро умывшись, поспешил вниз разбираться.

Мадам Пенэ, хозяйка гостиницы, как всегда, сидела за стойкой в вестибюле и, когда Паддингтон вбежал, листая на ходу свой разговорник, покосилась на него с некоторой опаской. По-английски мадам Пенэ объяснялась немногим лучше, чем Паддингтон по-французски, и им редко удавалось до чего-нибудь договориться.

— Это... — начала она в ответ на его вопрос, — как по-вашему?.. Э-э... пардон...

— Да нет, ничего, — вежливо сказал Паддингтон. — Я просто хотел знать, что там происходит. Похоже, что-то очень интересное.

Мадам Пенэ кивнула.

— Да-да, — сказала она. — Это... как по-вашему?.. Пардон.

Паддингтон бросил на мадам Пенэ суровый взгляд и начал пятиться к дверям. Хотя он и был вежливым медведем, ему уже порядком надоело каждую минуту снимать шляпу и говорить «пардон»; было совершенно ясно, что здесь он вряд ли чего-нибудь добьётся, поэтому он выскочил на улицу и поспешил на другую сторону площади — разузнать обо всём у месье Дюпона.

Однако в булочной его ждало ещё более потрясающее открытие: вместо привычного белого фартука и поварского колпака месье Дюпон нарядился в щегольскую синюю форму, расшитую золотым галуном.

Заметив Паддингтоново удивление, месье Дюпон рассмеялся.

— Это всё потому, что сегодня *пардон*, месье лё Медведь, — пояснил он.

И он принялся рассказывать, что во Франции «пардонами» называются специальные праздничные дни и что в Бретани особенно много всевозможных пардонов. Есть свой пардон и у рыбаков, и у крестьян, и даже у птиц, не говоря уж о лошадях и коровах.

— По утрам всегда бывает праздничное шествие, — говорил месье Дюпон, — потом все идут в церковь, а потом начинается веселье! В этом году, — продолжал он, — у нас в деревне устраивают ярмарку и даже фейерверк. А кроме того, состоится парад деревенского оркестра.

Тут месье Дюпон выпрямился во весь рост, выпятил грудь и гордо прибавил:

— Вот почему я сегодня в парадной форме, месье лё Медведь. Я — дирижёр оркестра!

Паддингтона эти новости очень взбудоражили, и, поблагодарив месье Дюпона за объяснения, он, не теряя времени, помчался в гостиницу, чтобы поскорее рассказать остальным.

Обычно Брауны все дни проводили на пляже, однако рассказ Паддингтона мигом переменял их планы. Позавтракав на скорую руку, они вместе со всеми жителями деревни сходили в церковь, а после обеда, поскольку большинство высказалось «за», отправились на поляну за деревней, где шумела ярмарка.

Паддингтон так и застыл в изумлении, заворожённый зрелищем, которое предстало его глазам. Он впервые попал на настоящую ярмарку, и она поразила его до глубины души.

Высоко в небо взмывали качели-лодочки. Повсюду крутились ярко расписанные колёса обозрения и сверкали всеми цветами радуги катальные горки. Мчались по кругу карусели, и хохочущие, визжащие пассажиры припадали к шеям деревянных коней. Были здесь и фокус-

ник, и кукольный театр. Повсюду вспыхивали и мигали разноцветные лампочки, а в середине огромная шарманка играла весёлую мелодию, выпуская из труб клубы пара. На маленькой полянке

уместилось столько всяких развлечений, что Паддингтон даже не знал, куда смотреть.

Для начала он вволю накатался с горки и накачался на качелях, а потом отправился на карусель; оказалось, что в дни пардонов медведи моложе шестнадцати лет могут кататься за полцены, поэтому он проехался не один, а сразу несколько раз.

И вот, когда Паддингтон уже слез с карусели и смотрел, как, в свою очередь, мчатся по кругу мистер Браун, Джонатан и Джуди, на глаза ему вдруг попался очень любопытный полосатый шатер, стоявший чуть поодаль от других аттракционов. Снаружи было приколото несколько объявлений, в основном на непонятных языках, но одно оказалось по-английски, и его Паддингтон быстренько приметил и прочёл от начала до конца. Там говорилось:

**МАДАМ ЗАЗА
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА
МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА
ГАДАНИЕ ПО РУКЕ И ПО ШАРУ
ТОЧНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ**

А внизу под объявлением был приклеен маленький ярлычок с красной надписью: «Говорю по-английски».

Миссис Браун заметила, как Паддингтон приподнял занавеску и заглянул внутрь шатра.

— Там написано — гадание по *руке*, — заметила она предостерегающе. — Будь осторожен, гадание по лапе может стоить очень дорого!

Миссис Браун вовсе не улыбалось, чтобы Паддингтону предсказывали его будущее — всё равно приключений и переделок не избежать, так зачем же знать о них заранее. Однако отговорить медвежонка она не успела — он уже исчез за занавеской. Паддингтон никогда раньше не слышал, чтобы кому-нибудь гадали по лапе, и ему не терпелось попробовать.

После яркого дневного света в шатре показалось очень темно; медвежонок стал на ощупь пробираться вперёд и, только как следует проморгавшись, сумел различить в потёмках расплывчатую фигуру, сидевшую за столиком, накрытым бархатной скатертью.

Веки мадам Заза были опущены, и она громко сопела. Подождав немного, Паддингтон не выдержал, ткнул её в бок, а потом вежливо приподнял шляпу.

— Простите, пожалуйста, — начал он, — я пришёл, чтобы мне погадали по лапе...

Мадам Заза так и подскочила.

— Комман!* — воскликнула она сиплым голосом.

— Карман? — озадаченно переспросил медвежонок.

Ему с самого начала было ясно, что гадать по лапе, спрятанной в карман, довольно затруднительно, поэтому он заранее вытащил обе лапы

* Комман (comment) по-французски значит просто «как, почему».

наружу. Чтобы мадам Заза было легче их рассмотреть, он начал карабкаться на стол, объясняя по дороге, зачем, собственно, пришёл.

— Осторожнее, не разбей шар! — завизжала мадам Заза, мгновенно перейдя на английский, когда стол угрожающе закачался. — Шары знаешь какие дорогие! Я поначалу не поняла, что ты иностранец, — продолжала она, — а то бы сразу стала говорить с тобой по-английски.

— Иностранец?! — возмущённо воскликнул Паддингтон. — Никакой я не иностранец! Я живу в Англии!

— В другой стране ты все равно иностранец, — отрезала мадам Заза. — И «комман» вовсе не значит, что можно влезать на мой стол всеми четырьмя ногами!

Паддингтон вздохнул и спустился на пол. Французский язык нравился ему всё меньше и меньше. Почему-то все слова в нём значили не то, что полагается.

— И вообще, медведям я обычно не гадаю, — предупредила мадам Заза. — Но раз уж ты странник в чужом краю... Позолоти ручку, а я уж постараюсь, как смогу.

— Что значит «позолоти ручку»? — не понял медвежонок.

— Это значит — положи в неё денежку, а то я ничего не увижу — лукаво отозвалась мадам Заза.

Паддингтон раскрыл чемодан, вытащил шестипенсовик, зажал его в кулачок и протянул ла-

пу мадам Заза. Оказалось, что гадание по лапе стоит вовсе не так уж дорого!

Мадам Заза бросила на него недовольный взгляд.

— Я имела в виду в МОЮ руку положи, а не в свою! — вскричала она.

Паддингтон бросил на гадалку чрезвычайно суровый взгляд, но делать нечего — пришлось разжать кулачок и отдать монетку.

— Вообще-то я иностранные деньги не беру, — заявила мадам Заза, пробуя монету на зуб — не фальшивая ли. — Ну да ладно, так уж и быть... Давай лапу. Посмотрим для начала, что говорят линии.

Паддингтон протянул гадалке лапу, и мадам Заза взяла её в свои руки. С минуту она недоверчиво таращилась, потом протёрла глаза и вытащила из кармана лупу.

— У тебя очень длинная линия жизни, — сказала она. — Даже для медведя. Да больно уж толстая — я таких ещё никогда не видела. И идёт чуть ли не по всей лапе.

Паддингтон и сам поглядел на свою лапу с небольшим интересом.

— А, это не линия жизни, — догадался он. — Это апельсинная корочка из мармелада.

— *Апельсинная корочка из мармелада?* — так и опешила мадам Заза.

— Угу, — подтвердил Паддингтон. — Она прилипла за завтраком, а я лапы забыл помыть.

Мадам Заза провела по лбу дрожащей рукой. Ей показалось, что в шатре вдруг стало очень жарко.

— Ну, знаешь, — сказала она, — как же я могу гадать по лапе, если она у тебя вся в мармеладных корочках? Боюсь, придётся тебе доплатить и попробовать предсказание по шару.

Паддингтон, бросив на гадалку укоризненный взгляд, извлёк из чемодана ещё один шестипенсовик. Он уже крепко пожалел, что надумал узнать своё будущее.

Мадам Заза выхватила у него деньги и придвинула к себе стеклянный шар.

— Когда у тебя день рождения? — осведомилась она.

— В июне и в декабре, — ответил Паддингтон.

— *В июне и в декабре?* — окончательно растерялась мадам Заза. — Но день рождения может быть только один! Двух в году не бывает!

— У медведей бывает, — стоял на своем Паддингтон. — У медведей у всех по два дня рождения в году.

— Это сильно осложняет дело, — сказала мадам Заза. — И уж конечно, ни за какую точность я не ручаюсь.

Она помахала руками в воздухе, а потом установилась в шар.

— Шар предвещает, что тебя ждёт дальняя дорога, — начала мадам Заза странным, загробным голосом. — И очень скоро! — Она глянула на

медвежонка и добавила с тайной надеждой: — Можешь отпрапляться прямо сейчас.

— Дальняя дорога? — искренне изумился Паддингтон. — Но я ведь только что приехал, и очень издалека! От самого Виндзорского Сада! А он не говорит, куда именно эта дорога?

Мадам Заза снова заглянула в шар, и на лице у неё появилось коварное выражение.

— Нет, — ответила она, — но куда бы ты ни отправился, там обязательно будет страшный трам-тарарам!

Мадам Заза припомнила фейерверк, назначенный на вечер, и порадовалась, как ловко ответила на Паддингтонов вопрос. Но тут она ещё раз посмотрела в шар, и на лице её появилось озадаченное выражение. Подышав на стекло, она протёрла его кончиком шали.

— Такого со мной ещё никогда не было! — воскликнула она. — Я вижу там ещё одного медведя!

— Это не ещё один, — успокоил гадалку Паддингтон, который стоял на чемодане и заглядывал ей через плечо. — Это всё тот же я. Но, кроме себя, я ничего не вижу.

Мадам Заза поспешно накрыла шар концом шали.

— А потому что изображение пропало, — сказала она. — Думаю, тебе придётся ещё раз позолотить мне ручку.

— Ещё? — удивился Паддингтон. — Но я ведь уже позолотил!

— Ещё, — упорствовала мадам Заза. — Шести пенсов, знаешь, ненадолго хватает.

Этого Паддингтон уже не вынес. Он попятился от предсказательницы и пулей выскочил из шатра, не дожидаясь, когда с него потребуют ещё денег.

Брауны стояли неподалёку, беседуя с месье Дюпоном, и, когда медвежонок, вынырнув из шатра, бросился к ним со всех лап; устремили на него вопросительные взгляды.

— Ну как, мишка-медведь? — поинтересовалась миссис Браун. — Узнал своё будущее?

— Кажется, нет, миссис Браун, — грустно отозвался Паддингтон. — Там всё как-то неправильно. Я, наверное, не ту ручку позолотил.

Месье Дюпон сочувственно развёл руками.

— Ах, месье лё Медведь! — воскликнул он. — Если бы можно было избежать бед и несчастий, попросту заглянув в стеклянный шар, жизнь была бы куда проще! Тогда бы и я не отказался узнать своё будущее!

Казалось, месье Дюпон чем-то очень озабочен; он как раз рассказывал Браунам, какие неприятности вдруг свалились на него и на весь оркестр.

— Всего раз в год, — начал он с самого начала, чтобы и Паддингтон мог послушать, — устраиваем мы парад деревенского оркестра, и надо же было, чтобы именно сегодня ударник, который должен отбивать ритм на большом барабане, взял да и заболел!

— Какое несчастье! — посочувствовала миссис Браун. — Как, наверное, все расстроятся!

— И что, никто не может его заменить? — спросил мистер Браун.

Месье Дюпон грустно покачал головой.

— Да разве сейчас кого найдёшь, все веселятся на ярмарке, — вздохнул он. — Да и прорепетировать мы не успеем, времени-то в обрез...

При этих словах медвежонок наострил уши: он почему-то всё косился через плечо на шатёр мадам Заза.

— Может быть, я смогу помочь, месье Дюпон? — робко предложил он, когда булочник закончил свою горестную повесть.

И, удивив всех окончательно, Паддингтон поведал про «предсказание» мадам Заза — про то, что его ждёт дальняя дорога и там будет страшный трам-тарарам.

Когда он закончил, месье Дюпон задумчиво потёр подбородок.

— Действительно, странное совпадение, — сказал он. — Я бы даже сказал, экстра-ор-ди-нарное!

Похоже, месье Дюпон отнёсся к предложению медвежонка очень серьёзно, и чем дальше, тем заманчивее оно ему казалось.

— Я ещё ни разу не слышал, чтобы в оркестре играл медведь, — сказал он. — Представляете, как все удивятся!

Брауны переглянулись.

— Это очень лестное предложение, — сказал мистер Браун без особой уверенности в голосе. — Но вот благоразумное ли?

— Да что ж это за оркестр, — вскричал месье Дюпон, трагически взмахнув руками, — если в нём нет барабанщика, который идёт сзади и отбивает ритм: бум! бум! бум!

Брауны примолкли. На это им возразить было нечего.

— Как знаете, — пожал плечами мистер Браун. — Ваш оркестр, вам и решать.

— В таком случае, — подвёл черту месье Дюпон, — дело решённое!

Брауны встревоженными взглядами проводили Паддингтона и месье Дюпона, которые, не теряя времени, отправились репетировать. При мысли, что Паддингтон будет играть в деревенском оркестре, у них в головах возникали такие безотрадные картины, что лучше и не говорить.

Однако время шло, Брауны оправились от неожиданности и с нетерпением ждали вечера. Когда наконец стемнело и они устроились на балконе гостиницы в ожидании торжественной минуты, даже мистер Браун сменил гнев на милость и без усталости повторял, что зрелище наверняка будет грандиозное.

Они слышали, как вдалеке музыканты настраивают свои инструменты, и время от времени до них доносилось гулкое «бум!» — это Паддингтон пробовал напоследок свой барабан.

— Только бы он ничего не напутал и не испортил всё дело, — волновалась миссис Браун. — Слух-то у него, вообще-то, не очень...

— Ну, если судить по грохоту, который он учинил сегодня в гостинице, волноваться особенно не о чем, — заметила миссис Бёрд, отрываясь от вязания.

Внезапно, после короткой паузы, музыка грянула в полную силу, и вот, под бодрые звуки марша и приветственные крики заждавшихся зрителей, оркестр, возглавляемый месье Дюпонном, вступил на площадь.

Сам месье Дюпон, который отрывистыми взмахами подбрасывал в воздух и ловил на лету свой тамбурмажорский жезл, выглядел очень

внушительно, но самое громкое «ура!» прогремело в честь Паддингтона — когда его наконец стало видно из-за громадного барабана. Новость о том, что юный английский медведь в последний момент предложил оркестру свою помощь и спас парад от провала, быстро облетела всю деревню, и посмотреть на этукую диковинку собралась огромная толпа.

Заслышав аплодисменты, Паддингтон страшно возгордился и в благодарность несколько раз помахал лапой, между ударами колотушкой по барабану, а проходя мимо гостиницы, послал специальный привет Браунам.

— Надо сказать, — гордо проговорила миссис Бёрд, когда оркестр скрылся из виду, — что хотя он и идёт в самом хвосте, играет он лучше, чем все остальные, вместе взятые!

— Я сделал несколько фотографий! — сообщил мистер Браун, опуская фотоаппарат. — Правда, получился только вид сзади...

— Ничего, папа, сейчас будет тебе и вид спереди, — успокоил его Джонатан. — Смотри, они возвращаются!

Мистер Браун поспешно перезарядил фотоаппарат, поскольку музыка и правда опять зазвучала громче. Завершив первую мелодию несколькими особо раскатистыми трелями, оркестр развернулся, заиграл другой марш и двинулся обратно к площади.

— Что-то Паддингтон теперь стучит гораздо тише, — заметила миссис Браун, когда они снова

расселись по своим местам. — С колотушкой, что ли, что-нибудь случилось?

— Или, может, у него лапы устали, — предположила Джуди.

— Ой, смотрите! — так и подскочил Джонатан, когда музыканты снова вступили на площадь. — Да его там больше вообще нет!

— Что-что? — переспросил мистер Браун, опуская фотоаппарат. — Вообще нет? Не может быть!

Брауны в тревоге перевесились через балконные перила; месье Дюпон и тот несколько раз недоумённо оглянулся через плечо, прежде чем остановиться оркестр на середине площади. Музыка стихла, а медвежонок так и не объявился.

— Странное дело, — проговорил мистер Браун, прикладывая ладонь к уху, — что я до сих пор слышу какой-то стук.

Остальные тоже прислушались. Звук, напоминавший мистера Брауна, доносился откуда-то с дальнего конца деревни. Он становился всё слабее и слабее, и всё же, вне всяких сомнений, это был рокот барабана.

— Ну, дела! Да наверняка это Паддингтон! — воскликнула Джуди. — Он, видимо, просто пошёл дальше, когда весь оркестр повернул обратно.

— Тогда надо его поскорее поймать! — встревожился мистер Браун. — А то ещё неизвестно, куда он утопает!

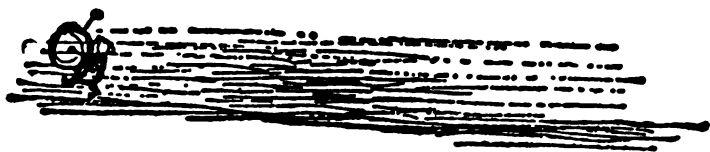
Тут Брауны наконец поняли, что к чему, и не на шутку переполошились. Впрочем, Паддингтон,

наверное, и сам не стал бы отрицать, что дело дрянь, если бы только заметил, в чём это самое дело состоит. Но он пока ещё ничего не заметил и продолжал в блаженном неведении лупить колотушкой по барабану.

Вообще-то день со всеми развлечениями — ярмаркой, гаданием и репетицией оркестра — выдался очень удачный. Однако, если говорить честно, медвежонок был уже по горло сыт музыкой и не стал бы возражать, если бы парад поскорее закончился.

Во-первых, барабан оказался очень уж большим и тяжёлым, а с короткими лапами было не так-то просто поспевать за остальными оркестрантами. Барабан висел у Паддингтона на животе, и во время репетиции удавалось иногда ненадолго поставить его на чемодан, но теперь, на марше, барабан задрался кверху, и за ним ничегошеньки стало не видно. Паддингтон понятия не имел, где он находится, в пальто ему было очень жарко, а в довершение всего капюшон от толчков налез на уши и он совсем перестал слышать других музыкантов.

Месье Дюпон долго и красноречиво втолковывал Паддингтону, какой важный инструмент

большой барабан и что, даже когда весь оркестр ненадолго смолкает, барабан должен продолжать отбивать ритм, иначе все сойдётся с шага. Однако медвежонок вот уже минут пять кряду не слышал ни одного инструмента, кроме барабана, и ему это начало порядком надоедать.

Чем дальше Паддингтон уходил, тем увесистее делался барабан, а в довершение всего коленки у него совсем подогнулись, капюшон от этого сполз на глаза, да там и остался.

Паддингтон уже начал прикидывать, не пора ли звать на помощь или стоит ещё потерпеть, но тут всё решилось само собой. Дорога, по которой он с таким упорством шагал, внезапно кончилась, и на очередном шаге лапа ухнула в пустоту. Не успел Паддингтон даже толком удивиться, как всё вокруг перевернулось вверх тормашками, и в следующую секунду, так и не сообразив, что к чему, он уже лежал на спине, придавленный сверху какой-то многотонной тяжестью.

Некоторое время Паддингтон просто пыхтел и отдувался, а потом опасливо откинул с глаз капюшон и выглянул наружу. К его изумлению, ни месье Дюпона, ни остальных музыкантов нигде не было видно. Видно ему было совсем другое:

луна и звёзды в небе над головой. А самое ужасное — когда он попытался встать, из этого ничего не получилось, потому что на животе у него лежал барабан и сдвинуть его не было никакой возможности.

Паддингтон глубоко вздохнул и с обречённым видом улегся обратно.

— Ох, мамочки, — произнёс он, обращаясь к окружающей пустоте. — Опять я влип в историю!..

— Хорошо, что ты не перестал бить в барабан. — В голосе миссис Браун звучало явное облегчение. — А то бы мы тебя до утра не нашли!

Все они собрались в вестибюле гостиницы, чтобы послушать рассказ медвежонка о недавних потрясениях и о том, как его в конце концов спасли. Больше всех радовался этому спасению месье Дюпон, который чувствовал себя главным виновником Паддингтоновых бед.

— Понимаете, я просто случайно сделал неверный шаг, — объяснял Паддингтон. — А потом мне было никак не встать, потому что сверху на меня улегся барабан.

Миссис Браун хотела было спросить, почему он не попытался развязать ремень, но из деликатности промолчала. И без того все говорили хором, абсолютно друг друга не слушая, да ещё в вестибюль набилась целая толпа желающих поздравить Паддингтона и месье Дюпона с успехом на параде.

А кроме того, медвежонок, судя по всему, был поглощён какими-то своими мыслями, и, глядя со стороны, можно было подумать, что он пытается вывернуться наизнанку.

— Нет, ничего страшного, миссис Браун, — с готовностью объяснил он, заметив её озабоченность. — Я просто проверял, какие у меня линии на лапе.

— Надеюсь, ты нашёл там что-нибудь интересное, — проворчала миссис Бёрд, — после этакой-то катавасии!

— Ну, правда, я не совсем всё понял... — начал Паддингтон с тайной надеждой в голосе, — но похоже, там что-то такое говорится про фейерверк!

— Гм... — сумрачно протянула миссис Бёрд, и тут же снаружи донеслось громкое «бабах!» и первая ракета ярко осветила вечернее небо. — Что-то мне кажется, один мой знакомый медведь слишком много выдумывает...

Но как оказалось, говорила она в пустоту, потому что Паддингтон уже выскочил на улицу, а

за ним следом — Джонатан и Джуди, а за ними по пятам — мистер Браун и месье Дюпон.

Паддингтон всегда любил фейерверки, и теперь, когда приключение с барабаном осталось позади, ему не терпелось полюбоваться огненным спектаклем. Судя по тому, какой треск и грохот стоял на площади, французы знали толк в разноцветных огнях, и Паддингтон не хотел упустить ни секундочки такого замечательного зрелища.

НА РЫБАЛКЕ

— А не отправиться ли нам сегодня на рыбалку? — предложил как-то за завтраком мистер Браун.

Было бы некоторым преувеличением сказать, что все члены его семейства отнеслись к этому предложению одинаково. Миссис Браун и миссис Бёрд встревоженно переглянулись, Джонатан и Джуди завопили от восторга, а Паддингтон так обрадовался, что чуть было не свалился со стула.

— И что же мы будем ловить? — осведомилась миссис Браун в тайной надежде, что её супруг предложит что-нибудь безобидное и поближе к берегу.

— Макрель, — без особой уверенности ответил мистер Браун. — Ну, или каких-нибудь там

сардин*. Короче говоря, кто «за» — поднимайте правую руку!

Результат голосования явно пришёлся мистери Брауну по душе.

— Четыре — «за», два — «против», — подсчитал он.

— Ничего подобного. Два — «за», два — «против», — строго поправила миссис Бёрд. — Медведи, которые поднимают сразу по две лапы, лишаются права голоса.

— Так ведь ещё я не голосовал, — заметил мистер Браун, поднимая руку. — Выходит, все равно большинство «за». Тут прямо за бухтой есть один очень милый островок, — продолжал он. — Мы поплывём туда и встанем там лагерем.

— Как ты сказал, Генри? — дрогнувшим голосом переспросила миссис Браун. — Поплывём?

— Именно так, — кивнул мистер Браун. — Я сегодня перед завтраком встретил адмирала Гранди, и он пригласил нас всех на морскую прогулку.

После этих слов миссис Браун и миссис Бёрд, похоже, совсем расхотелось рыбачить; даже Паддингтон и тот повесил нос, ткнувшись им в результате в булочку, намазанную мармеладом.

* Макрель — это та же скумбрия, а сардина — рыба из семейства сельдевых, то есть селедок. И ту и другую в больших количествах ловят в проливе Ла-Манш, и не только для удовольствия: рыболовство кормит большую часть жителей северного французского побережья.

Адмиралом Гранди звали отставного английского моряка, который жил в «Вороньем гнезде» — домике, стоявшем на утёсах неподалёку от деревни. Брауны иногда встречали его на улице и всякий раз с трудом удерживались, чтобы не шарахнуться в сторону при звуках его голоса, напоминающего рёв проржавевшего охотничьего рожка.

Когда они повстречались в первый раз, адмирал так зычно поприветствовал их с вершины утёса, что миссис Браун перепугалась, как бы в горах не случился обвал, а бедняга Паддингтон со страху уронил в море вафельный стаканчик с мороженым.

— Уже три дня наблюдаю за вами в телескоп! Увидел ваши шорты — ну, думаю, как пить дать англичанин! — гаркнул адмирал, обращаясь к мистеру Брауну. — А давеча, лопни мои глаза, ещё какой-то медведь по пляжу слонялся! Ну, дела!

— На самом деле он вовсе не такой страшный, — успокоил мистер Браун своё перепуганное семейство. — И ему, похоже, очень хочется, чтобы мы поехали с ним на рыбалку. Соскучился, наверное, по соотечественникам.

— Гм... — глубокомысленно изрекла миссис Бёрд. — Ну что ж, тогда надо собираться.

С этими словами она встала из-за стола и отправилась наверх, однако почти сразу же вернулась с небольшим свёртком, который протянула медвежонку.

— Я как чувствовала, что нам придётся плавать по морю, — сказала она. — От солёной воды у медведей, как вы знаете, шкурка портится, поэтому я заранее сшила Паддингтону морской костюм из старого Джонатанова плащика.

Паддингтон развязал сверток и, заглянув в него, ахнул от удивления. Брауны обступили его и не без зависти принялись наблюдать, как он примеряет непромокаемые штаны, матросскую куртку и зюйдвестку*.

— Спасибо большое, миссис Бёрд! — поблагодарил Паддингтон, поправляя и подтягивая штаны.

— Ну, деваться некуда, — развёл руками мистер Браун, — теперь нам точно ничего не остаётся, кроме как отправиться в море!

Собрав свои вещички, Брауны зашагали по извилистой мощёной улочке к пристани. Паддингтон шёл точно во сне. Приятно, если день начинается с хорошей новости, но когда в одно и то же утро тебя берут покататься на яхте и одевают в новый костюм, это уж, что называется, даже слишком.

Паддингтон вообще любил суда и пристани, а Сан-Кастильскую пристань в особенности, потому что, хотя ему и довелось попутешествовать, ничего подобного ему никогда ещё не доводи-

* Зюйдвестка, как поясняет признанный специалист в этом деле, капитан Врунгель, это «очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает».

лось видеть. Взять хотя бы то, что рыбу здесь ловили очень красивыми голубыми сетями, которые просто радовали глаз, когда их вывешивали на просушку. Да и сами рыбаки выглядели не так, как во всех других местах, потому что носили они не скучные тёмно-синие свитера и резиновые сапоги, а красные куртки и деревянные башмаки, которые назывались «сабо»*.

Паддингтон мог часами сидеть рядом с Браунами на набережной и следить, как снуют в бухточке рыбацкие судёнышки, уходя за сардинами и возвращаясь с уловом; поэтому-то ему так не терпелось самому поплавать по морю и порыбачить.

Адмирал Гранди уже прибыл на яхту и поджидал своих гостей; когда они показались из-за поворота, адмирал вдруг передёрнулся и вперил в Паддингтона глаза, сверкавшие стальным блеском из-под косматых бровей.

— Провалиться мне вместе с палубой! — загромыхал он. — Эт-то ещё что такое? Кличешь шторм, а?*

— Вы хотите провалиться вместе с палубой, мистер Гранди? — озадаченно переспросил мед-

* Сабо — это открытые сзади башмаки на деревянной подошве. В давние времена их носили французские крестьяне, а несколько лет тому назад вдруг стала носить вся Европа — сабо вошли в моду!

** По морским поверьям, нельзя в ясную погоду одеваться в штормовую одежду — обязательно накличешь бурю. Так что адмирал не зря рассердился — с морем шутки плохи, даже если это не настоящее море, а всего-навсего пролив Ла-Манш.

вежонок, принимаясь с неподдельным интересом рассматривать адмиральскую яхту; вроде с виду она была вполне прочной и надёжной.

— Его, наверное, просто удивил твой костюм, — шёпотом пояснила Джуди, когда адмирал бросил красноречивый взгляд сначала на солнце, а потом на Паддингтонову зюйдвестку.

— Мой костюм? — тут же встопорщился медвежонок, отвечая адмиралу суровым-пресуровым взглядом. — Но ведь это же подарок миссис Бёрд!

Спохватившись, адмирал галантно протянул миссис Бёрд руку.

— Добро пожаловать на борт, мадам! — рявкнул он. — Ежели не то сказал — извините. Прошу. Сначала — женщины и медведи. Если хочешь, мишук, будешь вперёдсмотрящим, — добавил он, когда Паддингтон вскарабкался по трапу. — Ступай на нос и слушай мою команду.

Паддингтон вскинул лапу к зюйдвестке и помчался на нос. Он не совсем понял, что должен делать вкомодсмотрящий, тем более что никакого комода на носу не оказалось, однако лишний раз порадовался, что не забыл прихватить свой театральный бинокль, и, поднеся его к глазам, несколько минут деятельно осматривал горизонт.

Не хотелось ему огорчать миссис Бёрд, которая положила столько труда на его морской костюм, но, честно говоря, он уже пожалел, что не послушался адмирала Гранди и не отложил при-

мерку до ближайшего шторма. Во-первых, день был довольно жаркий, во-вторых, штаны оказались великоваты и все время сползали, так что приходилось придерживать их одной лапой, что очень мешало вперёдсмотрянию.

Внезапно в его размышления вторгся зычный крик, долетевший откуда-то с кормы:

— Вперёдсмотрящий, готовсь!

Адмирал как раз закончил осматривать яхту перед отплытием.

— Гляди на флюгер!* — проорал он затем, указывая на треугольный флажок, развевавшийся на верхушке мачты.

— Показывает, куда ветер дует, — пояснил он миссис Бёрд, которая уселась на корме, загородившись зонтиком. — Очень важная штука!

— Эй, внизу! Подтяни концы!** — крикнул он мистеру Брауну — тот уже убрёл куда-то в каюту. — Вперёдсмотрящий! Медведь! Отдать швартовы!***

Паддингтон, безотлучно стоявший на носу яхты, от адмиральных воплей окончательно запутался. Плавать под парусом оказалось куда сложнее, чем ему казалось поначалу.

* «Флюгер — лёгкий флажок на мачте для определения направления ветра» (капитан Врунгель).

** «Конец» на судне не значит, что кому-то конец; так называют тросы, верёвки и канаты.

*** И тут капитану Врунгелю виднее. По его словам, швартовы — это «тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю».

Во-первых, он не понял, кому он должен отдать котов, да и где этих котов взять для начала. Никаких котов нигде не было, только чайки, да и те по большей части мирно дремали на воде.

Во-вторых, адмирал велел ему подтянуть штанцы.

Этому распоряжению Паддингтон и вовсе удивился, потому что, хотя штаны его действительно сползали все ниже и ниже, он никак не думал, что кто-нибудь это заметит; торопясь исполнить приказ, он схватил первую попавшуюся верёвку и принялся обматывать её вокруг пояса.

— Все наверх! — взревел адмирал. — Ставлю парус! Нет ничего лучше парусного судна! — продолжал он довольным тоном, не переставая тянуть верёвку. — Терпеть не могу все эти моторные посудины!

— А ведь и правда чудесное зрелище, — согласилась миссис Браун, когда огромное белое полотнище упруго выгнулось на ветру; впрочем, она тут же осеклась и испуганно уставилась на адмирала.

— В чем дело? — спросила она.

— Куда это ваш косолапый приятель запропал? — поинтересовался адмирал. — Уж не за борт ли свалился?

— Господи помилуй! — ахнула миссис Бёрд. — Куда он действительно мог подеваться?

Брауны перегнулись через борт и уставились в воду, но Паддингтона там не было и в помине.

— Пузырей не видать, — заметил адмирал. — А что не слышать ничего, это понятно, эк эти олухи галдят на берегу, тут и сирены-то пароходной не услышишь, не только медвежьих воплей!

Брауны оторвали глаза от моря. Адмирал не ошибся — на берегу действительно стоял страшный гвалт. Чуть ли не все рыбаки на пристани отчаянно махали руками, и некоторые при этом указывали куда-то в небо.

— Тысяча чертей! — взревел адмирал, подскакивая и заслоняя глаза от солнца ладонью. — Вон он где! Висит, как корзина, на верхушке мачты!

— Я просто пытался подтянуть штанцы, — обиженно пояснил медвежонок, когда его опустили обратно на палубу. — С меня морской костюм всё время сваливался, и я, наверное, подвязал его не той верёвкой.

— Вот что, — поспешно вмешалась миссис Бёрд, пытаясь успокоить бурю прежде, чем она разразится, — то есть прежде, чем адмирал заговорит. — Я думаю, лучше тебе посидеть со мною на корме. От греха подальше.

С пристани на них уже глазела довольно большая толпа, и миссис Бёрд совсем не понравилась физиономия адмирала. Очень уж густо она побагровела.

Паддингтон отряхнулся и без лишних разговоров отправился с миссис Бёрд на корму; адмирал же тем временем восстановил порядок и приготовился снова поднять парус.

Через несколько минут всё уже шло как по маслу, и вскоре яхта выскользнула из бухты и взяла курс в открытое море.

Джонатан и Джуди сидели на палубе, глядя, как волны разбиваются о нос яхты, а мистер Браун тем временем закинул с кормы удочку; Паддингтон решил не отставать и примостился рядышком, с бечёвкой и гнутой булавкой, которую миссис Бёрд нашла в своей сумочке для рукоделия.

Столько вокруг было всего нового и интересного, что они не успели и оглянуться, как яхта уже пристала к острову.

Кроме поклажи адмирала на берег надо было спустить палатку мистера Брауна и большую корзину со всякими лакомствами, которые миссис Бёрд закупила в деревенском магазине; так что, пока Джуди, Джонатан и медвежонок готовились к разведывательной экспедиции в глубь острова, адмирал и мистер Браун принялись разгружать яхту.

Едва они вытащили на берег первую партию груза и собрались идти за второй, адмирал вдруг испустил особенно громкий вопль и принялся пританцовывать на одном месте, тыча пальцем в море.

— Уплыла! — голосил он. — Моя яхта уплыла!

Брауны посмотрели туда, куда он указывал, и с ужасом убедились, что яхта действительно покачивается на волнах, причём довольно далеко от берега.

— Чтоб я провалился! — бушевал адмирал. — Что, никто не догадался её привязать?

Брауны переглянулись. Им так хотелось поскорее попасть на остров, что они предоставили заботу о яхте адмиралу.

— Мы думали, вы привяжете, — пояснил мистер Браун.

— Пятьдесят лет я в море, — не унимался адмирал, с топотом носясь взад-вперёд по берегу, — и ни разу ещё не терял корабля, а уж тем более не застревал на необитаемом острове! Ну и экипаж мне достался!

— Может быть, подать сигнал бедствия или ещё что-нибудь такое? — расстроено предложила миссис Браун.

— Нечем, — буркнул адмирал. — Все сигнальные ракеты на борту!

— И спички тоже, — горестно прибавил мистер Браун. — Так что нам даже костёр не развести!

Адмирал ещё несколько раз пробежался по берегу, бормоча что-то себе под нос, а потом наконец остановился и ткнул пальцем в палатку мистера Брауна.

— Вон там, где травка, будет мой штаб, — объявил он. — Пойду посижу спокойно и подумаю, как дать этим береговым олухам знать, что мы терпим бедствие.

— Давайте я вам помогу поставить палатку, мистер Гранди, — вызвался Паддингтон, которому не сиделось на месте.

— Спасибо, медведь, — хмуро согласился адмирал. — Только вяжи узлы покрепче, чтобы эта штуковина не рухнула мне на голову с первым же ветерком.

Оставив пригорюнившихся Браунов на берегу — обсуждать нерадостную перспективу остаться на острове на всю ночь, — адмирал подхватил палатку и зашагал вверх по склону, а Паддингтон засеменял следом.

Палатка мистера Брауна давно уже вызывала у медвежонка особый интерес. Раза два он наткался на неё, когда обследовал чердак дома, но видеть её в развёрнутом виде ему ещё не доводилось. Когда они с адмиралом выбрались на травку, Паддингтон уселся на ближайший обломок скалы и принялся внимательно наблюдать, как адмирал снимает чехол и аккуратно извлекает оттуда плотно скатанный кусок белой парусины, какие-то деревянные палочки и целую связку верёвок.

Соорудив из деревяшек два опорных столба одинаковой длины, адмирал подсунул их под парусину и ловко поднял всё сооружение в воздух.

— Я подержу столбы, медведь, — гаркнул он, заползая внутрь, — а ты крепи растяжки. Колышки в мешке.

Паддингтон тут же вскочил с камня. Он понятия не имел, что такое растяжки и зачем нужны колышки в мешке, но ему ужасно хотелось поскорее сделать что-нибудь полезное, поэтому он во всю прыть помчался туда, где остался лежать

чехол; добежав, он заглянул внутрь: ура! кроме деревянного молотка и каких-то оструганных палочек там лежала ещё и книжка с инструкциями!

Паддингтон любил книжки с инструкциями, особенно такие, в которых много картинок, а в этой их оказалось предостаточно. На обложке красовался дяденька, который бодро вбивал деревяшки в землю, и, хотя на дяденьке были шорты, а сам он выглядел таким добродушным толстяком и ни капельки не походил на тощего и сердитого адмирала, Паддингтон сразу понял, что толк с этой книжки будет, и немалый.

— Куда ты подевался, медведь? — долетел до него бас адмирала, приглушённый палаткой. — Шевели лапами! Думаешь, легко её держать?

Медвежонок поднял голову и с удивлением обнаружил, что, пока он читал, адмирал с палаткой переместились довольно далеко от того места, где они стояли поначалу. Здесь, над берегом, гулял ветер, и адмиралу, судя по всему, стоило больших усилий держаться на ногах, а палатка над ним надулась, как парус.

— Сейчас, мистер Гранди! — завопил Паддингтон, размахивая молотком. — Иду!

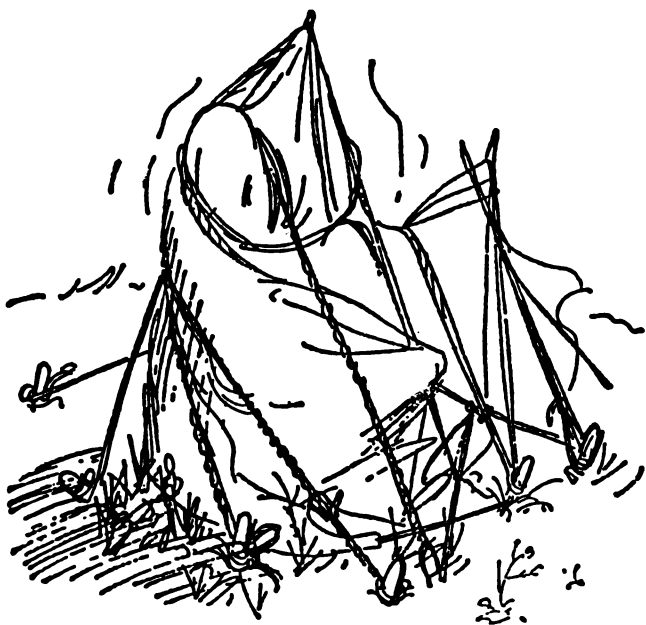
Заглянув ещё разок в книжку с инструкцией, он набрал полные лапы колышков и помчался на помощь палатке и адмиралу.

Паддингтон любил заколачивать гвозди и несколько минут с огромным удовольствием вгонял в землю колышки и привязывал к ним верёвки, туго натягивая, как и учил адмирал.

Верёвок оказалось очень много, на вид куда больше, чем на картинке, и Паддингтону несколько раз пришлось бегать к чехлу за новыми колышками, так что времени у него ушло куда больше, чем он рассчитывал.

А кроме того, адмирал всё время понукал его и велел торопиться, так что Паддингтон всё сильнее запутывался, и узлы, которые и вначале-то были далеко не такими тугими и аккуратными, как на картинке, становились всё больше и больше похожи на клочки безнадёжно запутанной пряжи.

— Разве у нас новая палатка? — осведомилась миссис Бёрд, которая следила за всем этим с берега.

— Нет, все та же, старая, — удивлённо ответил мистер Браун. — А почему вы спрашиваете?

— Да что-то она на старую не похожа, — ответствовала миссис Бёрд, — старая была совсем другой формы. Эта какая-то больно уж мешковатая да кособокая...

— А ведь верно! — согласился мистер Браун. — Ну и ну!

— Вот что, — решила миссис Бёрд, — пойдёмте-ка посмотрим, что там происходит. Надо сказать, мне всё это совсем не нравится.

Если бы Паддингтон расслышал последние слова, он согласился бы с ними от всёй души, потому что, вколотив наконец все колышки и завязав все узлы, он встал, чтобы полюбоваться плодами своих усилий, и с удивлением обнаружил, что адмирал куда-то исчез.

Да и палатка вышла ну ни капельки не похожая на ту, которую он видел на картинке. Та была точь-в-точь как маленький полотняный домик, имелась даже и дверь, возле которой стоял дяденька в шортах, свежий как огурчик, с улыбкой на физиономии, и махал рукой восхищённым зрителям. Утерев лоб и ещё раз оглядев палатку мистера Брауна, Паддингтон вынужден был признать, что она больше смахивает на ворох неглаженного белья, на котором тут и там видны какие-то бугорки и выпуклости.

Паддингтон на всякий случай обошёл палатку по кругу, внимательно разглядывая её со всех сторон, но нигде не обнаружилось даже щёлочки, не говоря уж о двери. А хуже всего, нигде не было видно не только улыбающейся физиономии адмирала, но даже и самого адмирала.

Совсем растерявшись, медвежонок постучал по одному из бугорков молотком.

— Где вы, мистер Гранди? — окликнул он.

— ГРРР! — донеслось из палатки. — ЭТО МОЯ ГОЛОВА!

Паддингтон отскочил, как ужаленный, впопыхах зацепился за одну из верёвок и чуть не упал.

— Выпусти меня, медведь! — гремел адмирал. — Не то я тебя вздёрну на рее!

Паддингтону совсем не хотелось, чтобы его вздёргивали на рее — что бы это такое ни было, — поэтому он снова уткнулся в инструкцию, решив проверить, не пролистнул ли ненароком какую-нибудь важную страничку, но в инструк-

ции не оказалось специальной главы о том, как убирать поставленную палатку, а уж о том, как вызволять запакованных адмиралов, и вовсе не было ни слова.

Паддингтон попробовал подёргать за верёвки, но лучше от этого не стало, скорее наоборот, потому что чем больше он дёргал, тем громче ругался адмирал.

— Паддингтон! — вскричала миссис Бёрд, выбегая на полянку под аккомпанемент особенно громкого адмиральского вопля. — Что, скажи на милость, тут происходит?

— Я и сам не пойму, — сознался Паддингтон. — У меня с верёвками какая-то путаница вышла. Лапами узлы очень трудно завязывать, вы же знаете.

— Вот это да! — восхищённо проговорил Джонатан, наклоняясь над палаткой. — Вот уж действительно, путаница так путаница! В жизни ещё таких узлов не видел. Даже когда мы с классом в поход ходили.

— Ох ты, батюшки! — ахнула миссис Бёрд. — Надо поскорее что-нибудь придумать, а то он, чего доброго, совсем задохнётся.

Брауны по очереди склонялись над палаткой и разглядывали верёвки, но чем больше они тербели и дёргали, тем туже затягивались узлы и тем слабее становилось сипение адмирала.

Но вот, когда они уже совсем потеряли надежду вызволить злосчастного моряка, их прервали самым неожиданным образом. Они так увлеклись

распутыванием Паддингтоновых узлов, что совсем перестали замечать, что происходит вокруг. Опомнились они, лишь когда слышали совсем близко чьи-то голоса и, подняв головы, увидели, что к ним приближается целая компания рыбаков из деревни.

— Приняли ваш сигнал бедствия, месье, — на ломаном английском сказал предводитель компании.

— Сигнал бедствия? — недоумённо переспросил мистер Браун.

— Так точно, месье, — подтвердил рыбак. — Мы увидели его за много-много миль. Юный джентльмен-медведь из гостиницы махал белым флагом, призывая на помощь. А потом мы заметили в море яхту месье лё Адмирала и поспешили вас спасти.

Мистер Браун отступил в сторонку, а рыбаки засуетились вокруг палатки, осматривая узлы и прикидывая, как их развязать.

— Хотел бы я знать, — задумчиво проговорил мистер Браун, — один Паддингтон у нас такой или все медведи рождаются под счастливой звездой?..

— Гррруфф! — в сотый раз ухнул адмирал, слушая историю своего спасения.

Даже рыбакам далеко не сразу удалось распутать Паддингтоновы узлы, и когда адмирала наконец-то вызволили, лицо у него было цвета ва-

рѣнного рака. Однако как только он узнал, что яхта его нашлась и стоит на якоре в бухте, он в мгновение ока утихомирился. А потом даже развеселился и принял деятельное участие в играх на берегу.

— Премного тебе благодарен, медведь, — пробасил он на обратном пути, протягивая Паддингтону руку. — Эх, мне бы в старые дни побольше таких молодцов в экипаже! Вот уж, что называется, утешил старика.

— На здоровье, мистер Гранди, — отозвался Паддингтон, протягивая в ответ лапу. Он так и не понял, почему все его благодарят, — он-то, наоборот, ожидал получить хорошую взбучку; однако он был из тех медведей, которые не задают лишних вопросов, если им вдруг улыбается судьба.

— Какао любишь? — вдруг ни с того ни с сего рявкнул адмирал.

У Паддингтона округлились глаза.

— Да, очень! — выпалил он.

Брауны переглянулись, недоумевая, как адмирал догадался.

— Поплаваешь по всем морям — узнаешь небось медвежьи повадки, — буркнул адмирал Гранди.

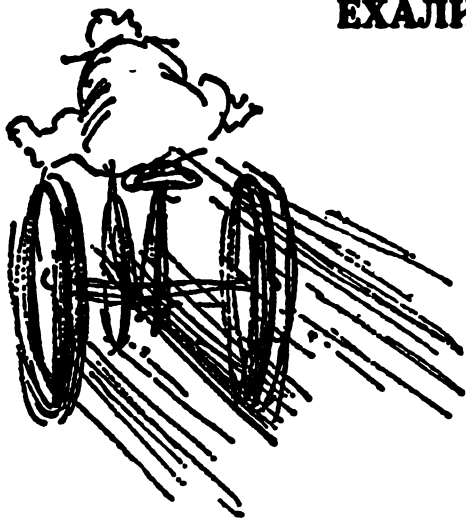
Они как раз входили в бухту. Адмирал прикрыл ладонью глаза: за крышами деревни сверкнуло последним лучом заходящее солнце.

— Небось настоящего корабельного какао вы ещё не пробовали, — заявил он. — Сам варю его

в ведре. Ну, как насчёт зайти ко мне в каюту и выпить по чашечке перед сном?

На это Брауны ответили дружным «ура!» и даже позволили Паддингтону поднять сразу обе лапы в знак согласия. Прогулка получилась на диво приятная и весёлая, и, хотя они не только не поймали, но даже и не увидели ни единой рыбёшки, в одном все были единодушны: завершить такой день надо чашкой настоящего корабельного какао — как и полагается истинным морякам.

Месье Дюпон поглядел на Паддингтона с удивлением.

— Вы хотите сказать, месье лё Медведь, что никогда не слышали про *бициклеты*? — воскликнул он.

— Никогда, месье Дюпон, — честно признался медвежонок.

— Пу-уф! — вскричал булочник, всплеснув руками. — Как это так — прожить всю жизнь и не увидеть ни одной велогонки! Впрочем, считайте, что вам повезло: та, которая завтра будет проходить через нашу деревню, самая знаменитая во всём мире!

Месье Дюпон сделал паузу, чтобы Паддингтон успел как следует осмыслить это сообщение.

— Называется она «Тур де Франс»*, — продолжал булочник со значительным видом. — Она продолжается целых двадцать дней, и посмотреть на неё собираются люди со всего света!

Паддингтон внимательно выслушал всё, что месье Дюпон рассказал про велогонку: что принимать в ней участие — огромная честь и что Сан-Кастили в этом году выпала очень важная роль: велосипедисты не просто проедут через деревню, но сделают по ней несколько кругов!

— Сперва вверх на холм, потом по улицам, а потом вниз с холма, — говорил месье Дюпон. — Так что все успеем насмотреться. Более того, — прибавил он веско, — тот, кто быстрее всех спустится с холма в деревню, получит от нас специальный приз. Вы только подумайте, месье лё Медведь!

Тут в булочную вошёл покупатель и отвлёк месье Дюпона, а Паддингтон, поблагодарив своего друга за интересный рассказ, выскочил на улицу и побежал на другую сторону площади, чтобы ещё раз посмотреть на плакат, который и вызвал его интерес к велосипедам.

На огромном листе бумаги, пришпиленном к стене одной из лавок, была изображена длин-

* «Тур де Франс» — это самая крупная и престижная велогонка в мире. Проводится она уже больше ста лет, с 1903 года. «Тур» означает, что гонка разбита на отдельные этапы, каждый этап гонщики проходят за один день. В «Тур де Франс» 21 этап, а вот общая длина гонки каждый год иная — от 3000 до 4000 километров. Победить в этой гонке — мечта каждого спортсмена-велосипедиста.

ная извилистая дорога, по которой сплошным потоком мчались велосипедисты. Все они были одеты в яркие цветные майки, низко пригибались к рулям и с превеликим усердием крутили педали. Похоже, ехали они уже давно, потому что вид у них был разгорячённый и усталый, а один гонщик даже подкреплялся на ходу бутербродом.

Бутерброд напомнил медвежонку, что уже самое время для «послезавтрака», но, прежде чем отправиться в гостиницу, где его ждала банка с мармеладом, Паддингтон ещё некоторое время повозился со своим разговорником, разбирая слова, напечатанные мелким шрифтом внизу плаката.

Паддингтону показалось очень занятным, что можно получить приз, просто-напросто скатившись быстрее всех с горки, и он уже в который раз пожалел, что поблизости нет мистера Крубера, который рассказал бы ему про велосипеды поподробнее.

С задумчивым выражением на мордочке Паддингтон вернулся к Браунам, которые пили кофе на тротуаре перед гостиницей; следующие четверть часа он был ужасно рассеян и несколько раз макал лапу в чашку с какао, перепутав её с банкой мармелада.

На пляж медвежонок в это утро явился с большим опозданием: остальные давно уже лежали на солнышке, когда он подошёл, размахивая ведёрком и лопаткой; у него был вид медведя, честно сделавшего своё дело.

— Чем это, интересно, ты занимался, Паддингтон? — принялась допытываться миссис Браун. — Мы уже начали волноваться!

— Так, ничем особенным, — ответил медвежонок, уклончиво махнув лапой в сторону деревни. — Ну, просто всем понемножку.

Миссис Бёрд бросила на него подозрительный взгляд. С близкого расстояния ей удалось разглядеть у него на носу несколько тёмных пятен, до странности напоминавших пятна машинного масла; однако рассмотреть их как следует она не успела, потому что Паддингтон убежал купаться.

— Главное, завтра не опоздай! — крикнул ему вдогонку мистер Браун. — Завтра большая велосипедная гонка. Она ждать не станет!

Ко всеобщему удивлению, слова мистера Брауна произвели на медвежонка очень странное впечатление: он чуть не шлёпнулся в песок от неожиданности, а на мордочке у него появилось ужасно виноватое выражение; поймав равновесие, он со всех лап бросился в воду, то и дело встревоженно оглядываясь через плечо.

Миссис Браун вздохнула.

— Иногда мне кажется, — сказала она, — что я всё бы отдала, лишь бы узнать, что у нашего мишутки на уме. Представляете, как это должно быть интересно!

— Гм-м... — мрачно проговорила миссис Бёрд, — а мне иногда кажется, что куда лучше этого не знать. Так оно как-то, знаете, спокойнее.

Сейчас, например, у него что-то очень уж довольный вид, и мне это совсем не нравится...

На этом разговор оборвался, и Брауны растянулись на песочке, подставив носы яркому солнцу. Отдых во Франции стремительно близился к концу, и всем хотелось позагорать вволю, поэтому про странное поведение медвежонка вскоре позабыли — до поры до времени.

Однако вечером, перед сном, у миссис Браун появились новые причины поволноваться. Паддингтон необычайно рано ушёл в свою комнату, и оттуда то и дело долетало какое-то бренчание, которое ей совсем не нравилось.

Наконец, не выдержав, миссис Браун прижалась ухом к стене, послушала и поманила мужа.

— По-моему, Генри, он мажет булку мармеладом, — определила она. — Послушай-ка.

— Мажет булку мармеладом? — удивился мистер Браун. — Как же можно *услышать*, как кто-то мажет булку мармеладом?

— Если это Паддингтон, то можно, — авторитетно разъяснила миссис Браун. — Он звенит ложкой в банке. Когда он ест, он просто окунает лапу в банку и слышно только пыхтение, но мажет он всегда ложкой, и кроме пыхтения слышно ещё и позвякивание.

— Старательно, должно быть, мажет, — туманно высказался мистер Браун, отходя от стены. — Вон как громко пыхтит. Ни дать ни взять велосипедный насос...

Мистера Брауна занимала совсем другая загадка, и ему было вовсе не до Паддингтоновой булки с мармеладом. Он только что обнаружил, что купальное полотенце, которое он повесил сушиться на балконе, таинственным образом исчезло, а на его месте появилась какая-то грязнущая, перепачканная маслом тряпка. История была в высшей степени непонятная, и мистер Браун всё ломал голову, кому это вздумалось шутить с ним такие шутки.

А Паддингтон, который понятия не имел, как горячо обсуждают за стеной его поведение, сидел на полу посреди своей комнаты; в одной лапе он держал кусок булки с мармеладом, а в другой здоровенный гаечный ключ.

Вокруг него громоздилось несколько картонных коробок, полных всяких железок и винтиков, большая маслѐнка, велосипедный насос и ещё какие-то замысловатые приспособления.

А прямо перед ним, начищенный так, что в его блестящей поверхности отражался чёрный Паддингтонов нос, стоял маленький трёхколѐсный велосипед; откусывая от ломтя булки с мармеладом огромные куски, Паддингтон в упоении созерцал плоды тяжких трудов целого вечера.

Впервые медвежонок заметил этот велосипед несколько дней назад; он стоял во дворике перед гаражом на другом конце деревни; впрочем, Паддингтон тут же и забыл про велосипед и вспом-

нил о нём снова, только когда месье Дюпон стал рассказывать про предстоящую гонку.

Владелец гаража был немало удивлён, когда Паддингтон вдруг появился к нему в гости, и поначалу ни за что не хотел давать свою машину напрокат медведю, тем более что у Паддингтона не оказалось никаких документов, не считая старых открыток от тёти Люси.

Однако Паддингтон умел добиваться своего, и, когда он пообещал отмыть и почистить велосипед, владелец наконец сдался и даже одолжил Паддингтону свою маслёнку, что оказалось весьма кстати, потому что велосипед не первый год стоял под открытым небом и успел порядком заржаветь.

По счастью, медвежонок обнаружил на балконе какую-то старую тряпку, которой счистил большую часть грязи, прежде чем приступить к самому главному — разборке и смазке.

Честно говоря, разобрать велосипед оказалось куда проще, чем собрать обратно, и, дожевав булку, Паддингтон вдруг заметил, что в коробках завалялось несколько деталей, которые так и негодились.

Ради завтрашней гонки медвежонок привязал к рулю английский флаг, а потом засунул оставшуюся булку с мармеладом в корзинку над передним колесом и, блестя глазами от нетерпения, взобрался в седло.

Ему давно уже хотелось попробовать новую игрушку в действии, но, когда наконец дошло до

дела, выяснилось, что велосипед вовсе не такая простая штука: задние лапы оказались коротковаты, и, сидя в седле, Паддингтон едва-едва доставал носочками до педалей.

А кроме того, непонятно почему, велосипед очень трудно оказалось останавливать, хотя медвежонок тянул и дёргал все рычаги и ручки подряд. Раза два он случайно врезался в шкаф, да и на обоях появилось несколько весьма неприглядных отпечатков шин. А потом, когда Паддингтон попытался объехать вокруг кровати, вдруг ни с того ни с сего слетела цепь, и он чуть было не кувырнулся через руль.

Сделав ещё несколько кругов по комнате, медвежонок повалился на бок и довольно долго лежал, утирая лоб старым носовым платком. Ездить на трёхколёсном велосипеде, да ещё по маленькой гостиничной комнатке, оказалось делом утомительным, так что, взглянув ещё разок на своё отражение на руле, Паддингтон — без особой, правда, охоты — отправился спать.

Но хотя он ужасно устал, заснуть ему в эту ночь удалось далеко не сразу. Во-первых, приходилось лежать на спине, задрав передние лапы в воздух — чтобы не перепачкать маслом простыню; а во-вторых, надо было очень и очень о многом подумать.

Когда же он в конце концов всё-таки задремал, на мордочке у него так и осталось очень довольное выражение. Вечер прошёл не без пользы, а следующий день сулил ещё больше интересного.

В глубине души Паддингтон был абсолютно уверен, что на таком чистеньком, блестящем велосипеде он без труда выиграет приз знаменитой велогонки «Тур де Франс».

На следующее утро Брауны проснулись раньше обычного — их разбудили шум и суета на площади перед гостиницей. Словно по волшебству, вернулись на улицы те же украшения, которые они видели во время «пардона», а кроме того, деревню наводнили деловитые, расторопные люди с повязками на рукавах.

Повсюду царило необычайное возбуждение, из громкоговорителя, установленного на грузовике, то и дело долетал бодрый голос, обращавшийся к зрителям, которые заполнили всё пространство вокруг площади и на склоне холма в дальнем конце деревни.

Брауны уговорились встретиться на балконе Паддингтоновой комнаты, откуда холм было видно лучше всего; однако, к их величайшему изумлению, самого Паддингтона в назначенный час в комнате не оказалось.

— Надеюсь, он скоро появится, — тревожилась миссис Браун. — То-то будет огорчение, если он пропустит самое интересное!

— И куда, скажите на милость, он запропастился? — недоумевал мистер Браун. — Я его с самого завтрака не видел!

— Гм-м... — высказалась миссис Бёрд, оглядывая комнату. — Сказала бы я вам куда...

От острых глаз миссис Бёрд не укрылись наскоро затёртые следы велосипедных шин на полу. Следы несколько раз огибали комнату, тянулись к дверям и уползали в направлении лестницы, которая вела к чёрному ходу.

Паддингтоново счастье, что миссис Бёрд не успела больше ничего сказать — её прервал взрыв аплодисментов, долетевший снизу, и Брауны, начисто позабыв о медвежонке, свесились с балкона, чтобы посмотреть, что происходит.

— Вот странно, — удивилась миссис Браун, когда аплодисменты стали ещё громче, а некоторые зрители даже закричали «Ура!». — Интересно, почему это они на нас показывают?

Удивлённые и озадаченные, Брауны принялись махать в ответ.

— И почему это они кричат «вив лё Медведь»?* — в свою очередь изумился мистер Браун. — Не может быть, чтобы это Паддингтону, — его же здесь просто нет!

— Ничего не понимаю, — созналась миссис Браун. — Ну ничего, поживём — увидим.

Знали бы Брауны, что не они одни лихорадочно пытаются понять, что же на самом деле происходит! Однако, на их счастье, между ними и виновником всеобщего возбуждения пролегало несколько улиц и стояло довольно много домов.

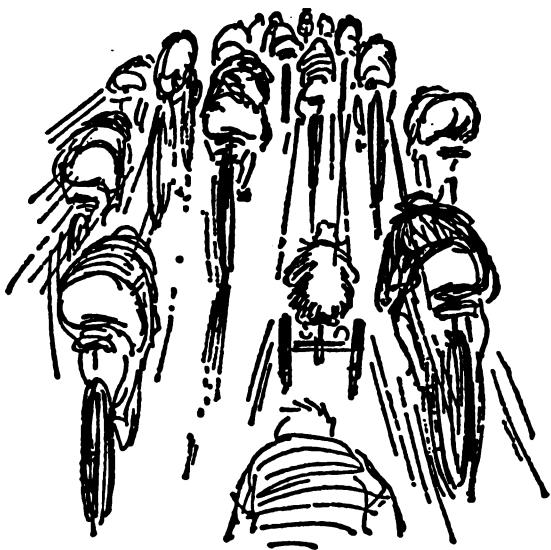
* «Вив лё Медведь» значит «да здравствует медведь».

На другом конце деревни Паддингтон не меньше Браунов недоумевал, что же с ним такое произошло. Но, надо сказать, чем усерднее он пытался это понять, тем сильнее запутывался. Ведь только что он сидел себе на своём велосипеде в узком переулке, время от времени выглядывая из-за угла и проверяя, не вывалилась ли из корзинки булка с мармеладом, и тихо-мирно поджидал появления гонщиков. Но едва первые велосипедисты пронесли мимо и он нажал на педали, чтобы рвануть вдогонку, всё сразу же пошло кувырком.

Не успел Паддингтон и глазом моргнуть, как его уже закрутило в водовороте мелькающих колёс, орущих людей, мечущихся полицейских и звенящих звонков.

Паддингтон приналёг на педали и несколько раз вежливо приподнял шляпу, приветствуя других гонщиков, но чем вежливее он себя вёл, тем отчаяннее вокруг вопили и махали, а идти на пятую и сворачивать в сторону было уже поздно.

Куда бы он ни посмотрел, всюду мелькали велосипеды и велосипедисты в коротких штанах и полосатых майках. Велосипеды были перед ним, велосипеды были справа, велосипеды были слева. Назад ему оглядываться было некогда — он только и успевал, что со всей мочи жать на педали, — но не оставалось никаких сомнений, что и там тоже сплошные велосипеды, потому что оттуда доносилось шумное дыхание и позвякивание звонков.

В неразберихе кто-то протянул медвежонку бутылку молока. Пытаясь схватить её одной лапой, а другой приподнять шляпу, Паддингтон выпустил руль, дважды объехал вокруг статуи, стоявшей посреди улицы, а потом снова влился в поток велосипедистов, которые как раз заворачивали за угол, к дороге, ведущей из деревни.

По счастью, дорога эта шла в гору, а гонщики изрядно устали после долгого пути, поэтому, привстав в седле и изо всех сил надавив на педали, медвежонок умудрился от них не отстать.

Но когда велосипедисты достигли вершины холма и, развернувшись, покатали обратно в деревню, дела у Паддингтона снова пошли наперекосяк. Только он устроился в седле и решил немного передохнуть и собраться с силами, как

выяснилось, что, хотя он больше и не нажимает на педали, колёса велосипеда крутятся всё быстрее и быстрее.

Едва успев махнуть лапой зрителям, Паддингтон поравнялся с велосипедистами, возглавлявшими гонку. Он обогнал одного, потом другого, а потом и всю группу лидеров. Гонщики вздрагивали, когда медвежонок проносился мимо, а зрители, толпившиеся вдоль дороги, голосили всё громче и громче. Многие узнавали медвежонка и принимались его подбадривать, но Паддингтону в кои-то веки раз было совсем не до того.

Он изо всей силы надавил на ручку тормоза, но от этого ничего не изменилось, разве что велосипед помчался ещё быстрее; медвежонок даже пожалел, что так тщательно смазал все спицы и втулки, когда чистил свою машину.

И вот педали закрутились так быстро, что Паддингтон испугался, как бы у него не оторвались лапы, и на всякий случай задрал их повыше.

А когда он попробовал посильнее нажать на тормозную ручку, на него обрушился ещё один неожиданный удар: ручка ни с того ни с сего отвалилась от руля и осталась у него в лапе. Паддингтон отчаянно замахал ею и зазвонил в звонок и тут же оставил за спиной последних (вернее, первых) участников гонки.

— Жмите на тормоз, месье лё Медведь! — крикнул по-английски кто-то из зрителей, разглядев английский флаг на руле.

— Я, кажется, не могу! — прокричал в ответ медвежонок, с ужасно расстроенным видом проносясь мимо. — У меня ручка тормоза случайно отвалилась, потому что я некоторые детали забыл в коробке в гостинице!

Припав к рулю своего велосипедика, Паддингтон как ветер летел под горку, прямо к деревенской площади.

Жители Сан-Кастили страшно переполошились, когда увидели, кто возглавляет «Тур де Франс», и воздух огласило громкое «Ура!»; но Паддингтон, который приподнял сползшую на глаза шляпу и беспокойно заозирался, сумел раз-

личить лишь море неясно белеющих лиц да размытые очертания каких-то строений впереди: эти очертания ему совсем не понравились, потому что были совсем близко.

Но ещё сильнее, чем незадачливый велосипедист, волновались Брауны.

— Батюшки мои! — ахнул мистер Браун. — Смотрите, Паддингтон!

— И едет прямиком в магазин месье Дюпона, — добавила миссис Браун.

— Не могу смотреть, — прошептала миссис Бёрд, закрывая глаза.

— Да почему же он не тормозит? — недоумевал мистер Браун.

— Полундра! — воскликнул Джонатан. — Как же ему тормозить, если у него ручка тормоза отвалилась!

Спас Паддингтона месье Дюпон. В самую последнюю секунду его голос загремел, перекрывая рёв толпы:

— Сюда, месье лё Медведь!

И он широко распахнул боковые ворота своего магазина.

— Сюда!

И вот на глазах у ошеломлённых зрителей медвежонок пулей влетел в распахнутые ворота и скрылся из виду.

Как только остальные гонщики благополучно миновали площадь, зрители рванулись к булочной и обступили её плотным кольцом. Браунам с трудом удалось пробиться поближе, как раз в ту секунду, когда толпа дружно ахнула, а из дверей показалась маленькая белая фигурка.

Паддингтон и сам перепугался, когда поймал свое отражение в витрине; ему пришлось несколько раз ущипнуть себя за лапу, чтобы убедиться, что это не сон. Только потом он вежливо приподнял шляпу, под которой обнаружилась коричневая макушка.

— Я не медведение, — пояснил он, когда смолкли приветственные крики. — Просто я случайно угодил в мешок с мукой!

Зрители ещё теснее обступили медвежонка и принялись наперебой жать ему лапу, и тут ме-

сье Дюпон, возвысив голос, очень торжественно проговорил:

— Мы, жители Сан-Кастили, надолго запомним день, когда «Тур де Франс» проходил через нашу деревню!

А вечером был весёлый праздник, и все громко зааплодировали, когда мэр объявил, что присуждает Паддингтону специальный приз, а в придачу к нему — столько сдобных булочек, сколько тот сможет съесть за один присест.

— Правда, нельзя сказать, что он быстрее всех проехал *через* деревню, — уточнил мэр под хохот и приветственные крики, — но с холма скатился как ветер, это уж точно. То, что приз достался жителю нашей деревни, — для нас особая честь!

Даже адмирал Гранди специально заявился в гостиницу, чтобы поздравить медвежонка с победой.

— Молодец, медведь! Не уронил флаг! — пробасил он одобрительно.

А вечером Паддингтон сидел в своей кроватке, со всех сторон обложенный сдобными булочками. Вид у него был очень довольный, хотя одна передняя лапа висела на перевязке, обе задние так и гудели от усталости, а в шкурке тут и там белела мука, хотя его несколько раз искупали в ванне.

Зато, как объяснил мэр, никогда ещё за всю историю «Тур де Франс» первый приз не доставался медведю, и Паддингтону было чем гордиться.

А на следующее утро Брауны опять встали очень рано, потому что им пора было отправляться в дальнюю дорогу — домой, в Англию. К их удивлению, несмотря на ранний час, почти все жители деревни оказались на ногах и пришли пожелать им доброго пути.

Последним прощался месье Дюпон, и вид у него при этом был ужасно грустный.

— Без вас тут будет слишком тихо, месье лё Медведь, — проговорил он, пожимая Паддингтонову лапу. — Но, может быть, мы ещё когда-нибудь и встретимся.

— Вот хорошо бы было! — от всей души сказал Паддингтон, помахал всем на прощание и полез в машину.

Честно говоря, ему уже хотелось поскорее вернуться домой и рассказать мистеру Круберу о своих приключениях за границей; но с другой стороны, жалко было расставаться с новыми друзьями, особенно с месье Дюпоном.

— Все́му хоро́шему рано или поздно приходит конец, — заметила миссис Браун по дороге. — И самому хоро́шему быстрее всего — или это только так кажется?..

— И вовсе в этом нет ничего плохого, — мудро рассудила миссис Бёрд. — Ведь если сегодня кончилось одно приключение, завтра обязательно начнётся другое!

Паддингтон, глядевший в окошко, согласно кивнул. Путешествие за границу ему ужасно понравилось; и все равно, как приятно вернуться домой — ведь и там ждут новые приключения!

— Вот почему так хорошо быть медведем, — добавила миссис Бёрд. — С медведями всё время что-нибудь приключается!

НЕОЖИДАННОЕ ТОРЖЕСТВО

По пути со второго на первый этаж дома номер тридцать два по улице Виндзорский Сад Паддингтон приостановился на ступеньках лестницы и понюхал утренний воздух. Спустя несколько минут, внимательно изучив через перила висевший на стене отрывной календарь, он отправился дальше с очень озадаченным выражением на мордочке.

В доме всё утро происходило что-то невероятно таинственное, и он никак не мог понять, что именно. Вот разве что миссис Бёрд в кои-то веки запуталась и оторвала от календаря лишний листок, но это на неё не похоже; или, может быть, это он проспал два или три дня кряду — а это ещё более сомнительно; но если нет, тогда получается, что сегодня должен быть четверг, а выглядит всё так, будто сегодня воскресенье.

Во-первых, со стороны кухни доносился явственный запах свежее испечённых булочек, и хотя миссис Бёрд и случалось иногда испечь что-нибудь на неделю, как правило, свежей выпечкой она всё же баловала их только по воскресеньям, да и вообще никогда не пекла булочки так рано утром.

Да и мистер Браун тоже вёл себя как-то странно. Мистер Браун работал в лондонском Сити, и распорядок у него по утрам был очень строгий. Завтрак подавали ровно в половине девятого, а перед завтраком, даже в самый проливной дождь и в самый жаркий зной, мистер Браун обязательно выходил в сад и осматривал свои клумбы.

В это же утро Паддингтон чуть не шлёпнулся на пол от удивления, когда раздвинул занавески в своей комнате и, выглянув в окно, увидел мистера Брауна в затрапезной рабочей одежде — он катил тачку по садовой дорожке.

— А я уж гадаю, скоро ли ты заявишься, — приветствовала его миссис Бёрд, когда он просунул голову в кухонную дверь, пытаясь разобратся, что там происходит. — От этого медведя ничего не утаишь!

Заглянуть в кухню Паддингтон так и не успел — миссис Бёрд захлопнула дверь и принялась накрывать ему завтрак.

— Только не ешь слишком много, — предупредила она. — У нас сегодня торжественный обед, еды там хватит на целый полк медведей!

— Торжественный обед? — воскликнул Паддингтон, удивившись ещё сильнее.

Паддингтон очень любил всякие праздники. С тех пор как он поселился у Браунов, они не раз уже праздновали Рождество и дни рождения, но такие вот неурочные торжества случались очень редко.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — загадочно ответила миссис Бёрд, когда Паддингтон спросил, по какому случаю торжество. — Торжество — и всё тут. И не вздумай перемазаться яичницей с ног до головы, ты должен выглядеть прилично. Мы пригласили мистера Крубера, и мистера Карри, и ещё целую кучу народу.

Паддингтон утащил тарелку яичницы с беконом в столовую и уселся там за стол с очень задумчивым выражением на мордочке. Чем больше он размышлял обо всех сегодняшних происшествиях, тем более таинственными они ему казались. А самым удивительным было то, что приглашение получил даже ближайший сосед Браунов, — из этого Паддингтон сделал вывод, что случай и правда особо торжественный. Надо сказать, мистер Карри довольно часто появлялся у Браунов на всяких праздниках, но обычно не потому, что его звали, а потому, что у него хватало нахальства явиться без всякого приглашения.

От Джонатана и Джуди тоже не удалось добиться толку. Пока Паддингтон завтракал, они

пришли в столовую пожелать ему доброго утра, но стоило ему спросить, что же такое в доме происходит, как оба исчезли.

— Сегодня у нас особое торжество, — пояснила, выходя, Джуди и ободряюще пожала ему лапу. — В твою честь. Не волнуйся, очень скоро ты всё узнаешь.

Даже мистер Крубер поспешил сменить тему, когда за «послезавтраком» медвежонок задал ему тот же вопрос.

— Сколько мне известно, вам готовят сюрприз, мистер Браун, — отговорился он. — А что же это за сюрприз, если всё заранее известно?

И, не дав медвежонку времени задать новый вопрос, мистер Крубер поспешно разломил булочку и протянул одну половинку Паддингтону, а сам скрылся в тёмной кладовке на задах своего магазинчика, чтобы сварить им утреннее какао.

Вернувшись, он принес поднос с чашками, а ещё — очень толстую книгу.

— Полагаю, мистер Браун, сегодня днём нас ждут всевозможные игры и развлечения, — сказал он, протягивая книгу. — Мне кажется, вам было бы полезно просмотреть это сочинение. Это сборник всяких фокусов и праздничных забав.

Паддингтон поблагодарил мистера Крубера и, допив какао, торопливо зашагал в сторону улицы Виндзорский Сад. Миссис Бёрд предупредила, что в связи с предстоящим торжеством придётся переделать множество дел, и он не хотел

опаздывать. А кроме того, на вид книжка мистера Крубера была ужасно интересной, и он решил, что перед обедом должен успеть освоить несколько фокусов.

Впрочем, когда он наконец добрался до дому, фокусы и забавы начисто вылетели у него из головы.

Пока он пил какао с мистером Крубером, все остальные трудились не покладая рук, и столовая полностью преобразилась. Обеденный стол раздвинули и покрыли белоснежной скатертью, но её почти не было видно под всевозможными угощениями. У Паддингтона чуть глаза не вылезли на лоб, с таким восторгом он тарасился на бесконечные вазочки и тарелочки с вареньем, фруктами, конфетами, на горы бутербродов и пирожных, не говоря уж о пирамидах из печенья и о морях джема и мармелада. А в центре стола, на самом почётном месте, стоял большой кремовый торт. Сверху на нём были выведены какие-то иностранные слова, вот только прочитать их Паддингтон не успел, потому что появилась миссис Бёрд и уволокла его в ванную.

— Ты должен будешь стоять у входной двери и встречать гостей, — предупредила она. — На празднике можешь хоть с ног до головы вымазаться мармеладом, но перед праздником изволь быть чистым.

Этим Паддингтону и пришлось удовольствоваться. Впрочем, чем меньше времени оставалось до праздника, тем сильнее становилось его

нетерпение. Брауны пригласили не только мистера Крубера и мистера Карри, но и многих торговцев с рынка Портобелло. Пусть Паддингтон и любил поторговаться, на рынке он пользовался всеобщей любовью, поэтому гостей собралось очень много, к началу торжества в столовой яблоку было негде упасть.

Когда гости наконец расселись вокруг стола, мистер Браун потребовал тишины.

— Как вы все знаете, — начал он, — сегодняшнее торжество устроено ради Паддингтона. Несколько позже я собираюсь сделать важное заявление, но сначала Паддингтон продемонстрирует вам исключительную ловкость лап и покажет несколько фокусов, которые разучил специально для такого случая.

Все захлопали, а Паддингтон вышел на коврик у камина и ещё раз сверился с книжкой про фокусы, которую подарил ему мистер Крубер. Была в ней одна глава, которая ему особенно понравилась. Называлась глава «Сто различных способов разорвать бумагу», и Паддингтону не терпелось попробовать хотя бы несколько из них.

— Люблю фокусы, в которых бумагу рвут, — заявил мистер Карри, когда Паддингтон объяснил, что собирается делать. — Надеюсь, у тебя они не какие-нибудь там пустяковые, медведь.

— Первый уж точно не пустяковый, — подтвердил Паддингтон. — Называется «Таинственное исчезновение фунтовой купюры».

— Да что ты говоришь! — воскликнул мистер Браун, которому явно стало не по себе. — А обязательно, чтобы это была фунтовая купюра? Может, и просто бумажка сойдет?

Паддингтон снова уставился в книжку.

— Там ничего не сказано про «просто бумажку», — сказал он с сомнением. — Но, наверное, мне хватит и десяти шиллингов.

— Я, к сожалению, оставил бумажник в другом костюме, — поспешно сообщил ему мистер Браун.

— А у меня одни монеты, — подхватил, поняв его намек, мистер Крубер.

Остальные друзья Паддингтона с рынка Портобелло тоже поспешно застегнули карманы на все пуговицы.

Все глаза обратились к мистеру Карри.

— Вы же сказали, что любите, когда бумагу рвут, — напомнил ему мистер Браун. — И кроме того, у Паддингтона сегодня праздник.

Мистер Карри запыхтел, вытащил из внутреннего кармана бумажник с надёжной застёжкой и нехотя раскрыл его.

— Надеюсь, ты, медведь, знаешь, что делаешь, — проворчал он, подавая Паддингтону купюру в десять шиллингов.

— Полундра! Я всё понял! — шепнул Джонатан, когда Паддингтон взял купюру в обе лапы, ещё раз сверился с книгой, сложил купюру пополам и разорвал.

Брауны в тревоге наблюдали, как медвежонок сложил купюру ещё раз, и теперь обрывки поле-

тели по всей комнате. Физиономия мистера Карри становилась все мрачнее и мрачнее.

Сделав небольшую паузу, Паддингтон снова заглянул в книгу, и тут настроение его явно переменялось. Только что он выглядел очень довольным, а тут усы вдруг совсем обвисли и выражение мордочки стало ужасно озабоченным.

— Ну и что теперь, медведь? — осведомился мистер Карри, когда Паддингтон подошёл к нему вплотную и стал пристально разглядывать его ухо.

— Боюсь, у меня фокус не совсем получился, мистер Карри, — удручённо сообщил медвежонок.

— Что?! — завопил мистер Карри, вскакивая на ноги. — Как это так, фокус не совсем получился?

— Мне полагалось бы вытащить купюру у вас из уха, — пояснил Паддингтон, и вид у него стал совсем несчастный.

— Ты проверь, может, она в другом ухе, — подбодрила его миссис Браун.

— Вряд ли, — покачал головой Паддингтон. — Я, видимо, случайно перевернул сразу две страницы и перепутал два фокуса. То, что я вам показал, называется «Вырезаем салфеточку».

— «Вырезаем салфеточку», — повторил мистер Карри негодующим голосом, когда Паддингтон развернул остатки его купюры и поднял на всеобщее обозрение. — Чтобы из моих десяти шиллингов медведи салфетки вырезали!..

— Ничего страшного, — успокоила его миссис Бёрд, нагибаясь и собирая обрывки. — Вы их склейте, может, в банке вам ещё обменяют на новую.

— Очень красиво получилось, — добавила Джуди.

Мистер Карри несколько раз фыркнул и отправил в рот очередное пирожное.

— Хватит с меня на сегодня фокусов с бумагой, — рассудил он.

Мистер Крубер деликатно кашлянул.

— Может, попробуете что-нибудь из другой главы, мистер Браун? — предложил он. — Там, в самом конце, есть очень интересные фокусы.

— Большое спасибо, мистер Крубер, — поблагодарил Паддингтон.

Не один мистер Карри был сыт по горло фокусами с бумагой. Рвать бумагу, особенно сложенные во много раз купюры, оказалось делом нелёгким, у него даже заныли передние лапы.

— Вот замечательный фокус! — возгласил он после паузы. — Называется «Снимаем с гостя жилет, не снимая пиджака».

— Судя по названию, это длинная история, — с сомнением проговорила миссис Браун. — Может, там есть что-нибудь покороче?

— Чушь! — отрезал мистер Карри, высовываясь из-за тарелки с бутербродами. — Это отличный фокус. Я его когда-то давно видел в цирке. И с удовольствием посмотрю ещё раз.

Мистер Браун и мистер Крубер переглянулись.

— Тогда, боюсь, придётся снимать ваш жилет, — предупредил мистер Браун. — Больше ни на ком нет жилетов.

У мистера Карри отвалилась челюсть.

— Что?! — взревел он. — Если вы думаете, что я позволю вашему медведю снять с меня жилет, вы...

Больше мистер Карри ничего не успел сказать, потому что голос его потонул в громком протестующем гуле.

— Вы же сказали, что с удовольствием посмотрите ещё раз, — напомнил торговец уценённой бакалеей. — Вот, у вас появилась прекрасная возможность.

Мистер Карри неуклюже поднялся со своего стула, встал на колени на коврик у камина и поднял руки над головой, а Паддингтон крепко ухватил его обеими лапами за шею.

— Ты, кажется, собирался снимать с меня жилет, медведь, — прохрипел мистер Карри, — а не душить меня воротником.

— Как бы то ни было, полдела сделано, — заметил мистер Браун, когда Паддингтон стащил жилет до подбородка и натянул мистеру Карри на голову. — А что дальше?

Паддингтон запустил лапу мистеру Карри в рукав и принялся шарить там.

— Я и сам толком не знаю, мистер Браун, — сознался он, пыхтя. — Я этот фокус первый раз делаю, а книгу мне отсюда не видно.

— О господи! — вздохнула миссис Браун, потому что раздался треск рвущейся ткани и

Паддингтон вытащил из рукава мистера Карри какой-то клок. — Похоже на кусок подкладки.

— Что?! — завопил мистер Карри, пытаясь разглядеть, что происходит. — Вы сказали — подкладки?

Мистер Браун взял книжку про фокусы и поправил очки.

— Давай-ка я тебе помогу, Паддингтон, — предложил он.

Через минуту он положил книжку обратно на ковер и тоже опустился на колени.

— Ты всё делаешь правильно, — подтвердил он, в свою очередь принимаясь шарить у мистера Карри в рукаве. — Там именно так и сказано — протащить жилет через рукав, правда, не сказано, как именно. Очень странно.

Мистер Крубер тоже опустился на ковер.

— Может, лучше наденем его обратно? — предложил он.

— Главное, сделайте что-нибудь поскорее, — посоветовала миссис Браун, потому что мистер Карри опять захрипел.

Мистер Крубер ещё раз внимательно прочёл инструкцию.

— Вот незадача! — воскликнул он. — Боюсь огорчить вас, мистер Браун, но тут, похоже, не хватает страницы.

Услышав это, мистер Карри выкатил глаза и издал громкое бульканье.

— Да что это такое! — рявкнул он, вскакивая на ноги. — Это просто неслыханно!

— Вот это вы зря сделали, — проговорил мистер Крубер с укором. — Вы свой пиджак порвали.

Мистер Карри, пританцовывая от ярости, разглядывал остатки своего парадного одеяния.

— Я порвал свой пиджак?! — взревел он. — Ну ничего себе! А чем этот ваш медведь всё время занимался, хотел бы я знать?

— Искал потерявшуюся страницу, мистер Карри, — объяснил Паддингтон. — Я, наверное, её вчера случайно использовал, когда учился делать фокусы с бумагой.

Мистер Браун поднял руку, призывая всех к молчанию. Физиономия мистера Карри несколько раз меняла цвет: с красного на багровый, а теперь обратно на красный, только куда ярче

прежнего, и было видно, что пора положить конец всей этой истории.

— Я не сомневаюсь, что миссис Бёрд потом починит ваш пиджак, — сказал он. — А сейчас, полагаю, пора перейти к тому, ради чего мы и собрались.

— Верно! Верно! — поддержали его.

Мистер Браун повернулся к Паддингтону.

— Знаешь, сколько времени ты уже живёшь в нашем доме? — спросил он.

— Нет, мистер Браун, — ответил Паддингтон, ужасно удивлённый этим вопросом. — Мне вообще кажется, что я жил тут всегда.

— Почти три года, — ответил сам себе мистер Браун. — А это не так мало, особенно если учесть, что сперва ты просто зашёл на чашку чая. Так вот, — продолжал он, когда стих громкий смех, — у нас для тебя сюрприз. На днях мы получили телеграмму из Дома для престарелых медведей в Лиме. Дело в том, что очень скоро тётя Люси будет праздновать свой сотый день рождения, и директор Дома считает, что на торжестве по этому поводу должны присутствовать все её родственники.

— Ничего себе, сто лет! — удивился Джонатан. — Вот это возраст!

— У медведей годы по-другому считают, — напомнила миссис Бёрд.

— Начнём с того, что у них по два дня рождения в году, — добавила Джуди.

— Как бы то ни было, Паддингтон, — продол-

жал мистер Браун, — не важно, сколько именно ей исполняется, главное, что она уже в очень преклонном возрасте и празднует очень почтенный юбилей, вот мы и подумали, не захочешь ли ты на него съездить?

-- Речь! — выкрикнул кто-то из дальнего конца комнаты.

Паддингтон замялся.

— А мне опять придётся плыть через океан в спасательной шлюпке и питаться мармеладом, как по дороге сюда? — спросил он.

— Нет, — успокоил его, среди всеобщего смеха, мистер Браун. — Я специально сходил в большую пароходную компанию, и они пообещали дать тебе отдельную каюту по специальным медвежьим расценкам, а в придачу стюарда*, который понимает в медведях и будет за тобой присматривать.

Паддингтон сел на стул и крепко задумался. Всё это случилось так неожиданно, что мысли у него совсем закрутились и запутались, и он даже не знал, что сказать и кого первым благодарить.

— А ничего и не надо говорить, — выручила его миссис Бёрд. — Лучше съешь вместо этого кусок торта. Я его специально испекла.

* Стюардом на корабле называют человека, который обслуживает пассажиров: приносит им еду, застилает постель, убирает каюту, оттирает пятна мармелада от стен... Разумеется, оттирать пятна приходится только тем стюардам, которые обслуживают медведей, но вообще стюард должен уметь всё.

— На нём написано: «Bon voyage»*, — пояснила Джуди. — Это значит: все мы желаем тебе счастливого пути.

— А ну-ка, — предложил торговец уценённой бакалеей, когда Паддингтон принялся разрезать торт, — крикнем-ка в его честь троекратное «Ура!».

Следующие несколько минут, пока Паддингтон раздавал всем тарелочки с тортом, в доме номер тридцать два по улице Виндзорский Сад дрожали все потолки и стены, причем было замечено, что даже мистер Карри кричит ничуть не тише других.

— Скучновато без тебя будет, медведь, — проговорил он хмуро, когда, выходя через некоторое время на улицу, задержался у дверей, чтобы позвать Паддингтону лапу. — И кто же, интересно, будет исполнять мои поручения?

— О господи, — вздохнула миссис Браун, когда гости понемногу разошлись и остался один только мистер Крубер. — Как вдруг тоскливо сделалось. Надеюсь, мы правильно поступили.

— Зато никаких больше мармеладных пятен на стенах, — попробовал пошутить мистер Браун, но шутка никого не развеселила. Паддингтон убежал к себе, а остальные уныло поплелись в гостиную.

* По-французски «Bon vuаяж!» означает «Счастливого пути!».

— Я пятна не стану смывать, — решительно заявила миссис Бёрд. — Никогда, ни за что на свете.

— Я думаю, вы приняли абсолютно правильное решение, — рассудительно произнёс мистер Крубер. — В конце концов, тётя Люси ведь вырастила и воспитала Паддингтона, и если бы она не отправила его в Англию, мы бы никогда с ним не познакомились.

— Я знаю, о чём ты думаешь, Мэри, — сказал мистер Браун, беря жену за руку. — Но если Паддингтон решит остаться в Перу, мы не имеем права его отговаривать.

Брауны примолкли. Когда из Перу пришла телеграмма, мысль отправить Паддингтона на родину на день рождения тёти Люси показалась им просто великолепной, но теперь, когда всё уже было решено, им вдруг сделалось невероятно грустно.

За годы, проведённые в их доме, Паддингтон стал неотъемлемой частью семьи, и представить жизнь без него было почти невозможно. При мысли, что они, чего доброго, никогда больше его не увидят, Брауны все ниже и ниже опускали головы.

Но вдруг тишину нарушил знакомый топоток лап по лестнице, а потом бухнула, открываясь, дверь гостиной и вошёл Паддингтон, волоча свой кожаный чемодан.

— Я уже собрался, — доложил он, — только мочалку не упаковал, на случай, если решу принять ванну перед дорогой.

— Уже собрался? — не поверила миссис Бёрд. — погоди, а все остальные твои вещи...

— Для них целый контейнер понадобится, — добавила Джуди.

Паддингтон страшно удивился.

— Я собираюсь взять только самые важные вещи, — пояснил он. — А остальные, если можно, оставлю здесь, для сохранности.

Брауны и мистер Крубер переглянулись.

— Паддингтон, — заговорила наконец миссис Браун, — подойди сюда и сядь. Может, ты и не очень складную речь произнёс на своём торжест-

ве, но сейчас сказал именно то, чего мы все от тебя и ждали. Ты, наверное, и сам не понимаешь, что значат для нас твои слова.

— Для меня они значат только одно, — заявила миссис Бёрд. — Я могу со спокойной совестью смыть со стен все мармеладные пятна. Ведь нам же, в конце концов, понадобится место для новых, когда Паддингтон вернётся. Это самое главное.

Все с энтузиазмом поддержали миссис Бёрд, причем громче всех звучал голос медвежонка.

А потом он уселся в своё кресло, и на мордочке у него появилось очень довольное выражение. Да, будет ужасно здорово снова увидеть тётю Люси, и всё-таки он уже думал о том, как замечательно будет вернуться потом сюда. А ещё у него не было никаких сомнений, что по дороге в Перу и обратно он соберёт целую коллекцию самых необычайных пятен.

ПРИВИДЕНИЯ НА ПАЛУБЕ

Паддингтон вздрогнул, проснулся и несколько раз моргнул, чтобы глаза привыкли к вечернему свету, а потом с озадаченным видом осмотрел палубу теплохода «Карения».

Не знай он, что это совершенно невозможно, потому что судно по-прежнему было в двух днях пути от Англии, а от дома тридцать два по улице Виндзорский Сад в Лондоне и ещё намного дальше, он готов был поклясться, что его только что окликнули по имени, причём довольно громко, и окликал не только голос мистера Брауна, но и голоса всех остальных — миссис Браун, Джонатана и Джуди, не говоря уж о миссис Бёрд.

Вообще-то Паддингтон любил смотреть сны. Иногда во сне показывали ужасно интересные вещи, особенно после плотного ужина, пригото-

ленного миссис Бёрд. Но теперь, оглядывая пустынную палубу огромного теплохода, он пришёл к выводу, что этот сон как-то уж слишком подозрительно похож на реальность.

Был тот предвечерний час, когда лучи заходящего солнца придают теням разные причудливые формы, и поскольку почти все остальные пассажиры ещё сидели за ужином и поблизости не было даже ни одного дружелюбного стюарда в форменной белой куртке, Паддингтон пожалел, что съел целых две порции сдобного пудинга, который шеф-повар приготовил специально для него в этот вечер.

Быстренько обмакнув переднюю лапу в стоявшую рядом банку с мармеладом, Паддингтон плотнее натянул на голову капюшон своего пальтишка, поудобнее устроился на раскладном стуле и пододвинул поближе большую жестянку с надписью: «Печенье с маком. Собственность П. Брауна, эсквайра. Ручная кладь».

Паддингтон любил печенье с маком, особенно то, где сверху ещё толстый слой мармеладных корочек, и вскоре тихий ночной воздух огласило негромкое размеренное чавканье.

Путешествие в Дремучее Перу, в Дом для престарелых медведей в Лиме, для участия в торжествах по поводу дня рождения тёти Люси было долгим и интересным, и все же теперь, когда оно уже совсем подходило к концу, Паддингтон всё с большим нетерпением ждал, когда же снова увидит всех своих старых друзей; немного подумав,

он решил, что именно этим и навеян его удивительно яркий сон.

Постепенно сочетание обильного и очень вкусного ужина, морского воздуха и мерного гудения машин далеко внизу оказало на него успокаивающее действие. Через некоторое время он уже снова сладко спал и не проснулся даже тогда, когда одно печенье выпало у него из лапы и покатилося по палубе к борту.

Паддингтон так и не понял, когда это случилось и как долго продолжалось, но вдруг, ни с того ни с сего он обнаружил, что ему снова снится сон, и, что самое удивительное, это ещё один сон про Браунов.

Причём этот сон был похож на правду ещё сильнее, чем предыдущий.

Начинался сон с того, что он уронил ещё одно печенье, причём уронил на самой вершине крутого холма неподалёку от улицы Виндзорский Сад. Вместо того чтобы надломиться или просто упасть, печенье встало на ребро и покатилося за ним вдогонку. Хуже того, с каждой секундой оно становилось всё больше и больше, и чем больше оно становилось, тем быстрее катилось, и вот уже Паддингтон улепётывал от него по улице Портобелло со всех лап, лавируя между киосками и лотками торговцев.

И всё это время он отчётливо слышал, как Брауны окликают его по имени, хотя видеть их и не мог.

А потом случилось самое худшее. Только что он бежал по улице, пыхтя и тревожно оглядываясь через плечо на преследовавшее его печенье, а тут на пути ему будто бы встретилась широченная лужа варенья. Чем отчаяннее он пытался шевелить лапами, тем безнадежнее они застревали, и вот наконец он, вздрогнув, проснулся и обнаружил, что сидит на палубе, окутанный и опутанный своим пальтишком.

Паддингтон не без труда высвободился, и оказалось, что, во-первых, лапа у него застряла в банке с мармеладом, а во-вторых, что он, брыкаясь во сне, опрокинул жестянку и почти всё печенье рассыпалось по палубе.

Жестянка была большая, её подарила ему на прощание тётя Люси, перед самым его отъездом обратно в Англию. Несмотря на то что ему не раз и не два пришлось запускать в неё лапу, в жестянке ещё оставалось несколько слоев, и

Паддингтон очень хотел, чтобы хватило до конца путешествия, так что следующие несколько минут он провёл, подбирая печенье с палубы.

И вот, подобрав последнее, он вдруг замер на месте и вылупил глаза, потому что в тени на самой корме замаячили пять очень знакомых силуэтов.

Он и глазом моргнуть не успел, как все пятеро отчаянно замахали руками и принялись выкрикивать его имя, подходя при этом всё ближе и ближе.

Ущипнув себя несколько раз, чтобы убедиться, что это не сон, Паддингтон отчаянно заозирался в поисках какого-нибудь укрытия, а потом, одной лапой поспешно запихав остатки печенья назад в жестянку, другой нахлобучил на неё крышку и, открыв ближайшую дверь, со всех лап припустил прочь.

Через несколько секунд он выскочил на палубу с противоположной стороны, ещё раз огляделся на случай, если его по-прежнему преследуют, а потом остановился ещё перед одной дверью, на которой был нарисован красный крест и крупными красными буквами написано: «Судовой врач».

Паддингтон был медведь не робкого десятка, и, когда случалось что-нибудь необычное, он, как правило, пытался разобраться без посторонней помощи, однако то, что произошло за последние несколько минут, выглядело слишком уж странным и загадочным, и он решил, что одна голова хорошо, а две лучше.

Судовой врач страшно удивился, когда дверь его кабинета отворилась и вошёл Паддингтон.

— Вы по предварительной записи, медведь? — осведомился он неприветливо.

Паддингтон поставил на пол свои вещички и, прижав лапу к губам, нагнулся, чтобы запереть дверь. Нельзя сказать, чтобы он выглядел смертельно бледным — под мехом этого все равно не видно, — однако что-то было такое в его позе и в кончике его носа, что заставило врача вскочить со стула.

— Господи помилуй! — воскликнул он. — У вас, любезный, такой вид, будто за вами черти гнались!

Паддингтон подошёл к докторскому столу и рухнул в стоявшее возле него кресло.

— Гнались, — подтвердил он зловещим голосом, боязливо оглядываясь через плечо. — Только не черти.

Врач снова сел и бросил на Паддингтона нерешительный взгляд.

— Можно подумать, — начал он, переходя на профессиональный тон, — что вам что-то привиделось.

— Мне привиделись привидения! — сообщил

Паддингтон, которому теперь, в безопасности хорошо освещённой каюты, стало не так страшно. — Целых пять!

— Пять? — повторил врач. — Надо же. Ну-ка расскажите мне поподробнее.

— Ну, — начал Паддингтон, набрав в грудь побольше воздуха, — началось всё с того, что меня чуть не задавило печенье с маком.

— Вас чуть не задавило — что? — удивлённо переспросил врач.

— Печенье с маком, — терпеливо объяснил Паддингтон.

Доктор не то нервно хихикнул, не то взвизгнул.

— А вы уверены, что оно было не с изюмом и не с орешками? — уточнил он.

Паддингтон пронзил его суровым взглядом.

— Оно было с маком, — сказал он твёрдо и поднял повыше жестянку. — Вот, на этикетке написано. Мне его тётя Люси подарила. Печенье выпало из коробки и катилось за мной по всей улице Портобелло.

Врач посмотрел сначала на Паддингтона, а потом на входную дверь, словно прикидывая расстояние до неё. Хотя за время путешествия они несколько раз встречались в коридорах, разговаривать им привелось впервые, и под пристальным Паддингтоновым взглядом врачу стало очень и очень не по себе.

— Так, значит, за вами по всей улице Портобелло катилось печенье с маком? — уточнил он с деланой небрежностью.

— Вот именно, — подтвердил Паддингтон, довольный, что хотя бы в это удалось внести ясность. — Оно было совсем маленькое, но потом вдруг стало расти. А под конец у меня лапы перестали двигаться.

— Перестали двигаться лапы, — повторил врач, строча в блокноте.

— Было такое чувство, что на них свинцовые гири, — продолжал Паддингтон.

— Свинцовые... гири... — откликнулся врач, продолжая писать. — Отлично. Придется провести сеанс терапии.

— Да нет, спасибо, с лапами всё в порядке, — бодро сказал Паддингтон. — Уже прошло. Они не двигались, потому что я случайно вступил в банку с мармеладом. И лапа в ней застряла.

Корабельный врач снял очки, подышал на них и уставился сначала на Паддингтоновы вытянутые лапы, а потом на свой натёртый до блеска пол, на котором там, где прошёл медвежонок, прилипло несколько мармеладных корочек.

— А потом с вами ещё что-то случилось? — спросил он недовольным тоном.

Паддингтон кивнул.

— Потом оказалось, что на палубе все как один Брауны! — возвестил он торжественно.

— Все как один вруны? — с трудом выговорил врач, уверенный, что ослышался. — Так, может, и вы тоже... один из них?

Паддингтон бросил на него ещё более суровый взгляд.

— Я же настоящий, а они нет, — сказал от твёрдо. — И миссис Бёрд тоже была с ними. Я ещё подумал сначала: а вдруг она принесла мне чайку́...

— Принесла вам ча́йку? — вконец запутался врач. — Так, может, это и была чайка, а не миссис Бёрд? Ну, осталась на борту после последней стоянки, а вам невесть что привиделось...

— Это была миссис Бёрд! — возмущённо воскликнул медвежонок. — Я бы её с чайкой ни за что на свете не перепутал. Понимаете, я сидел на палубе...

— А! — Физиономия врача просветлела, как по волшебству. — Вы сидели на палубе, я правильно понял?

— Да, — подтвердил Паддингтон. — Я немножко задремал после ужина. А потом увидел сон, только это был не совсем сон.

— Весь день сидели? — уточнил врач. — И на солнце?

— Ну, я действительно утром часик позагорал, после того как сходил за булочками в пекарню, — признался медвежонок. — И потом днём ещё немножко.

— У вас, медведь, солнечный удар и от него галлюцинации, — решительно заявил врач, очень довольный, что наконец-то во всем разобрался. — В моей практике такое случалось. Стоит перегреться, и начинаешь воображать себе невесть что. Правда, должен сказать, что ни за одним моим пациентом никогда ещё не гонялось печенье с маком.

Он открыл ящик стола и вытащил оттуда пузырёк.

— Вам, друг мой косолапый, необходимо отдохнуть и как следует выпаться. Я вам дам таблетки, которые помогают заснуть.

Пока доктор говорил, мордочка у Паддингтона всё больше вытягивалась и на слове «заснуть» вытянулась окончательно. Он и так уже выпался от души, несмотря ни на какие галлюцинации.

— Но я действительно видел Браунов! — протянул он с расстроенным видом. — И никакой это был не сон, потому что я себя ущипнул. А их тут никак не может быть, потому что они в Лондоне. Выходит, это были привидения.

— Вздор! — отрезал врач. — Привидений не бывает...

Тут он осекся, на лице у него появилось очень странное выражение, а взглядом он уперся во что-то у Паддингтона за правым плечом.

Потом он ахнул, ещё раз протёр очки и судорожно схватился за край стола.

— А... сколько, говорите, вы видели привидений?

— Пять, — ответил Паддингтон, проглядывая свой список.

Пока Паддингтон зачитывал одно имя за другим, физиономия врача становилась всё бледнее и бледнее, и когда медвежонок дошёл до миссис Бёрд, на ней вообще не осталось никаких красок.

— Вы ведь заперли дверь, когда вошли сюда? — спросил он, стараясь казаться спокойным.

— Кажется, да, — отозвался медвежонок, которого в свою очередь встревожило выражение лица его собеседника. — Лапами запирать не очень просто, но...

Паддингтон обернулся и чуть не свалился со стула от удивления. Прямо перед собой, в огромном иллюминаторе рядом с дверью, он увидел пять знакомых физиономий. Не только мистера Брауна, лицо которого плотно прижалось к стеклу и стало похожим на блин, но и миссис Браун, Джонатана, Джуди и, конечно же, миссис Бёрд.

Доктор дотянулся до телефона и снял трубку.

— Соедините меня с начальником охраны, — рявкнул он. — И пусть поторопится. У меня тут в иллюминаторе что-то потустороннее. Спокойно, медведь, — добавил он бодро. — Бояться нечего.

Он со стуком опустил трубку на место, снова повернулся к Паддингтону — и лишился дара речи.

Он собирался объяснить медвежонку, что помощь уже близко, однако обнаружил, что тот лежит в кресле с отсутствующим выражением на мордочке, задрав все лапы в воздух, и, судя по всему, уж ему-то точно всё равно, что происходит снаружи.

Миссис Браун протёрла Паддингтону лоб одеколоном — он наконец сел в кровати и обвёл взглядом каюту.

— Слава богу! — воскликнула она. — А мы уж думали, ты никогда не придёшь в себя!

— Стоило тебе нас увидеть, как ты снова падал в обморок, — пояснила Джуди. — Мы уж совсем разволновались.

Паддингтон по-прежнему не верил своим глазам и на всякий случай протёр их лапой.

— Я думал, что вижу вас только потому, что меня солнце ударило по голове, — объяснил он.

Миссис Браун повернулась к мужу.

— Это ты во всём виноват, Генри, — сказала она. — Надо было нам пойти к директору круиза, как я и предлагала, и ничего бы этого не было.

— Я думал, получится сюрприз, — начал оправдываться мистер Браун. — Откуда мне было знать, что Паддингтон примет нас за привидения?

Судя по всему, мистеру Брауну уже крепко досталось. Это ведь была его идея — вернуться домой с летнего отдыха на Паддингтоновом теплоходе, присоединившись к круизу за два дня до того, как он завершится.

Поначалу идея казалась просто отличной, и, взойдя на борт в последнем порту перед Лондоном, все Брауны предвкушали не только удовольствие от плавания, но и то, как удивится медвежонок, когда их увидит. Они и предположить не могли, что онотреагирует таким вот образом, а попало, разумеется, мистеру Брауну.

— Ну, — сказала миссис Бёрд, — если бы я думала, что кто-то находится за много сотен миль

от меня, а потом столкнулась бы с ним нос к носу посреди океана, я бы тоже, наверное, переполюшилась.

— Да мы ещё и появились поздно вечером, — добавила Джуди. — Тут любой напугается.

— Кстати, Паддингтон не единственный, кого мы вывели из равновесия, — вклинился Джонатан. — Корабельному врачу всё это тоже не очень понравилось.

— Я не раз слышала, что моряки — народ суеверный, — сказала миссис Браун, наблюдая, как её муж уплетает булку с мармеладом — рядом с кроватью медвежонка стояла полная тарелка, — но уж ты совсем не похож на привидение, Генри.

— Доктор тоже перестал так думать, когда немножко собрался с мыслями, — сказала Джуди. — И очень рассердился.

Загремел дружный смех, но его оборвал стук в дверь каюты.

— Это, наверное, моё какао, — с важным видом пояснил Паддингтон. — Стюард каждый вечер приносит мне его перед сном.

Брауны переглянулись. Тут дверь отворилась... и вошёл стюард в белой куртке, неся на подносе большой кувшин, от которого шёл пар.

— Вот это я понимаю! — воскликнул мистер Браун. — Знаете, мне кажется, нам здесь будет очень хорошо. Что может быть лучше: днём — солнечные ванны и всякие развлечения на палубе. А перед самым сном, на закуску, — чашка

медвежьего какао. Такой жизни любое привидение позавидует!

Паддингтон радостно кивнул, а стюард тем временем расставил чашки и принялся их наполнять. Медвежонок вообще очень любил какао, особенно корабельное какао, у которого был свой, особый вкус, а теперь, когда проблема с привидениями благополучно разрешилась, ему страшно хотелось выпить чашечку — и отпраздновать тем самым неожиданно раннюю встречу с Браунами.

Он посмотрел на кувшин, окутанный густым паром.

— Лучше, по-моему, может быть только одно, мистер Браун, — заявил он. — Две чашки какао!

И все с ним согласились.

Мистер Браун обвёл взглядом широкую палубу «Карении», и на лице его появилось озадаченное выражение.

— Вы обратили внимание, что творится с Паддингтоном? — спросил он. — Он как-то странно себя ведёт.

Остальные Брауны проследили за направлением его взгляда и как раз успели заметить на некотором расстоянии знакомую фигурку, которая появилась из-за спасательной шлюпки, застыла, уставившись в небо с каким-то очень странным выражением, а потом опять зашагала к поручням.

— За обедом всё с ним было в порядке, — сказала миссис Браун. — Надеюсь, он ничего такого не съел.

— Может, ему чего в глаз попало, — предположила миссис Бёрд, когда Паддингтон сделал шаг

назад и чуть не свалился, пытаясь подальше закинуть голову и получше разглядеть небо.

— А до этого он стучал по барометру перед каютой директора круиза, — припомнил Джонатан. — Я даже испугался, что он этот несчастный барометр ломает.

— А к иллюминатору у него водоросли прицеплены, — добавила Джуди.

— По-моему, это как-то связано с погодой, — заключил мистер Браун, снова утыкаясь в корабельную газету. — Может, он решил, что скоро будет шторм?

— Полундра! Этого не хватало! — воскликнул Джонатан. — Тогда ведь вечерний праздник отменят.

— Вот именно, — кивнул мистер Браун. — И уж если кто тогда расстроится, так это Паддингтон. Поэтому, наверное, он и волнуется.

Объяснение мистера Брауна было принято, и все вернулись к своим делам. Утро они провели, обследуя огромный теплоход, и теперь всем хотелось передохнуть. Путешествовать на океанском лайнере было очень интересно, казалось, будто вы живёте в небольшом плавучем городе. Экскурсию по этому городу проводил Паддингтон, и под конец все выбились из сил.

За долгое путешествие он познакомился практически со всеми членами команды, так что после похода по магазинам, визита в бассейн, спортивный зал и разные рестораны Браунам ещё показали специальный отсек, где путешествовали

домашние животные, пекарню, машинное отделение и ещё множество всяких мест, куда обычно не пускают посторонних.

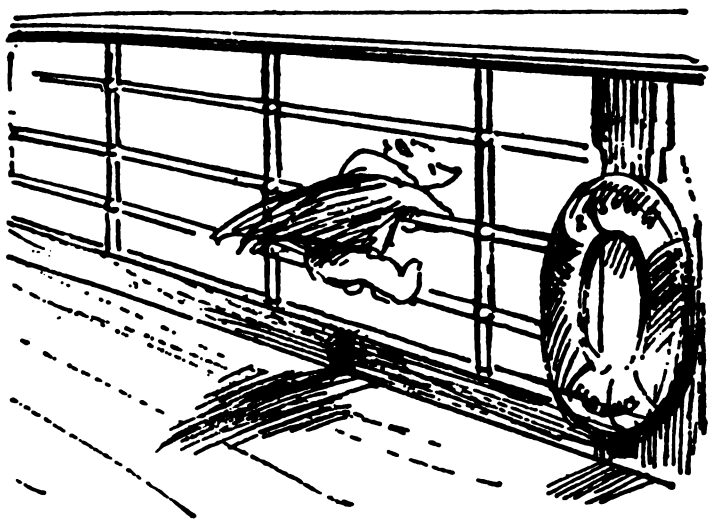
Надо сказать, миссис Бёрд объяснение, предложенное мистером Брауном, не вполне устроило, но она мудро решила не напоминать, что, насколько ей известно, Паддингтон даже не догадывается о сегодняшнем празднике, а уж тем более о том, что и он туда приглашён тоже. Уж она-то знала по прежнему опыту: что бы ни было у Паддингтона на уме, торопить события бессмысленно, в своё время всё и так выяснится.

А Паддингтон, и не подозревавший, какой к нему проявляют интерес, опустил лапу в стоявшую рядом кружку с какао, потом поднял лапу повыше, чтобы определить, откуда ветер дует, а после этого озабоченно устоялся через борт на голубую воду за кормой.

В целом, решил он, море могло бы быть и не таким спокойным.

Не то чтобы он особо любил волны. За время плавания «Карения» несколько раз попадала в шторм, что всякий раз вызывало сильное расстройство, и не только желудка, потому что ведь приходилось пропускать завтрак, обед или ужин. А вот сейчас он, единственный из сотен пассажиров огромного лайнера, надеялся накликать не то чтобы шторм, но хотя бы сильную волну, чтобы судно сбавило скорость.

Дело было куда как важное — речь шла о судовом конкурсе.

Каждый день на протяжении всего путешествия корабельный затейник проводил такой конкурс: пассажирам предлагалось заранее сказать, сколько миль судно пройдёт за следующие двадцать четыре часа. При этом требовалось заплатить десять пенсов, а тот, чья догадка оказывалась ближе всего к истине, получал все деньги в качестве приза.

За время пути Паддингтон несколько раз участвовал «для тренировки», не делая взноса, но в это утро он наконец, после длительных раздумий, потратил последние свои десять пенсов на билетик.

В надежде, что случится что-нибудь неожиданное и «Карении» придётся замедлить ход, прежде чем она придёт в Лондон, он назвал расстояние куда короче, чем все остальные участники.

Впрочем, теперь, повнимательнее ознакомившись с прогнозом погоды, он уже сожалел, что так поторопился, потому что на небе, насколько хватало глаз, не было ни облачка. Море лежало гладкое, как полотно, и казалось, судно движется даже быстрее, чем обычно.

Паддингтон отвернулся от поручней, тяжело вздохнул и побрёл по палубе к Браунам.

Он был из тех медведей, которые всегда надеются на лучшее, и, несмотря на штиль, все ещё твёрдо верил, что до утра случится что-нибудь такое, что заставит судно притормозить. Проиграть десять пенсов неприятно и в лучшие времена, а когда речь идёт о ваших последних десяти пенсах, это в десять раз неприятнее. Он уже прикидывал, не пойти ли к затейнику и не попробовать ли получить деньги обратно, но тут его отвлёк мистер Браун, сообщивший о сегодняшнем празднике.

Паддингтон очень любил праздники, особенно неожиданные, а когда он узнал, что сегодняшний называется «бал-маскарад» и все должны приходить в костюмах, он так разволновался, что напрочь позабыл про конкурс.

— Я, мистер Браун, ещё никогда не был на корабельном маскараде, — пояснил он.

— Я, если подумать, тоже, — сказал мистер Браун. — Так что мне тоже очень интересно.

— Распорядителем на балу будет Барри Бард, — сообщил Джонатан. — Ну, тот самый, которого мы по телевизору видели.

— Он вытаскивает у людей вещи из карманов так, что они ничего не замечают, — вспомнила Джуди.

— И ещё он гипнотизёр, — добавил Джонатан. Мистер Браун поспешно встал.

— Пойдёмте скорее в корабельную гардеробную и запасёмся костюмами, — предложил он. — А то вдруг нам не достанется, вот расстройство-то выйдет!

— Я чур буду Робинот Гудом! — воскликнул Джонатан.

— А мне, пожалуй, подойдёт Марк Антоний*, — задумчиво проговорил мистер Браун. — А тебе, Паддингтон?

Но Паддингтон уже был на другом конце палубы. Не так уж часто ему доводилось надевать маскарадный костюм, а тут речь шла о корабельном маскараде, да ещё со всякими развлечениями, так что он не собирался рисковать и хотел быть в очереди первым.

Не один Паддингтон с нетерпением предвкушал вечерний праздник. Когда день начал клониться к вечеру, судно украсили флажки и шары, а перед началом маскарада на палубах стали появляться очень странные фигуры; всюду царил необычайное оживление.

— Паддингтон мог бы просто одеться самим собой, — заметил мистер Браун, пока они

* Марк Антоний (ок. 83—30) был римским полководцем и сторонником Юлия Цезаря. Если хотите знать о нём больше, читайте «римские» трагедии Уильяма Шекспира.

дожидались медвежонка у входа в танцевальную залу. — Я уже насчитал шестерых медведей.

— Господи помилуй! — ахнула миссис Бёрд. — Это там, надеюсь, не он?

И она указала зонтиком на приближающуюся фигурку в костюме, который, судя по всему, состоял из огромной манишки и куска белого картона.

— Паддингтон, уж точно, — подтвердила Джу-ди. — Вон на нём его шляпа.

— По-моему, она не очень подходит к вечернему туалету, — высказалась миссис Браун. — Он в ней похож на подвыпившего пингвина.

— Я не пингвин! — воскликнул Паддингтон, который расслышал последние слова и, похоже, сильно расстроился. — Я красавчик Брюммель*, знаменитый денди.

— Красавчик Брюммель! — повторил Джона-тан. — А я думал, он умер задолго до того, как изобрели вечерние костюмы.

— По-моему, больше похоже на теплицу, — прокомментировал мистер Браун, рассматривая белую рубашку.

* Красавчик Брюммель — довольно известный персонаж английской истории, хотя, надо сказать, ничего исторического он не совершил. Звали его на самом деле Джордж Брайан Брюммель, жил он на рубеже XVIII и XIX веков и не только сам любил красиво и модно одеваться, но и других убеждал, что изысканная одежда уместна не только для женщин, но и для мужчин. Говорят, именно его первым и называли «денди» — то есть щёголем, модником. С тех пор имя его стало нарицательным, когда речь идёт о хорошо одетом мужчине, — ну и конечно, очень многие наряжаются Брюммелями на маскарад.

Паддингтон слушал, и вид у него делался всё более обескураженный.

— Я когда пришёл, уже почти не осталось костюмов моего размера, — пояснил он, уставив на мистера Брауна суровый взгляд.

— Ну, я уверен, что у этого как-его-там сорочка не была заляпана мармеладом, — попытался отговориться мистер Браун, чувствуя, как жена пихает его локтем в бок.

— Это не мармелад, мистер Браун, — пояснил Паддингтон. — Это клей.

— Клей? — повторил мистер Браун. — Как же ты умудрился заляпать сорочку клеем?

— У меня вышла неприятность с манишкой, — пояснил Паддингтон. — С ней не так-то легко управиться, если у вас лапы, она всё задиралась

кверху, вот я и попросил у плотников специального клея.

Брауны переглянулись.

— Ну, в приглашении же сказано: приходите, в чём хотите, — нашёл выход мистер Браун.

— Вот именно, — подтвердила миссис Бёрд, входя вслед за мистером Брауном в залу. — И потом, никто из присутствующих отродясь не видел этого Брюммея живьём, так что не им судить.

— Ты, Паддингтон, выглядишь на все сто, — подбодрила Джуди, пожимая медвежонку лапу, — они уже шли через залу по направлению к оркестру.

Паддингтон очень любил оркестры, особенно те, которые играют громко, а судовой оркестр, хотя и небольшой, в этом смысле не подкачал, тем более что некоторые музыканты играли сразу на нескольких инструментах.

Когда отзвучала первая мелодия, Паддингтон похлопал вместе со всеми остальными, а потом уселся на своё место. Дирижёр, несколько раз поклонившись зрителям, поднял палочку и сделал знак духовым инструментам. Зазвучали фанфары, возглашая выход Бравого Барри Барда, Распорядителя Бала.

— Что-нибудь случилось, Паддингтон? — поинтересовалась миссис Браун, заметив, что медвежонок с интересом разглядывает свои лапы.

— Нет, ничего, спасибо, миссис Браун, — отозвался Паддингтон не очень уверенно. — Просто мне как-то очень странно хлопается.

Миссис Браун открыла было рот, но тут аплодисменты смолкли, и она предпочла промолчать. Бывают вещи, о которых лучше не дознаваться, особенно если речь идёт о Паддингтоне.

Бравый Барри Бард взобрался на маленькую сцену, ухватился за микрофон, как за канат, и раз-улыбался зрителям.

— Привет, привет, привет! — загремел он. — Ну, как вы там, морские волки?

— Отлично, спасибо, мистер Бард! — откликнулся Паддингтон со своего места в первом ряду, вежливо приподняв шляпу.

Барри Бард слегка опешил, словно не ожидал ответа на свой вопрос.

— Я понял, откуда ветер дует! — заявил он, оглядывая Паддингтонов костюм. — Ты это надел для смеха! — С этими словами он ткнул пальцем в сторону медвежонка и добавил: — С мсха мно-го смеха!

Зал разразился аплодисментами, а Паддингтон наградил Барри Барда очень суровым взглядом. Заметив это, мистер Бард поспешно отвёл глаза и продолжил свое выступление.

— Угадайте, что это, — сказал он. — Угадайте — правда, никаких призов за правильный ответ не будет, — что это такое с зелёной головой, шестью мохнатыми ногами и одним красным глазом?

— И я тоже не знаю, мистер Бард! — отозвался Паддингтон, который уже не раз видел выступления Барри Барда по телевизору. — Но оно сидит у вас на спине!

Ответ Паддингтона вызвал ещё более громкие аплодисменты, чем шутка Барри Барда; пока они ещё не утихли, юморист накрыл микрофон рукой, наклонился над рампой и строго посмотрел на медвежонка.

— Брось шутки, медведь, шучу здесь я, — прошипел он. — Ну, посмеялись, и будет, — продолжал он, выпрямляясь и показывая зрителям блестящие белые зубы. — Перейдём к серьёзной части программы. Неподражаемая ловкость рук, леди и джентльмены. Прямо на ваших глазах — и никаких зеркал, никакого обмана, — прямо на ваших глазах я опустошу карманы любого из присутствующих джентльменов, пусть он только выйдет на сцену, и джентльмен ничего при этом не заметит! Ну же, леди и джентльмены, мне нужен доброволец...

— Полундра! — простонал Джонатан, когда в первом ряду возникло какое-то шевеление. — Ну конечно, как же без Паддингтона!

Когда Паддингтон взобрался на сцену, бравости у Барри Барда слегка поубавилось, но он быстро взял себя в руки.

— Аплодисменты, леди и джентльмены! — воззвал он к публике. — Громкие аплодисменты юному медведю, который добровольно даёт мне обчистить его карманы!

— Посмотрим, как у него получится обчистить Паддингтоновы карманы, — пробормотал мистер Браун.

Барри Бард дал оркестру знак играть, а потом, не переставая говорить, склонился над Паддинг-

тоном; руки его скользили по воздуху, извиваясь, как две змеи.

Зрители дружно ахнули, когда Барри Бард поднял на обозрение сначала карандаш, а потом блокнот. Паддингтон и сам удивился не меньше других, потому что ничего не почувствовал.

Сделав оркестру знак увеличить темп, Барри Бард, ослепительно блестя зубами в свете софитов, описал по сцене ещё один круг, поводя руками в такт музыке.

Потом он вдруг остановился и лицо его сделалось словно каменным; он медленно вытянул руку из Паддингтонова бокового кармана.

— Ффффух! — воскликнул он, не сдержавшись. — Что у тебя там такое, медведь?

Паддингтон с интересом осмотрел руку Барри Барда. Оркестр умолк.

— Наверное, булка с мармеладом, мистер Бард, — ответил он бодрым голосом. — Я её туда

положил на всякий пожарный случай. Ну и, наверное, немножко раздавил.

У Барри Барда и у самого вид был совершенно раздавленный. Он уставился на свою ладонь, словно отказываясь верить собственным глазам, а потом, нервно хихикнув, повернулся к зрителям.

— В моей жизни бывали разные случаи, — заявил он нетвёрдым голосом, — но пожарный случай с мармеладом — впервые!

Вытерев руки шёлковым платочком, который он извлёк из своего жилетного кармана, Барри Бард промокнул лоб и, подняв руку, попросил тишины. Он решил перейти к следующему номеру программы.

— Попрошу всех, — возгласил он, — поднять руки над головой и сомкнуть ладони.

Зрители сделали, как им велели, а Барри Бард достал из кармана верёвочку, привязал ключик к одному её концу и принялся его раскачивать, как маятник.

— А теперь, — сказал он, когда основное освещение погасло, только один прожектор освещал качающийся ключ, — прошу всех внимательно смотреть на ключик. Он качается влево... вправо... влево... влево... вправо... влево...

Голос его стал тихим и вкрадчивым, прожектор почти совсем погас.

— Я это уже видел, — шепнул, усмехаясь, мистер Браун. — Сами поглядите, что будет, когда зажгут свет. Обязательно найдется какой-

нибудь простофиля, который не сможет расцепить ладони.

— Мамочки! — воскликнула Джуди, когда внезапно зажгли свет и зрители опустили руки. — Смотрите, кто оказался этим простофилей!

— Лично я очень удивлена, — заметила миссис Бёрд. — Спросите меня, скорее уж Паддингтон бы загипнотизировал Барри Барда, чем наоборот. Вы разве не видели, какие наш мишка бросал на него суровые взгляды?

Зрители, притихнув, следили, как Паддингтон, пытаясь, пытается расцепить сомкнутые лапы. Барри Бард, похоже, и сам удивился успеху своего гипноза.

— Спокойно, медведь! — воскликнул он. — Сейчас я тебя расцеплю.

Сказав это, он встал перед Паддингтоном и принялся делать какие-то судорожные пассы, прищёлкивая при этом пальцами.

Зрители затихли совсем — Паддингтон всё отчаяннее дёргал передними лапами и, судя по всему, лихорадочные усилия Барри Барда его вызвать ни к чему не приводили.

Через несколько минут Барри Бард просто увёл Паддингтона за сцену, а сам вернулся обратно.

— Прошу прощения! — произнёс он громко, и было видно, какая красная у него физиономия. — Юный медведь ещё не вышел из гипноза. Будем надеяться, что постепенно он придёт в норму.

Барри Бард попытался, без особого энтузиазма, продолжить представление, но зрители по большей части реагировали довольно вяло. Как отреагировали Брауны — понятно: они поспешили за кулисы, отыскивать Паддингтона.

— Куда, скажите на милость, он запропастился? — недоумевал мистер Браун: они обыскали все окрестности и никого не нашли.

— Вряд ли он ушёл далеко, — рассуждала миссис Браун. — Куда уж, с лапами-то над головой.

— Может, он вернулся в свою каюту? — предположил один из стюардов, который помогал в поисках.

Он провёл их по коридору и открыл дверь в самом конце.

— Нет, — сказал он. — Ни единой мышки, не говоря уж о мишке.

— Всё равно, — сказал мистер Браун, — подождём-ка тут немного. Рано или поздно он обязательно появится.

Мистер Браун пытался сохранять жизнерадостный тон, но по мере того, как минута уползала за минутой и ожидание затягивалось, даже ему стало не по себе.

— Вы ведь не думаете... — неуверенно сказала миссис Браун через некоторое время. — Ну, то есть... он ведь не мог упасть за борт или что-нибудь в этом роде?

— Если упал, а лапы у него задраны вверх... — подхватила Джуди.

— Плохо вы знаете Паддингтона, — поспешно оборвал их мистер Браун. — Этот если куда и упадёт, то в кадушку с тестом в пекарне. — Он встал и ещё раз посмотрел на часы. — И всё-таки думаю, нам пора действовать. Вот только ума не приложу, откуда начать.

Миссис Бёрд решительно взялась за зонтик.

— Зато я знаю, — сказала она непреклонным голосом. — С капитана.

И с этими словами она зашагала по коридору, оставив остальных волноваться ещё сильнее — если только это было возможно.

Миссис Бёрд подчас бывала очень строга с Паддингтоном, однако, когда речь заходила о его благополучии, она не останавливалась ни перед чем, и, как вскоре стало понятно из суеты

по всему теплоходу, она добилаь того, чего хотела.

Матросы забегали по всем палубам, где-то глубоко в трюме колокол начал отзванивать тревогу, а вскоре после этого, издав несколько громких гудков, огромный лайнер начал сбавлять скорость.

— Вот это да! — поразился Джонатан, когда с обоих бортов донеслось громкое металлическое звяканье. — Мы, похоже, становимся на якорь!

Капитан «Карении» поднял голову и посмотрел на стоявшую перед ним компанию.

Дело было на следующее утро, и не только Браунов, но и довольно многих членов команды вызвали в капитанскую каюту, чтобы разобраться, что же такое случилось накануне.

— Говорите, вот этот юный медведь — виновник всех вчерашних неприятностей? — спросил капитан, глядя на Паддингтона.

— Должен сказать, это не его вина, — своевременно вступился старший механик. — Если бы они стали кричать «медведь за бортом», а не «человек за бортом», я бы сразу во всём разобрался. Потому что он всё это время был внизу, у меня в мастерской, я разлеплял ему лапы.

— Я вот чего не понимаю, Паддингтон, — вклинился мистер Браун. — Ты действительно сам не мог их разъединить?

— Это всё этот специальный клей, которым я приклеивал свою манишку, мистер Браун, — пояснил Паддингтон. — Просто немного случайно осталось на лапах.

— И поэтому сомкнуть-то он их сомкнул, а разомкнуть уже не смог, — добавил Барри Бард, который выглядел куда жизнерадостнее, чем накануне. — Должен признаться, я не на шутку перепугался.

— Это такой же клей, как в моем плотницком наборе, папа! — догадался Джонатан. — Такое новое изобретение, он клеит, только если нанести сразу на обе стороны.

— Мой оказался сразу на обеих сторонах, то есть лапах, — подтвердил Паддингтон. — Поэтому и хлопать было неудобно.

— Могучая штука, — добавил главный механик. — Уж если пристала, то пристала. Я вашего мишку едва отклеил.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказал капитан, — что вынудили меня вчера отдать приказ «стоп, машина»?

— «Стоп, машина»? — заинтересовался Паддингтон. — У нас разве по теплоходу машины ездят?

— Он не про то, Паддингтон, — сказала Джуди. — Никаких машин тут нет. Капитан хочет сказать, что ему пришлось остановить судно, потому что он решил, что ты свалился за борт.

— Я на этой линии с малолетства, — буркнул капитан. — И ни разу ещё не терял в море ни одного пассажира, не говоря уже о медведе.

— Так и на этот раз не потеряли, верно? — храбро сказала Джуди.

Капитан подумал.

— Вы, конечно же, правы, барышня, — согласился он наконец. — Только мне ведь придётся сделать запись в судовом журнале, а она выглядит ой как некрасиво. Придётся очень долго оправдываться. Особенно если учесть, что тот же самый медведь победил в судовом конкурсе, потому что мы вчера прошли расстояние гораздо меньше, чем предполагалось.

— Что? — воскликнул Паддингтон, не веря своим ушам. — Я победил в судовом конкурсе?

— Пятьдесят фунтов и семьдесят пять пенсов, — доложил старший помощник, протягивая ему большой конверт. — Пересчитайте на всякий случай, всё ли здесь.

— Поздравляю, медведь! — сказал капитан, пожимая Паддингтону свободную лапу. — Только учти, — добавил он строго, — ещё раз выйдешь в море на моём судне — больше так не поступай. А то у меня возникнут всякие подозрения, и придётся заковать тебя в кандалы.

Паддингтон при этих словах явно встревожился.

— Я, наверное, теперь не скоро поплыву в Перу, — сообщил он поспешно.

Капитан широко улыбнулся.

— В таком случае, — сказал он, глядя на хронометр, — поскольку мы уже почти в Англии, я

хочу пригласить вас позавтракать за моим столом. Когда ещё такой случай представится!

— Я считаю, Паддингтон, что тебе крупно повезло, — сказала миссис Браун, когда все они шли по длинному коридору. — Далеко не каждому медведю выпадает такая честь — получить приглашение за капитанский стол.

Капитан, который уже почти что вошёл в ресторан, приостановился.

— Если призадуматься, — сказал он, — то далеко не каждому капитану выпадает честь пригласить на завтрак медведя. Особенно медведя, только что победившего в судовом конкурсе!

В первый день после возвращения в дом номер тридцать два по улице Виндзорский Сад Паддингтон был ужасно занят. Надо было распаковать чемоданы, навестить друзей, рассказать все новости — причём не один раз, а снова и снова; надо было обшарить все кухонные шкафы, посидеть на всех старых, знакомых стульях; словом, надо было переделать тысячу вещей, общее название которым — возвращение домой, к привычной жизни.

Все были так рады снова увидеть медвежонка и послушать о его приключениях, что часы летели, как на крыльях, и когда он вечером пошёл в свою комнату ложиться спать, ему уже казалось, что он и вовсе никуда не уезжал.

После долгих недель на море, в маленькой каюте, так было приятно улечься в собственную кро-

ватку, тем более что в его отсутствие мистер Браун заново отремонтировал комнату: стены в ней теперь были нежно-голубого цвета, все рамы ярко блестели свежей белой краской, а в придачу на стене появилась специальная доска, к которой можно прикреплять записочки-напоминания, а на полу — новенький ковёр.

— Старый немного поизносился, — объяснила миссис Браун, когда на следующее утро принесла ему завтрак в постель. — А новый мы купили с таким ярким узорчиком, чтобы твои пятна были не так заметны.

— Мои пятна, миссис Браун? — оскорблённо повторил медвежонок, садясь в кроватке и протирая лапами глаза.

— Твои пятна, — непреклонно повторила миссис Бёрд, раздёргивая шторы и впуская в комнату поток солнечного света. — Старый ковёр прямо-таки задубел от присохшего мармелада, нам его только что распиливать не пришлось, чтобы вынести из комнаты.

Миссис Браун подозрительно посмотрела на Паддингтона.

— У тебя есть какие-нибудь планы на утро? — спросила она.

Паддингтон задумчиво обмакнул лапу в банку с мармеладом.

— Вообще-то нет, миссис Браун, — сообщил он туманно. — Я пойду куплю кое-что, а ещё я хочу положить деньги, которые выиграл, в банк для сохранности.

— Прекрасная мысль, — одобрила миссис Браун. — Мне будет не по себе, если ты станешь таскать столько денег в чемодане. Никогда не знаешь, что может случиться.

Чувствовалось, что ответ медвежонок успокоил миссис Браун. В последнее время в доме номер тридцать два по улице Виндзорский Сад было как-то непривычно тихо, и сегодня утром миссис Браун проснулась с неприятным чувством, что покой, затянувшийся на несколько недель, скоро будет нарушен.

— Не будите лихо, пока оно тихо, — мрачно посоветовала миссис Бёрд, когда миссис Браун поделилась с ней своими мыслями по дороге обратно на кухню.

Вслух миссис Бёрд ничего не сказала, но у неё тоже было такое чувство, что они переживают затишье перед бурей. Впрочем, даже миссис Бёрд при всём желании ни в чём не смогла бы упрекнуть Паддингтона, когда он через некоторое время появился в дверях кухни, полностью одетый и готовый к выходу на улицу.

Мех его был тщательно расчёсан, старенькое пальтишко выглядело на удивление опрятным; медвежонок выскочил из дома и торопливо зашагал в направлении рынка Портобелло. В одной лапе он нёс свой чемодан, а в другой — внушительного вида брошюру с надписью «Банк Флойда».

Паддингтон сделал лишь одну остановку, у булочника — возобновить заказ на ежедневную

порцию булочек и поболтать о своих приключениях во время поездки. После этого он поспешил к антикварной лавке мистера Крубера.

Обычно Паддингтон приходил к мистеру Круберу на «послезавтрак» ровно в одиннадцать, но сегодня ему надо было предупредить своего друга, что он, скорее всего, задержится.

Торговцы с рынка Портобелло давно знали и очень любили медвежонка, поэтому за разговорами он продвигался вперёд куда медленнее, чем ему хотелось бы; то одно, то другое, и когда он добрался до дверей банка, было уже почти десять.

Зато он очень обрадовался, увидев, что он первый в очереди; тщательно огляделся, чтобы убедиться, что никто за ним не подсматривает, уселся на тротуар, вытащил из чемодана пачку денег и принялся их ещё раз пересчитывать, чтобы убедиться, что всё на месте.

У Паддингтона уже довольно давно был счёт в местном отделении банка Флойда, но, хотя он иногда заходил поболтать с управляющим и убедиться, что с банком ничего не случилось, вносить деньги на счёт ему доводилось редко — тем сильнее он предвкушал это удовольствие.

Денежные купюры были новенькие, хрустящие, отделять их лапами одну от другой было довольно сложно, поэтому вскоре Паддингтон напрочь позабыл обо всем остальном, и только когда на тротуар упала тень, он понял, что рядом кто-то стоит.

Торопливо запихав деньги под пальтишко, Паддингтон поднял глаза и увидел высокого, очень представительного дяденьку в чёрном пальто и в цилиндре.

Дяденька воспитанно приподнял цилиндр.

— Покорнейше прошу меня извинить, — проговорил он, — но я не мог не заметить, чем вы, мой юный медведь, занимаетесь, и решил поинтересоваться, не является ли наша встреча счастливым совпадением...

Паддингтон подскочил, по-прежнему сжимая под пальтишком свои купюры.

— Со сливы сов падением? — повторил он испуганно. — А они не сильно ушиблись?

— Вы не так поняли, — улыбнулся дяденька. — Я хотел сказать, возможно, мы тут по одному и тому же делу.

Паддингтон немного успокоился и вежливо приподнял шляпу.

— Я пришёл положить деньги в банк, — сказал он.

— Весьма предусмотрительно — делать скромные запасы на чёрный день, — одобрил его дяденька. — Я не устаю это повторять.

— Ну, не очень скромные, — не без солидности уточнил Паддингтон. — Я выиграл целых пятьдесят фунтов на корабельном конкурсе!

— Пятьдесят фунтов! — повторил дяденька с огромным интересом. — И вы хотите сказать, что похороните все эти деньги в банке?

— Не все пятьдесят, — возразил Паддингтон. — Кое-что я оставлю, чтобы купить подарки друзьям.

Дяденька взял Паддингтона за лапу и отвёл в сторону, подальше от дверей банка.

— Какое счастье, что мы с вами познакомились, — сказал он. — Видимо, и правда судьба. —

Он тщательно огляделся, а потом продолжал, доверительно понизив голос: — Вот если бы вы мне сказали, что *забираете* деньги из банка, я бы ещё понял. Строго между нами, банк Флойда в любой момент может лопнуть.

У Паддингтона глаза от ужаса вылезли на лоб, и он с испугом покосился на крепкое с виду здание.

— Что? — воскликнул он в страшном волнении. — Банк Флойда может лопнуть?

— Ш-ш-ш. — Дяденька приложил палец к губам и потянул медвежонка в соседнюю подворотню. — Не так громко, медведь. А то вы вызовете панику, и будет совсем худо.

Он внимательно оглядел улицу, а потом задумчиво уставился на Паддингтона, словно решая про себя, можно ли тому доверять.

— У вас вид достойного и порядочного медведя, — решил он наконец. — Вот интересно... можете ли вы мне сказать, на чём сейчас стоите?

Паддингтон от души изумился такому вопросу.

— На асфальте, — ответил он, не задумываясь.

— Ага! — воскликнул дяденька. — А можете ли вы мне сказать, что находится под асфальтом?

— Земля, — сказал Паддингтон, но уже не так уверенно.

Дяденька усмехнулся и вытащил из внутреннего кармана пробирочку с какой-то тёмной жидкостью.

— Вам, медведь, я могу раскрыть эту тайну, — сказал он, поднимая пробирочку к свету. — Нефть! Вы в данный момент стоите на нефти. Её там на миллионы фунтов. — Он указал на тёмное пятно на проезжей части дороги. — Девяносто девять человек из ста сказали бы вам, что это машинное масло. Им совершенно невдомёк, что это нефть просачивается из-под асфальта! Говорю вам по-дружески: любой, кто купит акции нефтяной компании «Портобелло», на одних только процентах заработает целое состояние!

— Нефтяной компании «Портобелло»? — воскликнул Паддингтон. — Но я, кажется, никогда про такую не слышал.

Дяденька снова полез в карман.

— О ней мало кто слышал, — заявил он. — Не так уж она давно существует. Вот посмотрите, уважаемый медведь. — С этими словами он протянул Паддингтону какую-то бумажку. — Должен признаться, есть в вас что-то располагающее. Вообще-то цена этой акции* пятьдесят пять фунтов, но я, пожалуй, уступлю вам её за пятьдесят.

Паддингтон посмотрел на дяденьку в сильном сомнении.

— Спасибо вам огромное, — поблагодарил он, — но вряд ли я могу потратить целых пятьдесят фунтов. Мне ведь ещё надо купить подарки.

— Ерунда! — отрезал дяденька, вычёркивая слова «пятьдесят пять» и вписывая вместо них

* Акции — это ценные бумаги, которые подтверждают, что вы вложили деньги в какое-нибудь дело. Потом по этим акциям можно получить кучу денег. Если повезёт.

«пятьдесят». — На проценты вы купите столько подарков, сколько вам заблагорассудится, даже ещё больше.

Не успел Паддингтон и рта раскрыть, а уж тем более хоть что-то сказать, как акция уже оказалась у него в лапе, а стопочка его фунтов перекочевала к дяденьке во внутренний карман.

— Только запомните: никому ни слова, — предупредил дяденька. — А то пойдут всякие слухи... По крайней мере до тех пор, пока не поставят буровые вышки, а там рассказывайте хоть направо и налево.

— Буровые вышки? — повторил Паддингтон.

— Такие штуки, которыми качают нефть, — пояснил дяденька. — Мне ещё надо успеть распорядиться об их доставке.

— А когда мне заплатят проценты? — предусмотрительно поинтересовался Паддингтон.

Дяденька усмехнулся.

— Такой деловой подход мне по нраву, — сказал он. — Вы удивительно симпатичный медведь. Предлагаю встретиться прямо здесь завтра утром, на том же месте, в тот же час, посмотрим, что я смогу устроить. Только помните — рот на замок и молчок! А то на рынке случится взрыв*.

* Дяденька, конечно, имеет в виду не рынок Портобелло, а тот, который называется фондовым. Это не место и не помещение; это процесс торговли ценными бумагами. В случае, если какие-то акции резко возрастают или, наоборот, падают в цене, на рынке этом случаются серьёзные потрясения — их-то и называют взрывом.

С этими словами он взмахнул сложенным зонтиком и зашагал по улице Портобелло, оставив Паддингтона стоять на тротуаре и разглядывать бумажку. Глаза у медвежонка так и блестели.

Выглядела бумажка весьма внушительно и отпечатана была каким-то очень кудрявым шрифтом, который было довольно трудно прочесть. Паддингтон только и разобрал что слова «Нефтяная компания „Портобелло”», которые были напечатаны по самому верхнему краю, а вот дальше буквы становились такими мелкими, а текст таким плотным, что Паддингтон, помучившись немного, решил забрать бумажку домой и там почитать её на досуге.

Помня дяденькины указания, он аккуратно сложил бумажку в четыре раза и для сохранности засунул в шляпу.

Раньше Паддингтону никогда не доводилось быть владельцем акций, тем более пятидесятифунтовой акции нефтяной компании, и теперь, шагая по направлению к дому, он ощущал себя очень важной персоной. Впрочем, проходя мимо знакомых лотков и лавочек на рынке, он не только плотно зажимал лапой рот, но и на всякий случай опасливо озирался. Ведь кроме того, что рот надо держать на замке, дяденька ещё сказал что-то про взрыв на рынке, а Паддингтон был не из тех медведей, которые рискуют понапрасну.

Добравшись до противоположного конца рынка, Паддингтон приостановился возле витрины

небольшого магазинчика. Он один за другим рассматривал выставленные в ней предметы, и на мордочке у него было очень задумчивое выражение.

Он, конечно, привёз всем Браунам небольшие подарки, но ему так хотелось купить для своих друзей что-нибудь уж совсем необыкновенное и отблагодарить их тем самым за доброту — они ведь заплатили за его поездку в Перу.

Паддингтон ни минуты не сомневался, что на проценты со своей акции сможет сделать Браунам просто замечательные подарки; не сомневался он и в том, что владелец магазинчика не станет возражать, если он расплатится завтра: несмотря на то что Паддингтон любил и умел поторговаться, все лавочники с рынка Портобелло относились к нему с величайшим почтением.

Чувствуя себя очень богатым медведем, Паддингтон провёл в магазине гораздо больше

времени, чем рассчитывал поначалу, и, когда он добрался до лавки мистера Крубера, чтобы приступить с ним к «послезавтраку», его друг уже не на шутку встревожился и ждал снаружи.

— Я уж подумал, вы и вовсе не придёте, мистер Браун! — воскликнул он. — Я вашу кружку накрыл блюдечком, чтобы какао не остыло.

Паддингтон с благодарностью опустил в шезлонг, стоявший на тротуаре, а мистер Крубер засуетился, пристраивая тарелку с булочками на соседнем столике.

— Я ходил покупать подарки, мистер Крубер, — объяснил медвежонок.

Мистер Крубер посмотрел на него поверх очков с лёгким упреком.

— Это, конечно, очень великодушно с вашей стороны, мистер Браун, — похвалил он, — и я не сомневаюсь, что все будут вам очень признательны, но не стоило ли оставить немного денег себе и положить в банк на чёрный день?

— Тут на рынке в последнее время завелись всякие мошенники, — добавил он, прежде чем Паддингтон успел ответить. — Я сегодня утром очень обрадовался, когда узнал, что вы положили деньги в надёжное место.

Мистер Крубер тоже уселся в шезлонг и отхлебнул какао.

— Сколько я понял, по нашей округе бродит какой-то негодяй и продаёт фальшивые акции некой фирмы, которая называется «Нефтяная компания „Портобелло“». Вы просто не повери-

те, мистер Браун, но нашлись два-три легковверных человека, которые их даже купили.

Мистер Крубер посмотрел на медвежонка с некоторой тревогой, потому что из-за кружки с какао донёлся придушенный кашель.

— Надеюсь, не слишком горячо, мистер Браун? — осведомился он.

— Ничего, мистер Крубер, — ответил Паддингтон, прокашлявшись. — Это я из-за булочки. Изюминка попала не в то горло.

Мистер Крубер постучал Паддингтона по спине, а потом снова уселся в шезлонг, чтобы продолжить рассказ.

— Этого типа, которого пытается поймать полиция, зовут Денди Джим.

— Денди Джим? — эхом повторил Паддингтон, уже не скрывая своей тревоги.

— Да, представьте себе, — продолжал мистер Крубер. — Его так прозвали за манеру одеваться. Можно подумать, что он работает в Сити. Собственно говоря, на первый взгляд и вовсе не отличишь. Надеюсь, его скоро поймают, а то он испортит репутацию нашего рынка. Я вчера разговаривал с полицейским, и он со мной согласился: нет ничего хуже, чем продавать, не имея на это права, — разве что покупать, не имея на это денег.

Мистер Крубер грустно покачал головой.

— А такое тут в последнее время тоже случилось, мистер Браун, — добавил он. — Однако, по

счастью, полиция уже идёт по следу этих проходимцев. Остаётся надеяться, что, когда их поймают, они получают по заслугам.

Тут мистер Крубер умолк, потому что, к величайшему его удивлению, Паддингтон прыгнул с шезлонга, стащил с себя пальтишко и тщательно прикрыл внушительную кучку своих покупок.

— Вы хорошо себя чувствуете, мистер Браун? — встревоженно спросил мистер Крубер. — Должен сказать, вид у вас не самый бодрый.

Паддингтон бросил опасливый взгляд направо, потом налево.

— Чувствую-то я себя хорошо, мистер Крубер, — сказал он загадочно, — а вот хорошо ли поступил — сказать трудно!

Мистер Крубер знал по опыту, что пытаться вызнать истину бесполезно. И всё же на душе у него стало ещё тревожнее, когда Паддингтон рухнул обратно в шезлонг, оставив полбулочки недоеденными на тарелке.

Если мистер Крубер не на шутку встревожился, то Паддингтон был просто убит горем. Мордочка у него давно уже начала вытягиваться и всё продолжала вытягиваться, пока он брёл обратно на улицу Виндзорский Сад, обдумывая по дороге утренние происшествия.

Когда медвежонок оказался у знакомой зелёной двери дома номер тридцать два, мордочка у него уже была длиннее некуда, но к этому времени он так плотно нахлобучил шляпу на лоб,

так низко повесил голову и так сильно ссутулил плечи, что только очень внимательный наблюдатель заметил бы, что что-то не так.

Паддингтон приподнял край шляпы, бросил последний тревожный взгляд на улицу, а потом исчез из виду, с громким щелчком захлопнув за собою дверь. Щелчок этот мог означать только одно: по крайней мере один из Браунов сегодня не намерен больше ни с кем вступать в разговоры.

ВИЗИТ НА БИРЖУ

В незапную перемену в настроении медвежонка первой из всех домочадцев заметила миссис Бёрд.

— Ничего не понимаю, — призналась она на следующий день. — Вчера утром он был такой бодрый и жизнерадостный. А теперь у него вид медведя, совершенно убитого горем.

— Надеюсь, он не переутомился во время путешествия, — встревожилась миссис Браун.

— Нет, что-то с ним вчера такое приключилось, когда он ходил на рынок за покупками, — покачала головой миссис Бёрд. — Он вернулся с ужасно кислым выражением и даже не доел за обедом свою порцию сладкого пудинга.

— Вы правы, как-то он странно себя ведёт, — согласилась миссис Браун. — Вчера я застукала его в саду — он взял у Генри коловорот и свер-

лил в земле дырку. Вид у него был страшно расстроенный.

— Хотите знать моё мнение? Тут дело в деньгах, — решительно высказалась миссис Бёрд.

— В деньгах? — Миссис Браун встревожилась ещё сильнее. — Почему вы так думаете?

— Он вчера весь вечер подсчитывал свои доходы и расходы, — мрачно объяснила миссис Бёрд. — А когда закончил, попросил у меня красные чернила! Кроме того, помните эту историю с газетой сегодня утром? И ещё он за завтраком задавал мистеру Брауну очень странные вопросы.

Мистер Браун работал в лондонском Сити и каждое утро за завтраком, прежде чем отправиться к себе в контору, просматривал специальную газету, в которой писали про акции и ценные бумаги. Сегодня утром он обнаружил, что в газете не хватает одной страницы. В похищении так никто и не признался, но у миссис Бёрд сразу же возникли подозрения, а теперь они превратились в уверенность.

— Ох, опять у этого медведя что-то неладное на уме! — вздохнула она. — Он вчера по собственному почину принял ванну, а это всегда дурной знак. А сегодня с утра оделся во всё парадное и куда-то ушёл. Чует моё сердце, дело нечисто.

Чтобы придать лишний вес своим словам, миссис Бёрд принялась энергично выметать щёткой пыль из угла столовой, и при этом всё

поглядывала в окно. Но хотя глаза у неё и были удивительно зоркими, Паддингтона она не увидела — ведь для этого ей пришлось бы пронзить взглядом не только множество зданий, но и кучу других предметов.

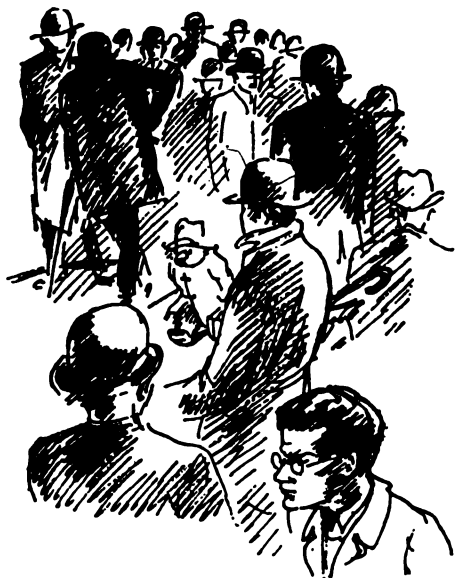
Потому что тот самый медведь, который вызвал у неё столь мрачные подозрения, был в этот момент, кроме всего прочего, надёжно скрыт за плотным слоем тёмных костюмов, шляп-котелков, портфелей и сложенных чёрных зонтиков.

Только он вынырнул из метро, как сразу же оказался в густом потоке людей, который увлёк его, как течение пробку; строго говоря, медвежонок никогда ещё не доводилось оказываться в такой густой и огромной толпе.

По счастью, вскоре поток разделился на несколько более мелких рукавов, и, побарахтавшись и потолкавшись, медвежонок сумел-таки пробиться в нужную сторону и в конце концов оказался на совсем узкой улочке, в конце которой высилось очень внушительное здание.

Аккуратно сверившись с картой, чтобы убедиться, что он попал в нужное место, Паддингтон набрал полную грудь воздуха и распахнул дверь.

Несколько секунд он стоял с широко раскрытыми глазами, всматриваясь в происходившее вокруг. Мимо него то и дело сновали дяденьки с портфелями и какими-то бумажками — все они были страшно заняты. И снаружи-то на тротуаре было довольно тесно, а внутри здание и вовсе напоминало гигантский муравейник; только Пад-

дингтон приготовился нырнуть в самую гущу, как вдруг тяжёлая рука опустилась ему на плечо и стиснула его, как клещами.

— Так-так, — сказал грозный голос. — Что это ты тут такое делаешь?

Паддингтон так и подскочил, а потом, обернувшись, увидел дяденьку в тёмно-синем форменном кителе и шёлковой шляпе, который смотрел на него сверху вниз.

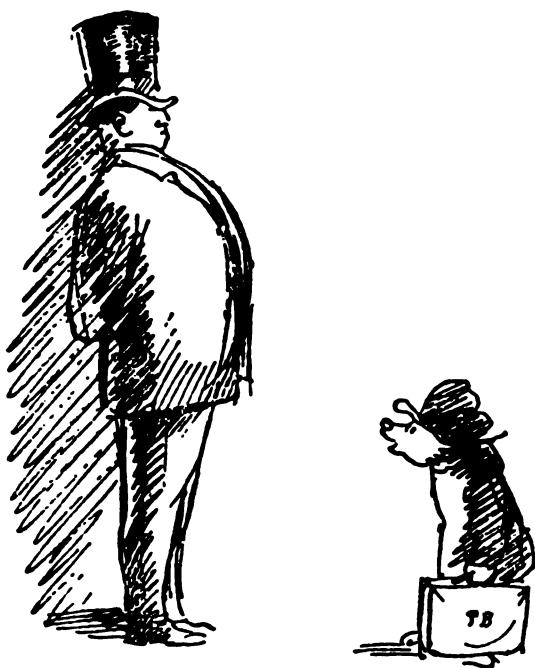
— Ты что, не знаешь, что здесь фондовая биржа, где торгуют ценными бумагами? — строго спросил дяденька.

— Конечно знаю, — с важным видом отвечивал Паддингтон. — Я поэтому и пришёл. Мне надо оценить одну бумагу.

— *Что* тебе надо? — Дяденька-швейцар недоверчиво посмотрел на медвежонка. — Ты что, медведь, за дурачка меня принимаешь?

— Да нет, что вы, — честно ответил медвежонок, открывая чемодан и вытаскивая оттуда свою акцию. — Я специально приехал с улицы Виндзорский Сад.

— Ну и ну! — Лицо у швейцара слегка подобрело. — Хотя, — добавил он, заметив, что мордочка у медвежонка вытянулась от огорчения, — ежели чем могу услужить, так я с удовольствием. Нам полагается с посетителями быть вежливыми, чтоб они чувствовали себя как в самом

лучшем ресторане. Вот только деньги тут не платят, а зарабатывают.

Паддингтон при этих словах заметно приободрился. Путь с улицы Виндзорский Сад был неблизкий, ехать пришлось в набитом вагоне метро, ему было жарко и ужасно хотелось пить. Мистер Браун подробно ответил на все его вопросы о фондовой бирже, но почему-то не упомянул, что здесь кормят, как в лучшем ресторане, да ещё и бесплатно, а ведь какое замечательное дело!

— Мне, если можно, булочку и чашку какао, пожалуйста, — попросил Паддингтон.

К его несказанному удивлению, добродушное выражение, как по волшебству, исчезло с дяденькиного лица, а на его месте появилось другое, которое медвежонку совсем не понравилось.

— Булочку! — возмущённо воскликнул дяденька. — Да ещё с какао! Тут, да будет тебе известно, серьёзное заведение, а не кафе. Я про ресторан сказал совсем в другом смысле, у меня есть дела и поважнее, чем угощать всех захожих медведей булочками с какао.

И швейцар пустился объяснять, что, говоря про ресторан, он имел в виду совсем другое: на бирже работают очень почтенные люди, и обслуживать их полагается по высшему классу, а бесплатное угощение тут ну просто совершенно ни при чём.

— И вообще, — закончил свою речь швейцар, — не могу я тебя сюда пустить, и делу конец. Вход на фондовую биржу разрешён только по

удостоверению. Это как такой клуб, ну, сам понимаешь, причём только для привилегированных членов. — Последние слова он произнёс совсем свысока.

— А можно и мне выдать удостоверение? — с надеждой спросил Паддингтон, опуская лапу в карман своего синего пальтишка, где был припрятан десятипенсовик.

— Выдать удостоверение? — презрительно хохотнул дяденька. — Так тебе и выдали удостоверение! Да чтобы его получить, чего только не надо сначала сделать! Например, прежде всего должны проверить твою кредитоспособность.

— Мою вредитоспособность? — с огорчённым видом протянул Паддингтон. — У меня с ней не очень, я совсем не люблю кому-то вредить.

— В таком случае вход тебе сюда заказан, — отрезал дяденька. — Кредитоспособность, — продолжал он покровительственным тоном, — это такая штука, которая либо у тебя есть, либо у тебя её нет. Для этого требуется проверить твой банковский счёт.

— Мой банковский счёт? — повторил Паддингтон, вконец озадаченный. — Ну, с этим у меня всё в порядке, я свои банки каждый день считаю. Вот сейчас у меня дома три с половиной банки мармелада, и миссис Бёрд обещала купить ещё одну про запас.

Швейцар громко запыхтел. За долгие годы работы на фондовой бирже ему не раз попадались клиенты, с которыми трудно было найти общий

язык, но такого непонятливого он, пожалуй, не помнил.

— Ну, всё, хватит, — сказал он сурово. — Давай-ка ступай своей дорогой. У меня тут дел невпроворот, некогда мне болтать со всякими медведями, которые только и высматривают, где бы бесплатно позавтракать.

Паддингтон, вконец расстроенный таким оборотом дела, принялся открывать замок на чемодане.

— Я просто хотел понять, ценная ли у меня бумага, — объяснил он. — Это акция нефтяной компании «Портобелло», только она какая-то не совсем настоящая, потому что...

— Что ты сказал? — воскликнул швейцар. — Я правильно расслышал — у тебя ненастоящая акция? — Он нагнулся и принялся рассматривать бумагу, которую Паддингтон крепко держал в лапе. — Где это ты такую приобрёл, медведь? — поинтересовался он и повёл Паддингтона в другой конец зала, к какой-то двери.

— Я купил её на рынке Портобелло, — пояснил Паддингтон, довольный, что дело наконец-то сдвинулось с мёртвой точки. — Только мне кажется, она какая-то неправильная, потому что дяденька так и не пришёл заплатить мне проценты. Вот я и решил разобраться, насколько она ценная.

— Подожди-ка здесь, медведь, — как бы между делом предложил дяденька, вводя медвежонка в комнату, где стояли мягкие кожаные кресла. — Я сейчас вернусь.

Дверь за ним захлопнулась со щелчком. Паддингтон как следует огляделся, выбрал самое мягкое и удобное кресло и уселся в него с довольным выражением на мордочке. Он уже не раз убеждался на собственном опыте, что главное — обратиться к нужному человеку и твёрдо гнуть свою линию, и уж тогда дело обязательно пойдёт на лад.

Однако минута проходила за минутой, а в комнате так никто и не появлялся, и медвежонок уже начал не на шутку тревожиться, когда наконец снаружи раздались шаги, дверь распахнулась и на пороге показался швейцар. А рядом с ним, удивительное дело, стояли ещё два дяденьки, оба в плащах и фетровых шляпах.

— Он самый и есть, — проговорил швейцар, указывая на Паддингтона.

Первый дяденька вошёл в комнату и помахал каким-то удостоверением.

— Полиция, — отрывисто произнёс он. — Боюсь, вам придётся пройти с нами в отделение.

— Пройти с вами деление? — повторил Паддингтон, ужасно удивившись, что такие взрослые дяденьки не знают элементарных математических действий. — А сложение, вычитание и умножение вы уже проходили?

Дяденька бросил на него недобрый взгляд.

— Пройти в отделение полиции, — повторил он сурово. — Там проверят, чисты ли вы на руку, и возьмут у вас отпечатки.

Паддингтон так и подскочил.

— Конечно, чист, я вчера ванну принимал! — воскликнул он возмущённо. — А после ванны я нигде отпечатков не оставляю, можете сами у миссис Бёрд спросить.

Оба дяденьки в штатском многозначительно переглянулись.

— Хорошо маскируется, — сказал второй первому, словно и не слышал последних слов медвежонка. — Только я почему-то всегда думал, что Денди Джим куда выше ростом.

— Денди Джим! — ошарашенно повторил Паддингтон.

— Меня мог бы и провести, — сознался первый дяденька, тоже будто и не расслышав. — А я дважды просмотрел фотографии всех подозреваемых. Вот и доверяй после этого описаниям свидетелей.

— А награда мне полагается? — с надеждой спросил швейцар.

— Отчего бы и нет? — откликнулся первый дяденька. — Мы уже не первый день разыскиваем этого типа. Такого ловкого мошенника на доверии в Лондоне уже сколько лет не видели. Необеспеченные акции, поддельные документы, фальшивые паспорта — всё перечислять пальцев не хватит.

— Уж теперь-то он у нас сядет в тюрьму, и надолго, — посулил второй дяденька.

Паддингтон переводил взгляд с одного на другого.

— В тюрьму! — воскликнул он в ужасе. — За какую-то дурацкую акцию!

— Это ты судье расскажешь, — прервал его первый дяденька. — Торговля фальшивыми акциями — серьёзное преступление.

— Но я её не торговал! — воскликнул Паддингтон, размахивая в воздухе своей бумажкой. — Я её, наоборот, купил. И заплатил пятьдесят фунтов. Причём на каждом фунте был специальный отпечаток моей лапы, а ещё я записал на акции все их номера!

— Как ты сказал? — Один из сыщиков выхватил у Паддингтона его бумагу и принялся внимательно её разглядывать. — Ты записал номера всех фунтовых банкнот? — Тут он осёкся, потому что Паддингтон пулей пролетел мимо и выскочил за дверь. — Эй! Стой!

— А ну вернись! — закричал второй сыщик.

Но они не успели и шагу ступить, как Паддингтон уже скрылся за дверью. Он несколько раз озабоченно оглянулся через плечо, быстренько заметил, что у входной двери стоит, загораживая дорогу, другой швейцар, привлечённый шумом, а потом развернулся и ринулся в самую гущу биржевой суеты.

Впервые за это утро Паддингтон порадовался тому, что фондовая биржа — такое людное и суматошное место. Он так до конца и не понял, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, однако в целом ему вся эта история совсем не понравилась. Бывают такие моменты, когда гораздо проще исчезнуть, чем пытаться объяснить, как всё обстоит на самом деле, а для того, кому требуется быстрень-

ко исчезнуть, фондовая биржа была самым подходящим местом, лучше и не придумаешь.

Миссис Браун стояла у входной двери дома номер тридцать два по улице Виндзорский Сад и с тревогой рассматривала двоих незнакомцев, появившихся на пороге.

— Паддингтон? — повторила она. — Я правильно поняла — вам нужен Паддингтон?

— Так точно, мадам, — ответил один из незнакомцев. Он сверился с бумажкой, которую держал в руке. — В эту акцию вписаны его имя и адрес. И ещё стоит что-то вроде отпечатка лапы.

— Это, полагаю, чтобы все видели, что акция подлинная, — с некоторой неуверенностью пояснила миссис Браун. — Он всегда так делает. Но ведь ещё совсем рано. Вы не могли бы прийти попозже?

— Мы из Скотленд-Ярда*, — вступил в разговор второй незнакомец, помахивая своим удостоверением. — Нам необходимо срочно переговорить с ним по поводу одного вчерашнего происшествия.

— Из Скотленд-Ярда! — Миссис Браун судорожно вцепилась в дверной косяк, но больше не

* Скотленд-Ярдом называется главное полицейское управление Великобритании. Интересно, что в переводе Скотленд-Ярд означает «Шотландский двор». Дело в том, что находится оно в здании, в котором когда-то останавливались, приезжая в Лондон, шотландские короли.

успела задать ни одного вопроса, потому что тут в прихожую на всех парах влетела миссис Бёрд.

— Что это здесь такое происходит? — осведомилась она сурово. -- Мне, знаете ли, надо завтрак подавать. Мало того что Паддингтон куда-то запропастился, так ещё... — Заметив выражение лица миссис Браун, она осеклась. — Случилось что-то ужасное? — спросила она упавшим голосом.

— Да господь с вами, мадам, вовсе нет, — успокоил её второй сыщик. — Мы просто хотели отдать вашему мишке его деньги.

— Отдать его деньги? — эхом откликнулась миссис Браун.

— Все пятьдесят фунтов, — подтвердил первый сыщик. — Он не поленился записать номера всех банкнот, вот мы их и вычислили.

— И преступника поймали! — добавил второй сыщик.

— Побольше бы таких сознательных медведей, — подхватил первый сыщик. — Ему, разумеется, полагается награда, но мы бы хотели, кроме того, поблагодарить его лично.

Миссис Браун и миссис Бёрд переглянулись.

— Входите, пожалуйста, — слабым голосом пригласила миссис Браун.

Ни та ни другая так и не поняли, о чём сыщики толкуют, и всё же, шагая впереди всех через прихожую, миссис Бёрд кивнула на дверь под лестницей.

— Поищите его в платяном шкафу, где мы держим зимние вещи, — посоветовала она. —

Я как раз вспомнила, что слышала там какую-то возню перед самым вашим приходом.

— Ну и ну! — вздохнул один из сыщиков, наклоняясь и открывая дверь. — Тяжёлая у нас всё-таки работа. Я тут недавно вляпался в карманную кражу...

— Что?! — воскликнул Паддингтон возмущённо, вылезая из своего укрытия под лестницей. — Вы вляпались в манную кашу? Не в мою, я ничего такого на пол не проливал!

Миссис Бёрд приостановилась у кухонной двери и тяжело вздохнула. Судя по выражению на Паддингтоновой мордочке, разговор с полицейскими обещал быть долгим и путаным.

— Пойду поджарю ещё яичницы с беконом, — рассудила она. — Побегаете тут за медведями — всякому небось есть захочется, а с нашим медведем они едва ли за пять минут разберутся...

— Вот это да! — высказался Джонатан через некоторое время, когда жизнь более или менее вернулась в свое обычное русло. — Повезло же Паддингтону — завтракать с двумя настоящими сыщиками! Как вернусь в школу, всем расскажу. Вот небось ахнут!

Мистер Браун снова развернул газету.

— У меня на работе тоже ахнут, когда я им расскажу, — буркнул он, вытирая усы салфеткой. — Я уже почти на час опоздал.

— Подожди, не уходи! — умоляюще воскликнула Джуди, вбегая в комнату. — Все должны пойти посмотреть на свои подарки.

— На подарки?! — воскликнул мистер Браун, поспешая за дочкой в гостиную. — Неужели опять подарки? Мы ведь все только что получили по подарку!

— Это специальные благодарственные подарки, мистер Браун, — объяснил Паддингтон, глядя, как Брауны разворачивают свёртки. — Деньги-то мне вернули, и я теперь могу за них заплатить.

— У меня — замечательный набор масляных красок! — радостно ахнула Джуди.

— А у меня — отличные коньки! — закричал Джонатан, тоже довольный донельзя.

Миссис Браун развернула большой квадрат вышитого полотна.

— Какая великолепная скатерть! — воскликнула она. — И до чего кстати!

— Трубка! — обрадовался мистер Браун, открывая небольшую картонную коробочку. — Как раз то, что мне нужно. И выбрана точно по моему вкусу!

Когда миссис Бёрд подняла на всеобщее обозрение мягкую розовую пижаму, глаза у неё подозрительно увлажнились.

— Мой любимый цвет! — заявила она. — Какой ты, Паддингтон, молодчина — подарил каждому именно то, что ему хотелось. Ты, наверное, очень долго думал и выбирал.

— Боюсь, после таких щедрых подарков у тебя с деньгами негусто, — сказал мистер Браун, когда буря восторга улеглась, — но, если хочешь, можешь отдать, что осталось, мне, и я куплю тебе парочку настоящих акций.

Паддингтон обдумал это предложение. Ну, он, конечно же, полностью доверял мистеру Брауну, однако акциями и ценными бумагами пока что был сыт по горло.

— Я, наверное, всё-таки теперь положу оставшиеся деньги в банк, — заявил он наконец.

— Вот и правильно, — одобрительно кивнула миссис Бёрд.

Она относилась к банкам с глубочайшим доверием, особенно если речь шла о медвежьих сбережениях.

— Ого-го, пап, посмотри-ка! — вдруг воскликнул Джонатан, указывая пальцем на передовую статью в газете мистера Брауна. Заголовок гласил: «БИРЖЕВЫЕ НОВОСТИ: У МЕДВЕДЕЙ ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ». — Представляете, про Паддингтона даже написали в газете!

Мистер Браун откашлялся, но так и не заговорил. Он собирался было объяснить разницу между биржевыми «медведями» и обычными медведями: что биржевые медведи на самом деле — обыкновенные люди, которые избавляются от акций, полагая, что те подешевеют, но тут заметил, что жена многозначительно ему подмигнула.

— В конце концов, подробности не так уж и важны, — взяла слово миссис Браун. — А этот за-

головок, кроме всего прочего, будет замечательно смотреться у Паддингтона в дневнике, если его вырезать из газеты и туда вклеить.

— Очень внушительный заголовок, — подтвердила миссис Бёрд. — И весьма, весьма подходящий. На мой взгляд, даже если бы сам Паддингтон писал об этом происшествии, он не смог бы придумать лучшего заголовка!

И все с ней дружно согласились.

КАК СОСЕДУ ОКНО ПРОРУБИЛИ

Миссис Браун отвернулась от зеркала в прихожей и скорчила недовольную гримасу, потому что утренний воздух сотряс громкий стук молотка.

— Я, конечно, понимаю, что уж не мне бы при-
вередничать, — сказала она. — Генри в последние
недели тоже мешал соседям своим стуком. И всё
равно, поскорее бы мистер Карри закончил ре-
монт! Больно уж он усердствует.

Миссис Бёрд воинственно ткнула в пустоту
большой шляпной булавкой.

— Я б и слова против не сказала, если бы он
додумывался до этих новшеств своим умом, —
проворчала она, — но он вечно слизывает у дру-
гих! Теперь он даже поговаривает о том, чтобы
устроить окошко между кухней и столовой.

Миссис Бёрд громко фыркнула — как и всегда при упоминании мистера Карри — и в последний раз поправила шляпку. Мало того что сосед Браунов был известен во всей округе своей жадностью, он ещё отличался тем, что всегда повторял за другими то, что они придумывали для себя, а поскольку Брауны жили с ним дверь в дверь, они особенно от этого страдали.

Пока Паддингтон гостил в Перу, мистер Браун усердно занимался благоустройством дома и сада. Он не только отремонтировал несколько комнат, но ещё и зацементировал дорожку в садике за домом и устроил специальное окошко между кухней и столовой, чтобы горячую пищу можно было подавать прямо на стол.

Мистеру Карри, разумеется, было не угнаться за всеми усовершенствованиями, которые происходили в доме номер тридцать два по улице Виндзорский Сад, но вот как раз накануне он во всеуслышание объявил, что в ближайшее время тоже собирается смастерить окошко и дорожку, причём собственными руками, и в это самое утро он копошился в своём садике, одетый в старый рабочий комбинезон, и подготавливал всё для цементных работ.

— Должна сказать, — заметила миссис Браун, — иногда мне кажется, что везти детей на другой конец Лондона, чтобы показать их стоматологу, — страшная морока, однако сегодня я даже рада уехать отсюда подальше. — Она тяжело вздохнула, потому что между двумя домами

опять раздался оглушительный стук молотка. — Паддингтон, может, всё-таки и ты надумаешь с нами поехать? — окликнула она медвежонка.

Паддингтон, услышав свое имя, тут же примчался в прихожую.

— Спасибо, миссис Браун, но всё-таки не надумаю, — сказал он, когда ему повторили вопрос.

Ему совершенно не улыбалось отправляться к стоматологу, особенно после красочных рассказов Джонатана о том, что происходит во время осмотра.

— Я лучше останусь дома и посижу в саду, — заявил он поспешно, боясь, что его начнут уговаривать.

Миссис Браун проводила Паддингтона, удалившегося в направлении столовой, задумчивым взглядом.

— Знаете, в это трудно поверить, но Паддингтон, кажется, начал новую жизнь, — проговорила она. — Вы обратили внимание — с самого его возвращения из Перу у нас ещё не было ни одного происшествия! Ни единого!

Миссис Бёрд поспешно постучала по дереву и направилась к выходу.

— Не будите лихо, — посоветовала она. — Оглынуться не успеете, как он опять набедокурит.

Миссис Бёрд совершенно не улыбалось оставлять Паддингтона дома одного, особенно почти сразу после его возвращения из Перу. У неё было свое, и очень твёрдое понятие, к чему это приводит, а то, что, если не считать истории с акци-

ей, последние дни прошли без происшествий, ничуть не повлияло на её мнение.

Впрочем, останься она дома и понаблюдай за медвежонком, даже она вряд ли сумела бы усмотреть что-либо предосудительное в его поведении, по крайней мере в следующие несколько минут.

Доев свой завтрак, Паддингтон аккуратно вытер усы салфеткой, которую миссис Браун выдала ему в надежде, что скатерть тогда останется чистой, а потом вышел через застеклённую дверь на террасу и там постоял немного, вдыхая утренний воздух.

Паддингтон вообще любил лето, а больше всего он любил летом сад мистера Брауна, который для Лондона был очень большим садом, и в нём росли самые разные цветы и кустарники, каждый со своим особым запахом.

Впрочем, покоем он наслаждался совсем недолго, потому что, только он поставил поудобнее шезлонг и собрался усесться в него, чтобы как следует погреться на солнышке, из-за забора раздался хорошо знакомый голос.

— Доброе утро, медведь, — сказал голос.

Паддингтон так и подскочил.

— Доброе утро, мистер Карри, — произнёс он с некоторым сомнением, вежливо приподняв шляпу.

Хотя после своего возвращения он уже несколько раз махал мистеру Карри через забор, встречаться лицом к лицу им ещё не доводилось,

и Паддингтон со страхом ждал этого момента. Как вы помните, в последний раз они виделись на торжестве в честь его отъезда, а тогда ведь он испортил десятишиллинговую купюру мистера Карри, да ещё случайно выдрал подкладку из его пиджака. Мистер Карри, понятное дело, очень рассердился, и Паддингтон так и не понял, помирились они или нет.

Впрочем, вопреки обыкновению, сосед Браун выглядел вполне добродушно: он не то чтобы просиял, увидев медвежонка, но, когда перевесился через забор, даже изобразил некоторое подобие улыбки.

— Хорошо съездил в Перу, медведь? — поинтересовался мистер Карри.

— Да, очень хорошо, спасибо, — совершенно честно ответил медвежонок.

Мистер Карри помахал здоровенной деревянной кувалдой.

— Надеюсь, ты, медведь, не откажешься мне помочь, — сказал он как бы между прочим. — Я тут забиваю вешки, а с одной парой рук это очень неудобно.

Мистер Карри помог Паддингтону пролезть через дырку в заборе, не переставая бубнить про всякие свои хозяйственные заботы.

— Я отметил, куда их надо вбивать, — продолжал он, едва Паддингтон разогнулся. — Всего их будет сто пятьдесят штук. Я сейчас покажу тебе, как с ними обращаться, и ты можешь приниматься за дело, а я тем временем схожу в магазин. За

краской, чтобы покрасить дверку в окошке между кухней и столовой — когда оно будет готово.

Мистер Карри перевёл дух.

— Вряд ли ты успеешь забить все вешки к моему возвращению, но если вдруг успеешь, можешь пойти набрать битого кирпича. Я делаю из него подкладку под цемент, и того, что есть, мне не хватило. Если наберёшь, я, может, даже дам тебе десять пенсов. Но учти, — добавил он, прежде чем Паддингтон успел вставить хоть слово, — это должен быть полноценный битый кирпич, а не какой-нибудь там мусор. И не вздумай таскать камни с моей альпийской горки. Ну, давай, медведь, за дело! — рявкнул он, вручая Паддингтону кувалду. — Не стой столбом. Мне ещё надо по магазинам, да и вообще кое-куда успеть сегодня утром.

Мистер Карри вытянул из лежавшей поблизости стопки вешку и обеими руками старательно вогнал её в землю.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь, как я кивну головой, бей по ней кувалдой.

Паддингтон уставился на мистера Карри, всё ещё отказываясь верить своим ушам, но когда тот закрыл глаза и, чтобы показать, что всё готово, принялся яростно кивать головой, Паддингтон решительно взял кувалду в обе лапы и размахнулся.

Через минуту улицу Виндзорский Сад огласил громкий вопль, и эхо заметалось, отскакивая от стен.

Паддингтон в ужасе отпрыгнул и выронил кувалду, потому что, к его огромному удивлению, вместо того чтобы похвалить его за работу, мистер Карри выпустил вешку, издал ещё один пронзительный вопль и принялся пританцовывать на месте, обхватив обеими руками голову.

— Медведь!!! — орал он вслед Паддингтону, улепётывавшему через дырку в заборе. — Медведь! Где ты, медведь? А ну вернись, медведь!

Но Паддингтона и след простыл. Только по лёгкому шевелению малиновых кустов можно было догадаться, где он находится, да и кусты немного покачались и замерли, так что мистер Карри прекратил пялиться через забор и пошёл обратно к дому.

Ещё несколько минут до Паддингтона доносились издали буханье дверей и шипение воды, текущей из крана, а в конце концов раздался последний, самый громкий хлопок — это захлопнулась входная дверь мистера Карри, — после чего

медвежонок облегчённо вздохнул, встал с земли и отряхнулся.

Немного поколебавшись, Паддингтон всё-таки набрался храбрости, пролез через дыру в заборе и мрачно уставился на недоделанную дорожку мистера Карри.

Сосед Браунов отличался умением перетолковывать чужие слова в свою пользу, так что потом уже было и не разобрать, где правда, а где нет, но в одном Паддингтон был уверен твёрдо: он вовсе не подписывался помогать мистеру Карри забить эту несчастную вешку — и уж тем более не подряжался забивать все сто пятьдесят.

Тем более что, приглядевшись к стопке вещей повнимательнее, он обнаружил, что их даже больше, чем ему казалось поначалу. Да ещё, в довершение всех бед, мистер Карри, уходя, прихватил с собой кувалду.

Паддингтон добросовестно попытался вколотить несколько вещей половинкой кирпича, но вскоре бросил это занятие за полной безнадёжностью и потрусил по дорожке в сторону соседского дома.

Мистер Карри впопыхах оставил заднюю дверь открытой настежь, и через несколько минут Паддингтон крадучись пробрался в кухню.

Шторы были опущены, и медвежонок несколько раз моргнул, чтобы глаза привыкли к полумраку, а проморгавшись, встал как вкопанный и в изумлении уставился перед собой; мысль о том, чтобы разыскать пропавшую кувалду, мигом вылетела у него из головы.

Он довольно давно не был у мистера Карри в кухне, но в общих чертах помнил, как она раньше выглядела, — стены грязновато-коричневого цвета, не имевшие ничего общего с тем, что теперь предстало его глазам.

В целом, если не считать мешка с инструментами в одном углу и нескольких явных недоделок, кухня теперь очень напоминала фотографию из какого-нибудь иллюстрированного журнала миссис Браун, и даже, пожалуй, собственную свежееотделанную кухню миссис Браун. Стены были покрыты блестящей белой краской,

пол — такой же блестящей чёрной, и даже плита и холодильник выглядели совершенно новенькими.

Чем больше Паддингтон стоял и смотрел, тем задумчивее становилось выражение его мордочки. Возле одной стены он увидел деревянную рамку и две дверцы, и всё это напомнило ему фразу, которую сказал мистер Карри, помогая ему перелезть через забор:

— Я как раз заканчиваю отделывать кухню, медведь. Осталось только оборудовать окошко в гостиную, и всё будет готово.

После этого мистер Карри принялся ворчливо перечислять все недоделки, с которыми ему ещё предстояло разобраться, но тогда голова у Паддингтона была слишком занята вешками и он не особо вслушивался. Теперь же чем больше он об этом думал, тем очевиднее становилось, что ему представилась блестящая возможность загладить утреннюю вину.

Через несколько минут по улице Виндзорский Сад разнёсся громкий стук молотка. За ним последовал глухой удар — это из стены вывалился кирпич, за ним другой, и постепенно на кухонном полу у задней двери их образовалась целая груда.

Судя по тому, что мистер Карри успел рассказать о своих незавершённых начинаниях, не могло быть никаких сомнений в том, что он страшно обрадуется, если, придя домой, обнаружит, что окошко уже прорублено и даже дверцы вставлены

на место. Впрочем, даже если дверцы и не будут вставлены, ему наверняка понравится, что дело, по крайней мере, сдвинулось с места.

Да и, честно говоря, крушить стену оказалось куда занятнее, чем забивать вешки. После того как был вынут первый кирпич, который пришлось довольно долго выковыривать с помощью стамески, дело пошло на лад: оставалось только лупить посильнее куда ни попадя и вовремя отпрыгивать в сторону, чтобы куски покрупнее, отваливаясь от стены, тебя не задели.

Вскоре в воздухе повисло такое густое облако пыли, что почти ничего не стало видно, однако, когда последний кирпич шмякнулся на пол,

Паддингтон как смог тщательно обозрел результаты своего труда сквозь зажмуренные веки, а потом старательно измерил дырку лапами, чтобы убедиться, что не ошибся с размером.

Аккуратно вставив рамку на место и пригнав её с обеих сторон деревянными клиньями, Паддингтон навесил дверцы на петли, а потом отошёл в сторонку — подождать, когда осядет пыль и можно будет полюбоваться результатами работы.

Воздух постепенно становился всё чище и чище, а Паддингтон гордился собой всё больше и больше. Ну, не то чтобы дырка получилась совсем уж ровной, да и на стене вокруг осталось несколько довольно неопрятных отпечатков лап, но, если не считать этих мелочей, ему, пожалуй, никогда ещё не удавалось так замечательно справиться с работой, и не было никаких сомнений, что и мистер Карри тоже останется доволен, когда увидит дело его лап.

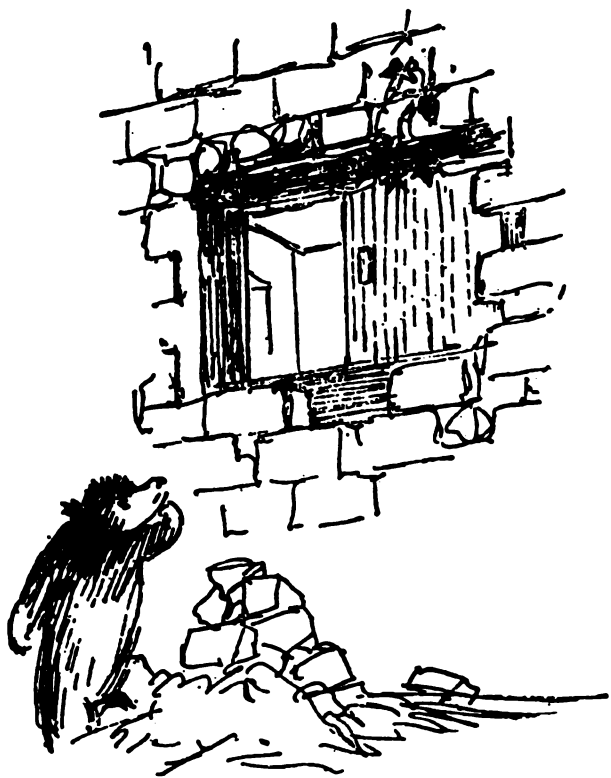
Запустив одну лапу в банку с мармеладом, Паддингтон другой небрежно распахнул одну створку, чтобы проверить, хорошо ли она открывается.

И тут же довольное выражение, как по волшебству, исчезло с его мордочки и он чуть не свалился на пол от удивления, потому что за открытой дверцей ему предстал совершенно неожиданный вид.

С тех пор как он поселился у Браунов, ему приходилось видеть дом номер тридцать два по улице Виндзорский Сад с самых разных сторон

и под самыми разными углами, но ему никогда, даже в самом жутком кошмаре, не могло примерщиться, что когда-нибудь он увидит свой дом сквозь окошко в доме мистера Карри, которое, по идее, должно было соединять кухню со столовой.

Паддингтон застыл на месте, будто у него лапы приросли к полу, а потом бросился на улицу, протирая по дороге глаза, чтобы убедиться, что всё это происходит наяву, а не в страшном сне.

Когда он рассмотрел стену с внешней стороны, оправдались самые печальные его ожидания, а там постепенно стало ясно, что́ же именно произошло. Он так торопился управиться с делом, что забыл, что хотя дом мистера Карри был практически точной копией дома Браунов — они ведь стояли по соседству, — но всё здесь было как бы в зеркальном отражении, и та стена, за которой у Браунов находилась столовая, у мистера Карри была наружной.

Паддингтон попытался сообразить, что же теперь делать, и мордочка у него вытягивалась всё сильнее. Как ему доложила миссис Бёрд, мистер Карри в последнее время усердно занимался у себя в доме всякими переделками и усовершенствованиями, и Паддингтон отчётливо понимал, что в переделку-то он точно попал, а вот можно ли назвать дыру в наружной стене усовершенствованием, это ещё вопрос.

На земле, прямо под дырой, были грудой навалены обломки кирпича; медвежонок предпринял две-три попытки приспособить их на прежнее место, но вскоре понял, что это дело безнадёжное.

Трудно сказать, сколько времени он простоял в глубокой задумчивости, — из оцепенения его вывел стук задней калитки мистера Карри.

Паддингтон в смятении бросился за дом, на встречу соседу, и успел перехватить его на полдороге. Если не считать куса пластыря на голове, мистер Карри выглядел ничуть не хуже, чем до утреннего происшествия. Тем не менее, когда

они столкнулись нос к носу, физиономия у него помрачнела.

— Что ты тут ещё такое затеял, медведь? — проворчал он.

— Что я такое затеял? — переспросил Паддингтон, пытаясь выиграть время.

Мистер Карри с подозрением посмотрел на припорошенный пылью мех медвежонка, потом взгляд его упал на гору битого кирпича возле кухонной двери, и физиономия его прояснилась, как по волшебству.

— А ты неплохо потрудился, медведь, — произнёс он одобрительно и принялся шарить в кармане. — Я обещал тебе десять пенсов, и, должен признать, ты честно их заработал.

— Большое спасибо, мистер Карри, — сказал Паддингтон, с некоторым сомнением принимая монетку. — Я их пока не стану тратить — на случай, если придётся вам вернуть.

— Что? — изумился мистер Карри. — Чепуха! Разумеется, не придётся. Битый кирпич — как раз то, что мне нужно, чтобы сделать в саду дорожку.

— Я бы не стал делать из этого кирпича дорожку, мистер Карри, — озабоченно возразил Паддингтон. — Он, может быть, ещё понадобится вам для чего-нибудь другого.

Мистер Карри громко фыркнул и взялся за лопату.

— Не делать из него дорожку, — повторил он. — Ты можешь назвать хоть одну причину, по-

чему я не должен делать из него дорожку, а, медведь?

Паддингтон с несчастным видом наблюдал, как мистер Карри перебрасывает куски кирпича в уже подготовленную канавку, а когда через некоторое время он вылил сверху полную тачку цементного раствора, Паддингтон и вовсе приуныл.

— Вот так! — потирая руки, проговорил мистер Карри. — Теперь, как схватится, зубами не отдерёшь. — Он повернулся, но, уже второй раз за день, выяснилось, что он разговаривает с пустотой — его слушатель исчез из виду, как исчезли, скрывшись под слоем цемента, обломки кирпичей.

Паддингтон ни минуты не сомневался, что может назвать не одну, а десяток очень веских причин, почему именно этот битый кирпич ни в коем случае не следует заливать цементом. С другой стороны, не сомневался он и в том, что будет куда лучше, если мистер Карри обнаружит эти причины самостоятельно, причём желательно в отдалённом и туманном будущем, когда виновник всего случившегося будет уже очень, очень далеко.

Паддингтон сел в кроватке, держа в лапе градусник.

— Я, наверное, заболел свинкой, миссис Бёрд, — объявил он слабым голосом. — У меня сорок и две десятых!

— Сорок и две десятых! — Миссис Бёрд встревоженно выхватила у него градусник. — А, да это не уровень ртути, глупышка. Это мармеладная корочка к градуснику прилипла.

Миссис Браун внимательно осмотрела медвежонка.

— Он весь в каких-то красных пятнах, — признала она. — Под мехом, конечно, толком не разглядишь, но, может, это действительно свинка.

— Гм-м, — с сомнением протянула миссис Бёрд. — Может, конечно, и она. Только я впервые вижу, чтобы сыпью покрывались не только больной, но и его простыня с пододеяльником.

— А они, наверное, от меня заразились, — не собирався сдаваться Паддингтон. — Я ведь до них дотрагивался.

Миссис Браун вопросительно посмотрела на свою домоправительницу.

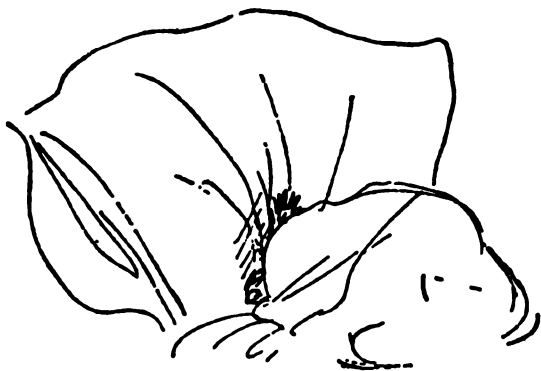
— По-моему, больше похоже на кирпичную крошку, — высказалась она.

Миссис Бёрд бросила взгляд в окно, на соседский дом.

— Кстати, о кирпичной крошке, Паддингтон, — проговорила она. — Я чуть не забыла, к тебе только что приходил мистер Карри.

— О господи! — так и ахнула миссис Браун, потому что из глубин Паддингтоновой кровати раздался горестный стон. — Что с тобой такое?

— У меня, кажется, обострение, — объявил из-под одеяла чуть слышный голосок. — Мне, наверное, лучше пока не разговаривать.

— Жалко, — сказала миссис Бёрд. — Потому что мистер Карри попросил передать тебе десять пенсов.

— Десять пенсов! — воскликнул Паддингтон, подпрыгивая и садясь. — Но он уже дал мне десять пенсов!

— Выходит, — рассудила миссис Бёрд, — теперь у тебя двадцать.

— Он очень доволен тем, какое ты ему прорубил окошко, — пояснила миссис Браун. — Ему со всех сторон говорят комплименты. Молочник. Булочник. Разносчик из бакалеи. Всем им страшно понравилась его идея. Мистер Карри собирается приделать изнутри шкафчик, чтобы продукты ставили прямо в него, и теперь не придётся каждый раз бегать открывать дверь.

— Уж если он придумает что-то такое, чего больше ни у кого нет, его просто распирает от гордости, — фыркнула миссис Бёрд. — Как он

только не лопнет. Теперь мы с утра до вечера только об этом окошке и будем слышать, попомните мои слова.

— Идея и правда неплохая, — заметила миссис Браун, остановившись в дверях. — Впрочем, — добавила она, — не могу не признать: хорошо, что Джуди перехватила молочника возле нашей двери.

— И хорошо, что Джонатан поговорил с булочником, — добавила миссис Бёрд.

— Да, иначе мне и в голову бы не пришло шепнуть словечко-другое разносчику из бакалеи, — всгавила миссис Браун.

— И хорошенькие бы тогда у нас были дела! — подвела итог миссис Бёрд.

После этого она посмотрела на кровать, но единственным ответом ей был громкий стон — похоже, у медвежонка приключилось очередное обострение.

Впрочем, хотя стон и был издан на совесть — протяжный и чрезвычайно заунывный, — судя по тому, как торчали Паддингтоновы усы, случайно высунувшиеся из-под одеяла, нельзя было исключить, что пациент выздоровеет в весьма недалёком будущем.

— По моим прогнозам, приблизительно к чаю, — прикинула миссис Браун, закрывая за собой дверь.

— А возможно, и раньше, — согласилась миссис Бёрд. — Я ведь собираюсь печь пирог с паточкой.

— В таком случае наверняка раньше, — подтвердила миссис Браун, — потому что ничто не излечивает больных свинкой медведей так быстро и надёжно, как запах свежего пирога с патокой!

СТРИЖКИ ОТ МИШКИ

Услышав про приключения в доме у мистера Карри, друг Паддингтона мистер Крубер тихонько усмехнулся.

— И всё-таки всё хорошо, что хорошо кончается, мистер Браун, — рассудил он, когда оба они устроились в шезлонгах на тротуаре перед входом в его антикварную лавку; тут же стоял поднос с булочками и две чашки дымящегося какао. — Хотя, должен сказать, если бы даже всё кончилось плохо, так мистеру Карри и надо. Был бы ему урок — не переваливать свою работу на чужие плечи. Хотя не могу не признать, мистер Браун, — продолжал мистер Крубер, — что в наши дни ох как нелегко найти дельного помощника, так что не будем уж слишком осуждать вашего соседа.

При этих словах мистер Крубер грустно покачал головой.

— Вы просто не представляете, как туго приходилось мне в последнее время. Лишнюю пару рук попробуй найди, а покупатели не желают ждать, просто разворачиваются и уходят. А уж если помощник попадётся никудышный, он и во-все распугает всех посетителей. Да ещё сейчас самое горячее время, потому что все американцы словно сговорились проводить отпуск в Англии.

И мистер Крубер пустился объяснять, что в Соединённых Штатах пошла мода на самые разные английские антикварные вещички, поэтому кроме туристов к нему наведываются ещё и торговцы антиквариатом и скупают всё, что попадётся им на глаза.

Мистер Крубер повёл рукой, указывая на блестящие медные котлы и кастрюли, вазы, книги, статуэтки и прочие безделушки, которые громоздились вдоль стен его лавки и, не уместившись внутри, расплзались по тротуару.

— Должен сказать, мне очень не хватало вашей помощи, мистер Браун, — продолжал мистер Крубер. — Я уж не говорю о том, какое удовольствие доставляют беседы с вами, но в наше время юные медведи, разбирающиеся в антиквариате и знающие счёт деньгам, просто на вес золота.

Мистер Крубер ненадолго исчез в лавке и вскоре вернулся со старинной вазочкой.

— Что вы скажете об этой вещице, мистер Браун? — спросил он как бы между делом, поднимая вазочку к свету.

Паддингтон от души удивился такому элементарному вопросу.

— Споуд раннего периода, мистер Крубер*, — ответил он, даже не задумавшись.

Мистер Крубер одобрительно кивнул.

— Вы совершенно правы, — подтвердил он. — Но вы и вообразить себе не можете, сколько на свете людей, которым это решительно невдомёк. Представляете, мистер Браун, в ваше отсутствие тут работал один молодой человек, так он обозвал эту вазочку «горшком» и чуть было не продал за пятьдесят пенсов** только потому, что у неё краешек отколот. Я её едва спас.

Мистер Крубер замолчал и задумчиво приложил отбитый кусочек фарфора на место, Паддингтон же чуть не вывалился из шезлонга от изумления: неужели на свете бывают люди, которые не знают, что такое старинный фарфор и каким он бывает ценным!

* Вазочка, которую мистер Крубер показывает Паддингтону, изготовлена в начале XIX века на фабрике, принадлежавшей Джозаие Споуду II (а основал её его отец, Джозаиа Споуд I). Именно на фабрике Споуда был впервые изготовлен очень тонкий и прочный, так называемый костяной фарфор. Изделия фабрики Споуда принадлежат к самым ценным видам английского фарфора, и имя это в Англии очень хорошо известно — но, разумеется, только среди ценителей и знатоков искусства!

** Пока Паддингтон гостил у тёти Люси, в Англии произошла денежная реформа: вместо старых фунтов, которые делились на двадцать шиллингов, а те, в свою очередь, на двенадцать пенсов, ввели систему попроще: один фунт состоит из ста пенсов. Дело было в 1972 году.

— Продать вазочку Споуда за пятьдесят пенсов! — воскликнул он, отказываясь верить своим ушам.

— Ну, не будем к нему так уж строги, — примирительно сказал мистер Крубер. — Не всем ведь, мистер Браун, одинаково везёт в жизни. Вот вы, например, столько времени провели в моей лавке, что знаете об антиквариате не меньше моего. Если вы когда-нибудь решите основать своё дело, немногие сумеют с вами тягаться.

Паддингтон ужасно обрадовался этим словам своего друга. Мистер Крубер был не особо щедр на похвалы, но уж если хвалил, то хвалил за дело.

— Давайте я вам помогу, мистер Крубер, — склею эту вазочку! — предложил он.

Мистер Крубер посмотрел на него поверх очков, и во взгляде его читалось сомнение. Конечно, он очень ценил Паддингтона и не собирался брать свою похвалу обратно, но при этом помнил, что даже самые крупные знатоки не всегда добиваются успеха, особенно если речь идёт о медведях. Будучи, однако, человеком добрым, он лишь секунду поколебался, а потом кивнул.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Браун, — сказал он. — Я уверен, вы станете обращаться с ней очень осторожно. Не забывайте, пожалуйста: семь раз отмерь — один раз отрежь.

— Не забуду, мистер Крубер, — пообещал Паддингтон, аккуратно укладывая вазочку и отбитый черепок поверх капустных кочанов на дно своей хозяйственной сумки на колёсиках.

Мистер Крубер выдал ему несколько монеток на покупку тюбика клея в ближайшем канцелярском магазине, после чего Паддингтон помахал ему на прощание и зашагал к дому с задумчивым выражением на мордочке.

Он, конечно, никому об этом не говорил, но история с поддельной акцией нефтяной компании по-прежнему не давала ему покоя. Мало того что целое состояние, можно сказать, в последний момент выскользнуло из лап, он ещё и потерял банковские проценты за целый день, потому что не сразу положил на счёт сдачу с подарков, так что теперь надо было как-то компенсировать эти убытки.

Когда мистер Крубер упомянул, что он мог бы основать своё дело, медвежонок вдруг вспомнил про объявление, которое видел утром в одной из витрин.

Тогда он не обратил на него особого внимания, но теперь, оказавшись перед этой самой витриной и посмотрев на него снова, не на шутку заинтересовался.

Рядом с витриной стоял высокий полосатый столб, а над витриной красовалась вывеска:

МУЖСКОЙ
ПАРИКМАХЕРСКИЙ
САЛОН
С. СЛУПА

и тут же, в витрине, висело незамысловатое объявление:

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ РАСТОРОПНЫЙ ПОМОЩНИК

а ещё ниже мистер Слуп приписал корявыми большими буквами, что усердного молодого человека, желающего изучать парикмахерское дело, ждёт хорошее жалованье.

Паддингтон довольно долго стоял и пыхтел, так что стекло в витрине совсем запотело; вдруг он обнаружил, что с противоположной стороны его рассматривают с не меньшим интересом.

Решив не тянуть больше кота за хвост, Паддингтон толкнул дверь парикмахерской, втащил внутрь свою сумку на колёсиках и, вежливо приподняв шляпу, пожелал владельцу доброго утра.

— Доброе утро, — приветливо отозвался мистер Слуп, протягивая руку за чистой простыней. — Ну, какой фасончик желаете? Сзади и с боков покороче или, может быть, «специальный комплекс»? Мытьё головы, стрижка и укладка всего за один фунт. Больше того скажу — с утра посетителей немного, так что я вам сделаю специальную медвежью скидку, всё то же самое за семьдесят пять пенсов.

Паддингтон опасливо отступил, потому что мистер Слуп застрекотал ножницами совсем рядом с его головой.

— Я не стрижусь пришёл, — пояснил он, для надёжности нахлобучив шляпу по самые уши. — Я хочу устроиться на работу.

— Устроиться на работу? — Мистер Слуп так опешил, что даже утратил всю свою любезность и ошарашенно уставился на медвежонка.

— В витрине написано, что вам нужен расторопный помощник, — не теряя надежды, проговорил Паддингтон.

— Да уж... — Мистер Слуп отступил на шаг и придиричиво осмотрел медвежонка. — Хорошей рекламы заведению из тебя не получится. У меня тут парикмахерская, а не мастерская художника. Для начала придётся подстричь тебе усы.

— Подстричь усы! — возмущённо воскликнул Паддингтон. — Но у меня всю жизнь были усы!

Мистер Слуп призадумался.

— Пожалуй, можно будет поставить тебя в витрине как рекламу «до и после стрижки», — мрачно произнёс он. — Только учти, я пока ещё не согласился. Впрочем, что там говорить, бюро по найму меня здорово подвело. В наше время никто не хочет ходить со шваброй и выметать волосы.

— Медведи со швабрами хорошо управляют-ся, — заверил его Паддингтон. — Волосы я, правда, ещё не выметал, но я часто помогаю миссис Бёрд по утрам.

— И ещё будут всякие поручения, — продолжал мистер Слуп. — Тебе много придётся бегать по поручениям. И оставаться за главного, когда я буду уходить по утрам пить кофе. Будешь развлекать клиентов, чтобы не ворчали, почему меня нет. И ещё следить, чтобы было чисто. На не-

деле-то я управляюсь, а вот в выходные просто беда. В субботу по утрам у меня просто пар идёт от ножниц.

При одной мысли об этом мистер Слуп утёр пот со лба, а потом придирчиво посмотрел на медвежонка.

— Некоторым может показаться, что это не лёгкая работа за... э-э... пять фунтов в неделю.

— Пять фунтов! — воскликнул Паддингтон, чуть не свалившись на пол при мысли о такой куче денег. — Каждую неделю! На сорок булочек хватит!

— Тогда договорились, — поспешил закруглить дело мистер Слуп, чтобы медвежонок вдруг не передумал. — Впрочем, учти, я беру тебя на испытательный срок, — добавил он. — И не вздумай исподтишка читать комиксы за моей спиной. Но если будешь вести себя примерно и работать на совесть, я, может, через недельку дам тебе ножницы на пробу.

— Большое спасибо, мистер Слуп, — поблагодарил Паддингтон.

Раньше он довольно часто останавливался у витрины парикмахерской и смотрел, как мистер Слуп, орудуя ножницами, стрижёт клиентов, поэтому возможность попробовать это самому страшно его вдохновила.

Мистер Слуп удовлетворённо хлопнул в ладоши и облизал губы.

— Тогда нечего тянуть резину, — объявил он. — Пойду-ка я выпью кофе прямо сейчас.

Воспользуюсь, так сказать, затишьем среди бури. Швабра стоит вон в том шкафчике. Когда подметёшь пол, можешь заодно ополоснуть раковины, только смотри, там бритвы, лапы не порань. Ещё не хватало мне пятен медвежьей крови по всему залу — сразу испортишь репутацию заведению.

Проинструктировав, таким образом, медвежонка, мистер Слуп добавил, что скоро вернётся, и немедленно исчез, оставив замороженного Паддингтона стоять посреди парикмахерской.

Оказалось, что стричь волосы — дело куда более сложное, чем кажется на первый взгляд: салон мистера Слупа был совсем невелик, а всяких приспособлений и штукovin там было не меньше, чем в большом магазине.

Вдоль одной стены стояли сиденья для посетителей и лежали газеты, чтобы читать их, пока дожидаясь своей очереди. К той же стене были пришпилены вырезанные из журналов фотографии, демонстрирующие всевозможные причёски.

У дальней стены высился большой шкаф, увешанный множеством объявлений. Мистер Слуп, судя по всему, не слишком доверял своим ближним, потому что по большей части объявления касались оплаты и того, что чеки тут не принимаются ни под каким видом и в кредит не стригут.

Но больше всего Паддингтона заинтересовала рабочая часть зала, где стояло собственно парикмахерское кресло. Практически всю стену зани-

мало огромное зеркало, а на полочке перед зеркалом во много рядов теснились всякие флакончики. Здесь были помады для волос, шампуни, гели, питательные бальзамы, маски... список можно было продолжать до бесконечности, и пока Паддингтон открывал и перенюхивал все самые интересные бутылочки, прошло немало времени.

Только после того, как, пытаясь потренироваться в работе с ножницами, он чуть было не отхватил кусок собственного уса, Паддингтон вернулся с небес на землю и вспомнил, что ещё даже не принимался за работу. Он поспешил к шкафчику, открыл дверцу и обнаружил там целый склад старых швабр и метёлок, не говоря уже о белых халатах, полотенцах и прочих полезных вещах.

Судя по всему, мистеру Слупу уже давненько не удавалось найти расторопного помощника, потому что в шкафчике царил жуткий беспорядок,

и Паддингтон потратил массу времени на то, чтобы разобраться, какая ручка относится к какой швабре, а ещё больше на то, чтобы выбрать швабру поновее.

В самый разгар этой неразберихи медвежонок краем уха услышал из своего дальнего угла звяканье колокольчика, а потом до него дошло, что с ним кто-то разговаривает.

— Эй, собирается тут кто-нибудь меня обслуживать? — донёсся со стороны кресла голос с сильным американским акцентом.

Паддингтон выкарабкался из шкафчика и устоялся через весь зал на парикмахерское кресло: в нём, скрестив руки и закрыв глаза, лежал обладатель голоса и явно чего-то дожидался.

— Подстригите, пожалуйста, — попросил он, услышав возню у себя за спиной. — Не слишком длинно, не слишком коротко, затылок не трогайте. Да поживее. Мне надо успеть на самолёт, а перед тем ещё паковаться и паковаться. Да что это такое? — раздражённо продолжал голос, когда Паддингтон подбежал к дверям и принялся высматривать мистера Слупа. — Я ведь в парикмахерскую попал, разве нет? Так будут здесь меня стричь? Я одного хочу — поскорее вернуться в гостиницу и немного вздремнуть перед отлётом. Совсем вымотался, целую неделю на ногах...

Голос незнакомца перешёл в громкий зевот, и когда Паддингтон снова повернулся к креслу, до него, как это ни удивительно, донёсся не свежий поток жалоб, а негромкое мирное похрапывание.

Паддингтону и раньше доводилось видеть, как быстро иногда люди засыпают — в особенности этим отличался мистер Браун в воскресенье после обеда, — но до этого американского дяденьки мистеру Брауну было далеко. Медвежонок немного постоял посреди зала, тревожно поглядывая на фигуру в кресле, и постепенно озабоченное выражение на его мордочке сменилось заинтересованным.

Да, дяденька в кресле, безусловно, заснул, но факт остается фактом: он ужасно спешит. Сам же просил подстричь его поживее. И хотя мистер Слуп не давал разрешения с первого же дня стричь клиентов, он упомянул, что через недельку скорее всего даст попробовать, а главное, что Паддингтон запомнил: в его обязанности входит следить, чтобы клиенты не ворчали.

А уж если в чём и не было никаких сомнений, так это в том, что если, проснувшись, американский дяденька обнаружит, что его ещё даже не начинали стричь, он разворчится в полную силу.

Поразмыслив как следует на эту тему, Паддингтон наконец принял решение. Аккуратно, чтобы не разбудить спящего, он обмотал ему шею простынёй и снял с крючка электрическую машинку, висевшую наготове.

Несколько раз чиркнув ею в воздухе для тренировки — чтобы привыкнуть к тому, как она немножко щекочет лапу, — Паддингтон аккуратно приложил машинку к дяденькиному затылку и сделал широкий, плавный жест — он раньше не

раз видел, что именно так поступает мистер Слуп.

Нельзя сказать, чтобы первая попытка оказалась очень удачной. Машинка срезала куда больше, чем он предполагал, и на затылке сбоку появилась длинная белая дорожка. Проведя по затылку с другой стороны, медвежонок, наоборот, срезал куда меньше, чем рассчитывал, и пришлось убить несколько минут на то, чтобы подравнять обе стороны до одного уровня, — при этом приходилось ещё всё время оглядываться на дверь, а вдруг мистер Слуп вернётся раньше, чем он успеет поправить свой недочёт.

Так и вышло, что следующие несколько минут Паддингтон смотрел в окно чуть ли не чаще, чем себе под лапы. Когда он наконец повнимательнее взгляделся в клиента, по-прежнему похрапывавшего в кресле, у него чуть глаза не вылезли на лоб от удивления.

А потом машинка выпала у него из лапы, и он так и прирос к месту, вылупившись на дяденькину голову. До начала стрижки на голове целой копной росли густые тёмные волосы; теперь же, если не считать нескольких прядок возле ушей и на шее, голова была практически лысой.

А самое удивительное, что произошло это всё в мгновение ока, ведь ещё секунду назад волосы были на месте, в этом не могло быть никаких сомнений.

Происшествие было в высшей степени загадочное; Паддингтон с понурым видом уселся на

свой чемодан и крепко задумался. Он уже начал жалеть, что не попросил своё жалованье вперёд, потому что чем больше он размышлял о сложившемся положении, тем слабее ему верилось, что мистер Слуп заплатит ему хотя бы за один день, не говоря уже о целой неделе.

И вот тут-то, сидя на чемодане, он внезапно углядел на полке у себя над головой примечательный флакончик. Флакончик был довольно вместительный, и на него была наклеена этикетка, изображавшая нескольких дяденек с роскошными, блестящими, чёрными волосами. Но Паддингтона заинтересовала не столько картинка, сколько крупная красная надпись под ней, которая гласила:

**БЫСТРОДЕЙСТВУЮЩИЙ
ВОССТАНОВИТЕЛЬ ДЛЯ ВОЛОС
ДОКТОРА СПУНЕРА**

Паддингтон был из тех медведей, которые до последнего не теряют надежды, однако, вылив дяденьке на голову несколько ложек густой жёлтой жидкости, он вынужден был признать, что требует от лосьона доктора Спунера слишком многого. Для надёжности он даже достал свой бинокль, но и это не помогло — сквозь увеличительные стёкла голова выглядела такой же гладкой и безволосой.

От отчаяния Паддингтон уже начал было прикидывать, не сбегать ли в соседний хозяйственный магазин за быстросохнущей чёрной краской,

чтобы закрасить хотя бы самое ужасное, но тут взгляд его упал на хозяйственную сумку на колёсиках, стоявшую в уголке, и глаза у него заблестели.

Осторожно вытащив вазу мистера Крубера и поставив её для сохранности на полку, Паддингтон принялся рыться в сумке и наконец нашёл то, что искал.

Правда, клей был куплен на деньги мистера Крубера и предназначался исключительно для того, чтобы привести в порядок вазочку, но вряд ли его друг станет возражать, если в такой вот отчаянной ситуации Паддингтон употребит часть клея на другое полезное дело, а ситуация, вне всякого сомнения, была отчаяннее некуда.

Следующие несколько минут медвежонок был страшно занят. Он накапал дяденьке на голову клея, а потом принялся ползать по полу и собирать волосы, которыми можно было бы заклеить лысину. По счастью, поскольку у мистера Слупа не было помощника, пол всё утро не подметали, и выбор был достаточно велик.

Наконец Паддингтон отступил на шаг и с интересом обозрел результаты своих трудов. В целом он остался доволен. Да, конечно, дяденькина голова выглядела не совсем так, как вначале, когда он только сел в кресло, — на ней, среди длинных и прямых чёрных прядей, появились рыжие кудряшки и светлые завитушки, и некоторые из них торчали под довольно странным углом, но, по крайней мере, лысина оказалась прикрыта,

так что медвежонок с облегчением вздохнул и вытер лапы о висевшее рядом полотенце.

Он как раз пытался, для полной красоты, поаккуратнее уложить особенно непослушную рыжую кудряшку, когда фигура в кресле, к его тревоге, зашевелилась.

Паддингтон мигом обежал вокруг кресла и встал между клиентом и зеркалом.

— С вас два пятьдесят, пожалуйста, — проговорил он деловитым тоном, предварительно сверившись с прейскурантом на стене, и с надеждой протянул лапу.

Дяденька, наверное, удивился, увидев у себя под носом Паддингтонову лапу, но это ни в какое сравнение не шло с тем, что с ним произошло

через секунду, когда он увидел в зеркале своё отражение.

В один прыжок вылетев из кресла, он отпихнул медвежонка в сторону и несколько секунд стоял, таращась на то, что предстало его глазам. Поначалу он, похоже, онемел, а потом издал гневный вопль и схватил первое, что попало под руку.

Паддингтон же испытывал уже не тревогу, а настоящий ужас, потому что дяденька схватил с полки его вазочку и, похоже, собирался грохнуть её об пол.

— Осторожно! — крикнул медвежонок. — Это Споуд мистера Крубера!

К его невероятному изумлению, эти слова произвели впечатление, да ещё какое! Рука дяденьки застыла на полдороге, потом опустилась, а сам дяденька уставился на вазочку, словно отказываясь верить своим глазам.

— Спасибо большое, — поблагодарил его Паддингтон, отбирая вазочку и осторожно укладывая её в сумку на колёсиках. — У неё и так краешек отбит, и я боюсь, мистер Крубер ужасно расстроится, если она совсем разобьётся. Если хотите, можете разбить какую-нибудь бутылочку мистера Слупа, — добавил он великодушно. — Там, в шкафу, у него полно старых.

Дяденька глубоко вздохнул, ещё раз глянул на своё отражение в зеркале, вытер лоб дрожащей рукой, а потом снова повернулся к Паддингтону.

— Слушай-ка, медведь, — заговорил он. — Я понятия не имею, что здесь такое происходит. Может, мне просто снится дурной сон и через минуту я проснусь, но этот мистер Крубер — он что, твой друг?

— Самый лучший друг, — подтвердил Паддингтон с гордым видом. — Мы каждое утро пьем какао с булочками.

— И это его Споуд? — уточнил дяденька.

— Да, — озадаченно подтвердил Паддингтон. — У него много таких штуковин. Он держит антикварную лавку, и...

— Веди меня к нему, медведь, — задушевым голосом попросил дяденька. — Ничего не спрашивай, просто веди меня к нему.

Мистер Крубер в последний раз выглянул за дверь, чтобы убедиться, что все вещички убраны на ночь, а потом снова повернулся к Паддингтону.

— Знаете, мистер Браун, — сказал он, когда они удобно устроились в задней комнатке на диванчике из конского волоса, — я до сих пор не могу в это поверить. До сих пор не могу.

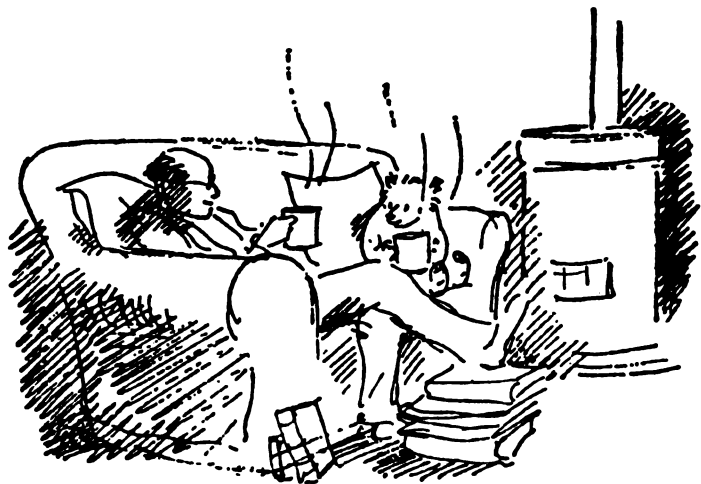
Паддингтон кивнул сквозь облако пара, поднимавшееся от чашки с какао, — было видно, что он совершенно согласен со своим другом.

— Если кто-нибудь когда-нибудь заговорит со мной о совпадениях, — продолжал мистер Крубер, — я обязательно расскажу им историю о том,

как вы устроились работать парикмахером. А для этого американского антиквара сегодня именно тот день, когда по волосам не плачут.

— Он и не плакал, мистер Круббер, — уточнил Паддингтон. — Он просто ругался.

Мистер Круббер усмехнулся про себя.

— Не хотел бы я попасть вместо него к вам в лапы, мистер Браун. Вы только вообразите себе, — продолжал он, — если бы вы не обрили его наголо и не стали бы приклеивать волосы на место, он бы так не рассердился. Если бы вы не поставили вазочку Сноуда на полку, он никогда бы не узнал про мою лавку. А если бы он не узнал про мою лавку, он уехал бы домой в Америку без

половины нужных ему вещей. Это называется цепочкой событий, и, должен добавить, в результате никто из нас не остался внакладе. Мне, похоже, придётся срочно отправляться на распродажи, чтобы заполнить все пустые места на полках!

Паддингтон выглянул в окошко, а потом втянул в себя тёплый от печки воздух. Почти во всех магазинчиках на улице Портобелло уже покрывали ставни, и даже в тех, которые ещё работали, день явно шёл к завершению и окна гасли одно за другим.

— А если бы всего этого не произошло, мистер Крубер, — сказал медвежонок, протягивая лапу к глиняному кувшинчику, — мы бы с вами тут сейчас не сидели.

Паддингтон очень любил пить какао с мистером Крубером, но вот так вот посидеть вместе вечером им доводилось нечасто, и он хотел насладиться моментом в полной мере.

Мистер Крубер кивнул, выражая своё полное согласие.

— И если хотите знать моё мнение, мистер Браун, — сказал он, улыбаясь, — это звено — самое приятное во всей цепочке!

ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ МЕДВЕДЕЙ

Миссис Браун выглянула из окна машины. — Если хотите знать моё мнение, — сказала она очень тихо, чтобы те, кто сидел на заднем сиденье — особенно один из них, — её не услышали, — ничего, кроме неприятностей, из этого не выйдет. Помните ведь, чем кончилось дело, когда мы взяли Паддингтона к Джонатану в школу.

— Да ничего там страшного не случилось, — осторожно возразил мистер Браун. — Если я правильно помню, Паддингтон просто спас положение. Помог команде выпускников выиграть крикетный матч.

— Одно дело — играть в крикет, другое — смотреть балет, — парировала миссис Браун. — Он ни за что не высидит спокойно целое представление. Что-нибудь обязательно да произойдёт.

И она вздохнула. С тех самых пор, как Паддингтон снискал в Джонатановой школе немеркнущую славу, выйдя там на крикетное поле и забив решающий мяч, Джуди только и мечтала, чтобы он приехал в гости и к ней, так что миссис Браун прекрасно понимала: сопротивляться бесполезно.

То, что дома у них живёт настоящий медведь, придавало Джонатану и Джуди особый вес в глазах одноклассников, и Джуди, завидуя громкой славе брата, теперь мечтала наверстать упущенное. И тем не менее по мере того, как они приближались к школе, где училась Джуди, миссис Браун выглядела всё более и более озабоченной.

— Вот это да! — воскликнул мистер Браун, когда они завернули за угол и проехали через кованые железные ворота в серой каменной стене. Он помахал рукой внушительной компании девочек в школьной форме и остановил машину. — Это что такое, приветственная делегация?

— Ну, что я тебе говорила! — произнесла миссис Браун, когда от компании отделилась знакомая фигурка Джуди — она подошла поздороваться. — Вот уже и началось.

— Ничего подобного! — возразил мистер Браун. Впрочем, помогая остальным выбраться наружу, он озабоченно поглядывал на машину — как бы не поцарапали. Потом он поздоровался с дочкой.

Паддингтон, который выкарабкался с заднего сиденья, выглядел ещё более озадаченным: он

стоял, шурясь от яркого солнечного света, слушал приветственные крики и время от времени приподнимал в ответ шляпу.

— Идем, Паддингтон, — позвала Джуди, беря его за лапу. — Тут очень многие хотят с тобой познакомиться, а ещё нам обязательно надо зайти в школьный магазинчик. Я рассказала про тебя миссис Бидл, нашей продавщице, и она грозилась перемазать мармеладом все хлебобулочные изделия.

— Перемазать мармеладом всех либо булочные изделия! — воскликнул Паддингтон, от души поразившись такому размаху.

Хотя перемазаться мармеладом ему случалось не раз и не два на дню, задача перемазать всю школу, да ещё вместо куда более подходящих для этого булочных изделий (тех же самых булок, как он понял, только названных заковыристо), даже ему оказалась бы не по плечу. Впрочем, выяснить подробнее он не успел, потому что девочки окружили его плотной толпой, и он почувствовал, что его мягко, но настойчиво подталкивают в сторону небольшой постройки в углу школьного двора, напротив главного здания.

Говорливая стайка уже скрылась за дверями школьного магазина, и тут миссис Браун заметила большой яркий плакат, висевший на доске объявлений у самых ворот.

— А я думала, что почётным гостем сегодня должен быть этот русский танцовщик, Антип Пожарский, — заметила она. — Боюсь, когда он

приедет и обнаружит, что его даже никто не встретил, он не обрадуется. Я уверена, что торжественная встреча готовилась для него, а не для Паддингтона.

— А вот и он, лёгок на помине, — сказал мистер Браун, потому что в этот момент в ворота вкатился огромный шикарный чёрный автомобиль и затормозил в нескольких метрах от них. — Подозреваю, что это он и есть.

Брауны сделали вид, что любят окрестностями, однако краем глаза не без интереса наблюдали, как дверцы машины распахнулись и оттуда появилась высокая фигура в чёрном плаще. Несколько секунд она стояла, подняв в воздух руку и выжидательно оглядываясь.

— Полундра! — воскликнул Джонатан спустя недолгое время, когда по всему школьному двору раскатился хлопок дверцы и машина, подняв столб пыли, рванула к главному зданию. — Вы только посмотрите, как он надулся.

— Ну прямо индюк, — подтвердил мистер Браун. — Да, день у него не задался. Он небось ждал аплодисментов.

— Ты бы тоже не обрадовался, если бы был знаменитым танцовщиком, а тебе вдруг взяли и предпочли медведя, — заметила миссис Браун. — Особенно такого медведя, который сейчас объедается в школьном магазине булкой с мармеладом.

— Он же не знает, что это медведь виноват, — рассудил мистер Браун. — Они с Паддингтоном даже не знакомы.

— Нет, — твёрдо сказала миссис Браун, направляясь вместе с мужем к зданию школы. — Не знакомы. И я сделаю всё, чтобы и не познакомились.

Проходя мимо магазинчика, она озабоченно посмотрела в ту сторону. К её немалой тревоге, из раскрытых окон несколько раз долетели крики «ура!», причём раза два в высшей степени громкие. Похоже, веселье там было в самом разгаре.

Впрочем, когда через некоторое время они уселись в школьном зале, даже миссис Браун должна была признать, что выглядит Паддингтон вполне благопристойно. Да, на мордочке у него появилась парочка мармеладных пятен, и мех уже лежал не так гладко, как утром, однако он чрезвычайно чинно уселся на крайний стул у самого прохода и стал с интересом рассматривать программку.

— А я просто жду не дождусь, когда же начнётся, — призналась миссис Бёрд, усаживаясь поудобнее. — Очень уж я люблю балет.

Брауны с удивлением посмотрели на свою домоправительницу, а у той в глазах появилось мечтательное выражение.

— И не упомнишь, сколько лет я уже не видела профессионального танца, — вздохнула она.

— Боюсь, что и сейчас не увидите, — прошептал мистер Браун, когда раскрылся занавес и за ним обнаружилась лесная полянка, а на ней несколько маленьких девочек, одетых мухоморами.

— Это первоклашки, — прошептала Джуди. — Они сейчас исполняют танец «Грибочки».

Паддингтон открыл чемодан, вытащил оттуда свой бинокль и с интересом уставился на сцену.

— Ну как, нравится? — прошептала Джуди.

Паддингтон слегка замялся.

— Ну, ничего, — сказал он после некоторого размышления. — Только говорят тихо, я ничего не слышу.

— В балете вообще не говорят, — зашептала Джуди. — Всё выражают в танце. Ты должен по их движениям догадаться, о чём идёт речь.

Паддингтон откинулся на спинку стула. Он не хотел говорить прямо, чтобы не огорчить Джуди, но вообще-то балет ему совсем не понравился. Ну, скачет толпа народу по сцене, один за другим, и мало того что молчат как воды в рот набрали, и от этого ничего понять невозможно, так ещё танцовщицы по большей части не вышли ростом и большинству девочек, особенно постарше, приходится всё время стоять на носочках. Впрочем, Паддингтон был медведем вежливым и честно аплодировал после каждого номера.

— Надо сказать, долговато эта лебедь помирала, — прокомментировал мистер Браун, когда наконец зажгли свет и объявили антракт. — Я уж думал, она и вовсе никогда не управится.

— А я люблю классический балет, — вступилась миссис Браун, и все её поддержали. — Помоему, прекрасное выступление.

— Я бы тоже хотел полетать по воздуху на проволоке, — размечтался Джонатан. — Вот, наверное, здорово!

Джуди передала Паддингтону программку.

— А следующим выступает знаменитый русский танцовщик, — сказала она. — Смотри, вот его фотография. Антип Пожарский.

— Он тип ужасный? — переспросил Паддингтон, с интересом разглядывая программку.

— Да нет, Пожарский, — поправила Джуди. — Это такая русская фамилия.

— А, он — русский тип, — сообразил Паддингтон и ещё раз взгляделся в фотографию. — Только если он такой ужасный тип, почему его пускают выступать в школе для девочек?

— Да никакой он не тип, просто... — Джуди тяжело вздохнула, пытаясь подобрать правильные слова.

Иногда растолковать что-либо Паддингтону не удавалось никакими силами.

— Ну ладно, какой бы ни был, я с огромным удовольствием на него посмотрю, — пришла ей на выручку миссис Бёрд. — Какое всё-таки наслаждение!

— Полундра! — вдруг воскликнула Джуди: девочка, сидевшая сзади, прошептала ей что-то на ухо. — Боюсь, он не будет выступать. Там что-то случилось за кулисами.

— Что?! — так и подскочил Паддингтон. — Ужасный тип не будет выступать?

— Какая неприятность, — протянула миссис Бёрд. — А я-то так надеялась...

Паддингтон уставился на занавес, который опустился, скрыв сцену, и просто не верил своим ушам, а вокруг все заговорили разом. Слова Джуди слышали ещё несколько человек, сидевших рядом, и скоро весь зал взволнованно загудел.

— Что-то там такое напутали, и его никто не встретил, — объяснила девочка, сидевшая сзади. — А он человек темпераментный и очень расстроился.

Мистер и миссис Браун переглянулись.

— Говорила я тебе, Генри, что если мы возьмём с собой Паддингтона, что-нибудь обязательно произойдёт, — напомнила миссис Браун.

— Ну уж на сей раз старина Паддингтон точно ни при чём, — возмущённо вступился за медвежонка мистер Браун. — Он же не виноват, что всем хотелось встретить его, а не какого-то там задаваку-плясуна. И вообще... — Мистер Браун внезапно осёкся, не договорив. — Вот так так, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Раз уж мы заговорили о Паддингтоне, сам-то он где?

— Только что был тут, — доложила Джуди, тоже начиная озираться.

— Смотрите! — крикнул Джонатан, указывая пальцем в проход. — Вон он!

Посмотрев туда, куда он указывал, Брауны как раз успели заметить, как мохнатая фигурка скрылась за дверью сбоку от сцены. Разглядеть выражение Паддингтоновой мордочки им не удалось, но шляпа его была очень решительно сдвинута набок, а то, как сидело на нём синее

пальтишко, не сулило ничего хорошего никому, кто встанет у него на пути.

— Может, стоит его догнать, Джуди? — встревоженно предложила миссис Браун.

— Поздно уже, — вздохнула Джуди. — Видели, кто там стоит за дверью? Мисс Гримшо!

При мысли, что Паддингтон сейчас встретится лицом к лицу с мисс Гримшо, её грозной директрисой, Джуди так и вжалась в свой стул; откуда ей было знать, что мисс Гримшо, донельзя расстроенная закулисными неприятностями, только обрадовалась, что можно выговориться перед кем-то посторонним.

— Ты случайно не из Твери? — спросила она с надеждой, когда Паддингтон представился.

— В общем, конечно, из двери, — озадаченно подтвердил медвежонок и вежливо приподнял шляпу. — Я из зала пришёл, поговорить с мистером Типом.

Мисс Гримшо бросила на него подозрительный взгляд.

— Я сказала «из Твери», — поправила она. — Это город в России, в котором живёт Антип Пожарский. И я очень сомневаюсь, что он станет с тобой говорить. Я думала, может, ты тоже русский и объяснишься с ним на его родном языке и немножко его успокоишь, но на нет и суда нет.

— Миссис Бёрд страшно расстроилась, — отозвался Паддингтон.

— Я и не сомневаюсь, — кивнула мисс Гримшо. — Я тоже расстроилась. Мы все расстрои-

лись. Мистер Пожарский и вовсе расстроился. И Дейдрре Шоу тоже расстроилась.

— Дейдрре Шоу? — повторил Паддингтон удивлённо.

— Она должна была исполнять па-де-де вместе с мистером Пожарским, — пояснила мисс Гримшо. — А когда мистер Пожарский сказал, что отказывается выступать, она в слезах убежала к себе в спальню, и с тех пор никто её больше не видел.

Пока мисс Гримшо произносила всё это, рядом открылась дверь и из неё появилась высокая представительная фигура в чёрном трико.

— Я имел передумать! — возгласил мистер Пожарский, величественно взмахнув рукой и выделывая ногами па для разогрева. — Я не стану разочаровывать зрителей. Сперва я станцую свой знаменитый сольный номер из «Лебединого озера». Потом — па-де-де. Все есть готовые, нет?

— Нет! — выпалила мисс Гримшо. — То есть... в общем... да. Сейчас будут готовы.

Антип Пожарский зашагал в направлении сцены, а мисс Гримшо, похоже, начисто утратила свое обычное ледяное спокойствие.

— Какой кошмар! — воскликнула она. — Взял и передумал, а Дейдрре Шоу непонятно где. Что он теперь скажет, когда обнаружит, что у него нет партнёрши для второго номера? Даже подумать страшно.

Заиграл школьный оркестр, поднялся занавес, раздался шквал аплодисментов, мисс Гримшо

убежала прочь, заламывая руки, и оставила Паддингтона стоять с очень задумчивым выражением на мордочке. Он смотрел на открытую дверь гардеробной Антипа Пожарского.

Будь тут Брауны, они немедленно признали бы это выражение. К счастью, они, как почти и вся школа, во все глаза смотрели на сцену — это помогло им сохранить душевное спокойствие.

Даже мистер Браун подался вперёд и захлопал так же рьяно, как и остальные, когда Антип Пожарский принялся исполнять один прыжок за другим и крутиться с такой скоростью, что у зрителей аж дух захватывало. После этого он исполнил целый каскад потрясающих арабесков, и зал дружно ахнул от восхищения, а когда танец закончился, стены задрожали от грома аплодисментов.

Наконец овации стихли, и Антип Пожарский остался стоять в круге света, образованного одним ярким софитом. Миссис Бёрд быстро взглянула в программку и прошептала:

— А теперь будет па-де-де.

— Уф, надеюсь, они отыскали Дейрдре Шоу, — пробормотала Джуди, когда оркестр заиграл снова. — Если нет — сейчас опять будет скандал.

— Отыскали, — подтвердил мистер Браун. — Видишь, кто-то там стоит сбоку за кулисами.

Джуди проследила направление его взгляда, а потом так и подскочила на стуле.

— Полундра! — воскликнула она. — Никакая это не Дейрдре Шоу. Это...

— Паддингтон! — хором подхватили все остальные Брауны, когда мохнатая фигурка, едва заметная в полутьме, прошагала через сцену и вступила в круг света.

— Господи помилуй! — ахнула миссис Бёрд. — Что ещё придумал этот медведь?

Её слова потонули в удивлённом гуле, который поднялся в зале, когда Паддингтон вышел на середину сцены, аккуратно поставил свой чемодан у самой рампы и вежливо приподнял шляпу, обращаясь к тем немногочисленным зрителям в первом ряду, которые рискнули робко зааплодировать.

— Господи, он бы хоть эту свою старую шляпу снял! — простонала миссис Браун.

— А что это на нём за штаны? — поинтересовалась миссис Бёрд.

— По-моему, больше похоже на мешок, — высказался мистер Браун.

— Никакой это не мешок, — догадалась Джуди. — Это балетное трико!

— Трико? — поразился мистер Браун. — Оно же вроде должно быть в обтяжку. А эта штука с него того и гляди свалится.

Брауны с ужасом следили, как Паддингтон, явно не рассчитав число поклонов, судорожно нахлобучил шляпу и подхватил нелепую одёжку, которая широкими складками свисала с его задних лап и норовила сползти совсем.

Первый раз с тех пор, как он решил попробовать себя в балете, он всерьёз пожалел о том, что не устоял перед искушением и всё-таки надел трико, которое висело на дверях гардеробной мистера Пожарского.

Ноги у медведей вообще довольно короткие, и это с самого начала создало определённые трудности, но по ходу дела выяснилось, что у Антипа Пожарского ноги в два раза длиннее нормальных, так что в районе Паддингтоновой талии скопилась куча лишней материи.

Медвежонок подпоясался какой-то верёвочкой, а ещё на всякий случай взял несколько портновских булавок, которые обнаружил на доске объявлений за кулисами; впрочем, булавки почти

все вывалились, и он немного задержался, полочее прилаживая большую французскую булавку, которую тоже прихватил на всякий пожарный случай.

Именно в этот момент Антип Пожарский, понятия не имевший, что происходит, завершил особо длинный и сложный пируэт у столба в дальней части сцены и стремительно полетел на Паддингтона.

Мгновение он постоял на одной ноге, закрыв глаза, приготовившись к важному моменту.

Паддингтон ещё раз вежливо приподнял шляпу, а потом дотянулся лапой до руки мистера Пожарского, простёртой ему навстречу, и приветливо пожал её.

— Добрый день, мистер Тип! — поздоровался он. — Я иду делать падеду.

Антип Пожарский застыл на месте. На миг даже показалось, что он превратился в камень, и Паддингтон посмотрел на него с некоторой тревогой, но тут мистер Пожарский вдруг ожил, и ещё как!

Сперва он открыл глаза, потом закрыл их снова, и по телу его прошла дрожь, начавшаяся от носков и распространившаяся до головы, будто в него попала пуля. После этого он снова открыл глаза и с омерзением уставился на свою руку. В луче прожектора было довольно жарко, и, похоже, после Паддингтонова пожатия на руке осталась какая-то липкая гадость.

— Ничего страшного, мистер Тип, — успокоил его Паддингтон, поспешно вытирая лапу об одну

из складок трико. — Это просто мармелад. Я забыл лапы помыть после булочных изделий.

Если мистер Пожарский и знал, что такое мармелад, и даже слышал про хлебобулочные изделия, он не подал виду. По телу его прокатилась ещё одна волна дрожи, и, когда оркестр заиграл крещендо, он закрыл глаза и, собрав всю волю в кулак, снова приготовился к па-де-де.

Паддингтон, очень довольный, что дело пошло на лад, крепко взялся за протянутую руку мистера Пожарского и наклонился, чтобы поднять свой чемодан.

В следующий момент ему показалось, что он попал в эпицентр землетрясения, грозы и урагана одновременно.

Сначала он испугался, что ему вот-вот оторвут переднюю лапу, потом закрутился как волчок и, наконец, всё ещё крутясь, грохнулся на сцену довольно далеко от мистера Пожарского.

Он немножко полежал там, отдуваясь, потом всё-таки поднялся, и как раз вовремя, чтобы увидеть, что в ярком свете рампы к нему приближается смутная фигура. Приглядевшись, Паддингтон заметил недобрый блеск в глазах Антипа Пожарского — блеск этот ему совсем не понравился, так что он на всякий случай снова сел на пол.

Мистер Пожарский остановился и уставился на сидящую фигурку.

— Я не имею возможности продолжать! — воскликнул он сурово. — Во-первых, у вас есть не-

достаточный рост, во-вторых, у вас есть нечистые батманы.

— Нечистые карманы? — возмущённо воскликнул Паддингтон. — Но я вчера вечером принял ванну!

— Я не имею сказать, что они грязные, — прошипел мистер Пожарский. — Я имею сказать, что они должны исполняться чётко, легко, вот так!

И он без лишних слов подскочил в воздух и перекрестил ноги, как ножницы, в такт музыке, потом развёл их снова и грациозно приземлился на один носок лицом к зрителям.

Зал разразился аплодисментами, а Паддингтон посмотрел на него с некоторым сомнением.

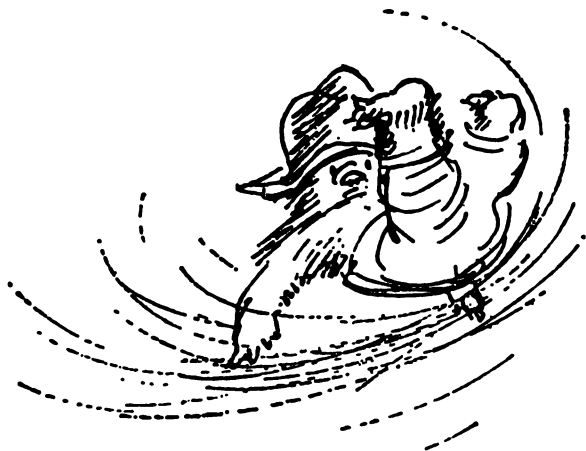
— Это не очень просто, если у тебя лапы, мистер Тип, — сказал он. — Но я попробую.

Закрыв, как и мистер Пожарский, глаза, Паддингтон подпрыгнул, честно постарался перекрестить лапы, но тут трико поползло вниз, и он всей тяжестью приземлился обратно. Но, приземлившись, ко всеобщему изумлению, подскочил снова, скрещивая и разводя лапы, да так, будто его подбросило на пружине.

— Во дает медведь! — изумился кто-то рядом с Браунами. — Тройной батман!

— Шесть, не три, — поправил со знанием дела интеллигентный старичок, когда Паддингтон приземлился и с громким воплем снова подскочил в воздух. — Bravo! — закричал он, пытаясь перекрыть аплодисменты.

Похоже, Паддингтоновы батманы, один выше и сложнее другого, произвели впечатление даже на Антипа Пожарского. Чтобы показать, что и он не лыком шит, он тоже высоко подпрыгнул, перекрестил ноги, соединил, снова перекрестил, снова соединил и под восхищённые вопли зрителей перекрестил в третий раз, прежде чем приземлиться.

Паддингтон, который всё это время сидел на сцене, внимательно разглядывая свою пятку, подскочил с громким воплем, который эхом заметался под потолком, потому что Антип Пожарский со всего маху приземлился прямо ему на лапу.

Да, прыжку Антипа Пожарского аплодировали жарко, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как хлопали Паддингтону, когда он снова подпрыгнул в воздух, отчаянно размахивая зад-

ними лапами, скрещивая их и так и сяк; потом он свёл их, прежде чем приземлиться, и почти тут же снова взмыл высоко в воздух.

На сей раз даже Антипу Пожарскому пришлось признать, что он встретил достойного соперника, и с грациозным поклоном, который вызвал в зале одобрительный ропот, он отошёл в сторону и тоже зааплодировал. Музыка смолкла, и Паддингтон, продолжавший подлетать все выше и выше, скрылся за упавшим занавесом.

— Ну, — подвёл итоги мистер Браун, когда аплодисменты наконец приутихли, — может, это был не самый классический балет, какой мне доводилось видеть, но уж всяко самый захватывающий.

— Ничего подобного не видел с тех пор, как казаки выступали, — согласился с ним интеллигентный старичок. — Пять гран-батманов кряду!

Донельзя удивлённые всем случившимся, Брауны попытались проникнуть за сцену, но, пока они выслушали всех девочек, которые плотной толпой окружили Джуди, поздравляя её с Паддингтоновым успехом, прошло немало времени, и они не скоро пробились к дверке сбоку от сцены. А когда наконец пробились, их ожидало новое потрясение: Паддингтона забрали в школьный медицинский кабинет «для срочного оказания первой помощи».

— Господи, надеюсь, он ничего не сломал! — причитала миссис Браун, почти бегом пересекая школьный двор. — Он так высоко прыгал!

— Скорее поскользнулся на мармеладной корочке, — мрачно предрекла миссис Бёрд, входя в медицинский кабинет. Впрочем, даже она встревожилась не на шутку, когда увидела, что Паддингтон лежит на кровати, задрав в воздух обе задние лапы, обмотанные бинтами.

— Ничего не понимаю, — призналась мисс Гримшо, выскочившая им навстречу. — У него в обеих пятках полно дырок. Надо отыскать нашего завхоза и спросить, что она думает.

— Дырок? — хором повторили Брауны.

— Дырок, — подтвердила мисс Гримшо. — Таких маленьких проколов. Словно червячок проел. Ну, не проел, конечно, — быстро поправилась она, когда с кровати долетел громкий стон. — Как обидно, такое было восхитительное представление. Вряд ли мы ещё когда такое увидим.

Мисс Гримшо побежала искать завхоза, а миссис Бёрд громко фыркнула. Ещё когда Паддингтон прыгал по сцене, у неё зародились подозрения, а теперь от её острых глаз не укрылось несколько валявшихся под кроватью блестящих предметов, которых до того никто не заметил.

— Медведи, которые закалывают трико портновскими булавками, — сказала она строго, — не должны удивляться, если булавки вываливаются. Да и в том, что эти самые медведи потом наступают на выпавшие булавки, попадают в больницу и остаются без мармеладного пудинга, который ждёт их дома, тоже нет ничего удивительного.

Паддингтон резко сел на кровати.

— Кажется, этим медведям уже лучше! — сказал он поспешно.

Конечно, приятно поболеть, чтобы все вокруг суетились и ахали. С другой стороны, мармеладный пудинг, особенно приготовленный миссис Бёрд, это всё-таки мармеладный пудинг!

— Это не имеет значения, если ты решил заняться балетом, — предупредила миссис Бёрд, когда Паддингтон слез с кровати и опробовал лапы на полу. — Мармеладный пудинг слишком

сытный и жирный. Я подозреваю, тебе придётся сесть на строгую диету.

Эти слова так и повисли в воздухе — Паддингтон выскочил за дверь и припустил к машине, с завидной скоростью для того, кто только что встал с больничной койки.

— Может, так оно и лучше, — серьёзно сказал мистер Браун, когда все они двинулись следом. — Я плохо себе представляю, как из Паддингтона получится профессиональный танцовщик.

— Сколько упражняться-то надо! — воскликнула миссис Браун.

— Да ещё трико носить! — присоединилась Джуди.

— И скакать с утра до ночи! — добавила миссис Бёрд. — Нет уж, скажу я вам, куда лучше просто быть медведем, который любит мармелад.

— Особенно, — подчеркнул Джонатан, — если ты медведь по имени Паддингтон.

И все с ним, конечно, согласились.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перевод А. Глебовской

В дорогу!	5
Деньги в банке	20
Переполох в аэропорту	37
Паддингтон спасает положение	52
Паддингтон и «пardon»	70
На рыбалке	93
Ехали медведи... ..	113
Неожиданное торжество	132
Привидения на палубе	150
Тихий ход	164
Дурацкая акция	184
Визит на биржу	200
Как соседу окно прорубили	218
Стрижки от мишки	238
Танец маленьких медведей	258

*Серия «Детская библиотека»
Для среднего школьного возраста
Литературно-художественное издание*

Майкл Бонд

ПАДДИНГТОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

Ответственный редактор
Ольга Миклухо-Маклай

Редактор
Сергей Степанов

Художественный редактор
Юлия Колесникова

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Нина Тюрина, Ольга Крылова

Верстка
Анастасии Золотухиной

Директор издательства
Максим Крютченко

Подписано в печать 27.10.2006. Формат издания 84 × 108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,2. Тираж 7000 экз.
Изд. № 186. Заказ № 2785.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.005253.06.06 от 20.06.2006 г.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Издательство «Азбука» представляет

Серия
«Очень прикольная книга»

Эта серия открылась смешными и трогательными повестями Ингвара Амбьернсена о веселых приключениях двух друзей — хитрого кота Роберто и простодушного пса Самсона, которые знамениты во всем мире не меньше, чем кот Матроскин и пес Шарик в России. Их полные юмора отношения и увлекательные похождения завоевали не только детские сердца. Теперь в серии выходят и другие веселые книжки, но их главной особенностью остается огромное количество замечательных цветных иллюстраций. Эти забавные картинки можно с удовольствием рассматривать и в одиночку, и всей семьей, находя в них каждый раз новые поводы для улыбки.

В серии вышли:

И. Амбьернсен. *Самсон и Роберто. Неожиданное наследство*

И. Амбьернсен. *Самсон и Роберто. Крутые ребята*

И. Амбьернсен. *Самсон и Роберто. Секрет патера Пьетро*

С. Людвиг, С. Вильхарм. *Мопс и Молли Мендельсон*

С. Людвиг, С. Вильхарм. *Сплошные неприятности*

Л. Мальмузи. *Неандертальский мальчик в школе и дома*

Л. Мальмузи. *Неандертальский мальчик и Большой Поход*

Л. Мальмузи. *Неандертальский мальчик и Кроманьонцы*

Е. Матюшкина, Е. Оковитая. *Ага, попался!*

Е. Матюшкина, Е. Оковитая. *Лапы вверх!*

Е. Матюшкина, Е. Оковитая. *Носки врозь!*

Р. Парк. *Вомбат с тупой головой*

Л. Сепульведа. *Мама-кот, или История про кота, который научил чайку летать*

И. и Л. Тюттяевы. *Зоки и Бада*

И. Уайброу. *Книга Безобразий Малютки Волка*

И. Уайброу. *Малютка Волк. Школа привидений*

Т. Янссон. *Волшебная зима*

Т. Янссон. *Комета прилетает*

Т. Янссон. *Опасное лето*

Т. Янссон. *Шляпа Волшебника*

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 703-06-07
ООО «Русич-Сан»,
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-Максимум»
тел. (495) 627-57-28
Интернет-магазин
«Лабиринт»
www.labyrinth-shop.ru*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28;
www.opt-kniga.ru*

Калининград: *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67;
sale_book@bookmirs.khv.ru*

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

Казань: *ООО «Таус»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «Озон»
<http://www.ozon.ru/>*

Издательство «Азбука» представляет

Джуджа Висландер Свен Нордквист

«Мама Му на качелях»

Цветное иллюстрированное издание

Самая знаменитая корова Швеции Мама Му
и ее друг Ворон приветствуют вас!

Когда все коровы Швеции мирно пасутся на лугу,
Мама Му ищет себе занятие поинтересней.

Всю жизнь лениво жевать траву, если вокруг столько
неизвестного? Это не для любознательной Мама Му!

Ее лучший друг Ворон отлично знает, что
любопытство до добра не доводит, и частенько бывает
прав. Но настоящий джентельмен никогда не бросает
даму в беде, и Маму Му ждут новые приключения...

Благодаря замечательным иллюстрациям известного
шведского художника Свена Нордквиста книги
об энергичной и обаятельной Маме Му стали
популярны во всей Европе.

*Готовятся к выходу новые книги
о Маме Му на русском языке!*

**Издательство «Азбука» представляет
новую детскую серию:**

«The Best • Children»

Дженни Ниммо «ЧАРЛИ БОН»

**Книги Дженни Ниммо о приключениях Чарли Бона
переведены на 15 языков и проданы общим
тиражом более 2 миллионов экземпляров.**

Дженни Ниммо — одна из самых известных современных английских детских писательниц. Она родилась в Виндзоре, работала преподавателем в Италии, а сейчас живет с мужем и тремя детьми на старой, перестроенной мельнице в Уэльсе.

Многие истории Дженни Ниммо отмечены премиями и экранизированы, но всемирную известность писательнице принесли книги об удивительных приключениях Чарли Бона. Они неоднократно входили в список бестселлеров «New York Times» и «Book Sense»; книги о Чарле Боне успешно продаются в США, Китае, Хорватии, Чехии, Нидерландах, Франции, Германии, Греции, Италии, Японии, Португалии, Испании, Таиланде, Вьетнаме, а теперь и в России.

Первая книга серии — «Чарли Бон. Скелеты в шкафу» — будет экранизирована кинокомпанией «Warner Bros. Pictures».

Выход фильма планируется в 2007 году.

Вышли в свет:

**Чарли Бон. Скелеты в шкафу
Чарли Бон. Призрак из прошлого
Продолжение следует...**

**КНИГА—ПОЧТОЙ: (812) 774-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru**

Издательство «Азбука» представляет:

ДИТЛОФ РАЙХЕ

ФРЕДДИ

**ФРЕДДИ И БОЛЬШОЙ
ШУРУМ-БУРУМ**

**ФРЕДДИ. ЖИЗНЬ,
ПОЛНАЯ РИСКА**

**ФРЕДДИ.
ОПЕРАЦИЯ «Х»**

Эти книги — о веселых
приключениях хомяка Фредди.
«Свобода любой ценой!» —
однажды решил хомяк Фредди.

И вот уже в прошлом осталась тесная клетка
в зоомагазине, впереди счастливая жизнь у новой
хозяйки и... прекрасная возможность читать книги.
Все бы хорошо, если бы в один прекрасный день
ему не пришлось переехать в другой дом, где
симпатичного хозяина есть еще здоровенный
Уильям и две противные морские свинки, цел
день гарланиящие песни. И тем не менее домашние
питомцы подружились и вместе им предстоит
пережить немало приключений!

КНИГА—ПОЧТОЙ: (812) 774-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН OZON.RU ЭТО:

**широкий ассортимент, информация о новинках
и бестселлерах, подробное описание товаров, удобство
поиска, простота покупки, быстрая доставка**

Самый большой в России выбор:

Книг (более 350 000 наименований)

- художественная литература, биографии, мемуары, искусство, культура, филология, общественные и гуманитарные науки, книги на иностранных языках
- детективы, триллеры, фантастика и фэнтези
- бизнес-литература, общественные и гуманитарные науки, компьютеры и интернет, наука, техника, медицина, энциклопедии, справочники, словари
- путешествия, отдых, хобби, спорт
- детская литература

DVD (более 8 000 наименований)

Видеокассет (более 13 000 наименований)

Аудио CD (более 70 000 наименований)

Игр и компьютерных программ (более 5 000)

Товаров для детей (более 3 500)

Большой выбор электроники и цифровой техники

Сделать заказ можно:

- на сайте www.ozon.ru
- по телефону: в Москве - (495) 797-92-84,
в Санкт-Петербурге - (812) 740-60-61;
России (495) 788-88-88

Доставка по территории России и всему миру.

www.ozon.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина: 000 «Азбука-Украина», 04073
г. Киев, Московский пр., 6
(2 этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67;
sale@azbooka.net

Израиль: «Спутник», Р.О.В. 2462, Kefar-Sava,
Israel, тел. +972-9-767-99-96,
dob@sputnik-books.com

Германия: Каталог «Аврора»,
официальный представитель
издательства «Азбука»,
Франкфурт-на-Майне
тел. (069) 37564252;
avrora-katalog@yandex.ru

Уважаемые читатели!

*Приглашаем вас посетить интернет-сайт
издательства «АЗБУКА» по адресу*

www.azbooka.ru

*На нашем сайте вы найдете каталог книг
издательства, информацию о новинках
и планах на будущее, отрывки из новых книг
и многое другое.*

*Здесь можно задать интересующие вас вопросы
и высказать свои пожелания.*

*На сайте вы также найдете ссылки
на интернет-магазины, торгующие книгами
издательства «Азбука».*

Ждем вас круглосуточно, каждый день!

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300; тел.: (812) 774-40-63;
www.areal.com.ru; e-mail: postbook@areal.com.ru

Истории английского писателя Майкла Бонда о медвежонке по имени Паддингтон давно уже стали классикой английской детской литературы. Если речь заходит о самых знаменитых литературных медведях, англичане обязательно вспоминают Винни Пуха и Паддингтона.

В этой книге Паддингтон отправляется путешествовать. Сначала во Францию, провести летний отпуск. Потом в Дремучее Перу, на юбилей своей тётки Люси, которая живёт в доме для престарелых медведей.

А путешествия — это всегда приключения и неожиданности: можно, например, выйти победителем в велогонке «Тур де Франс», можно остановить огромный лайнер, можно просто выйти на палубу погреться на солнышке и вдруг увидеть привидение...

Словом, где бы Паддингтон ни оказался, всюду начинают происходить невероятные события. Такой уж это медведь — где он, там никогда не бывает скучно.

ISBN 5-91181-186-3

9 785911 811860

www.azbooka.ru